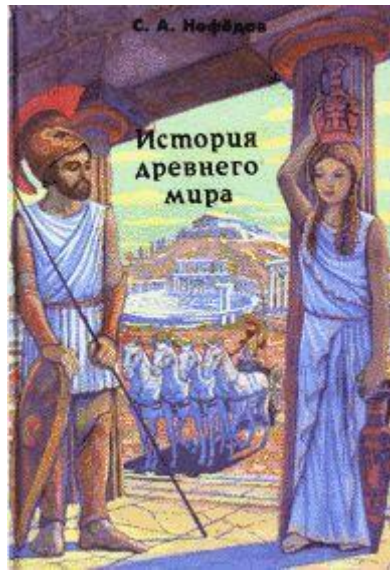

Сергей Александрович Нефедов

История Древнего мира

«Нефёдов С. А. История древнего мира»: Владос; 1996
ISBN 5-691-00017-9

Аннотация

Популярное изложение истории древнего мира. История, поданная как роман. Увлекательное чтение для всех любителей истории. Книга, которая в увлекательной форме повествует о том, как законы истории играли судьбами миллионов людей и о том, как люди постигали эти законы.

Эта книга не требует особого предисловия – ее можно читать просто как "роман истории". Для любителей истории книга Сергея Нефедова представляет собой настоящий клад – они могут найти здесь много нового и интересного – не только факты, но и концепцию, помогающую понять историю.

Сергей Александрович НЕФЕДОВ

История Древнего мира

ПРЕДИСЛОВИЕ

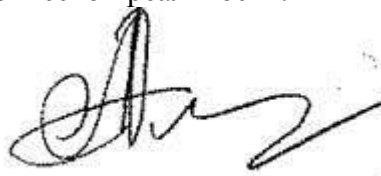
Для многих читателей эта книга не требует особого предисловия – ее можно читать просто как "роман истории". Это действительно увлекательный роман, особенность которого заключается в том, что он написан по "учебной программе". Эта программа значительно шире программы обычной школы, и по этой книге могут заниматься учащиеся гуманитарных лицеев и студенты институтов – те, для которых история не является основной специальностью. Для любителей истории книга С. А. Нефедова представляет собой настоящий клад – они могут найти здесь много нового и интересного – не только факты, но и концепцию, помогающую понять историю. Современные российские учебники обычно лишь пересказывают события и мало что объясняют; *эта книга объясняет историю.*

Конечно, историю можно объяснять, лишь опираясь на мощную и хорошо разработанную теорию исторического процесса. Автор не пишет о происхождении используемой им концепции, и именно это обстоятельство побудило меня написать это краткое предисловие. Основа этой книги – концепция знаменитой французской школы "Анналов", и в частности, так называемая теория "вековых тенденций" (или "демографических циклов"). В основе концепции

"Анналов" лежит объяснение исторических событий через посредство демографических, экономических и экологических закономерностей. Эта теория разработана в трудах знаменитых ученых, таких, как Фернан Бродель, Эрнест Лабрусс, Франсуа Симиан, Пьер Шоню; в ее создание внесли свой вклад известные европейские и американские историки Майкл Постан, Вильгельм Абель, Курт Хеллинер, Карло Киполла, Рондо Камерон. В своих основных чертах эта концепция сформировалась достаточно давно, почти полвека назад; она получила название "La Nouvelle Histoire" – "новая историческая наука".

"Очень нелегко переубедить историков и особенно преподавателей общественных наук, упорно желающих понимать под историей то, чем она была вчера, – писал Фернан Бродель. – А между тем, новая историческая наука уже существует, непрерывно совершенствуясь и видоизменяясь..." С тех пор как были написаны эти слова, прошло больше сорока лет, и концепция "новой исторической науки" стала классикой западной историографии; она вошла в учебники и энциклопедии. У школы "Анналов" появились "родственники" в других странах – "новая научная история" в Англии и "новая экономическая история" или "клиометрия" в Америке. Поскольку демографические и экономические закономерности описываются математическими уравнениями, то американские "клиометристы" предприняли попытку выразить исторические процессы с помощью математических моделей. Простейшая из используемых ими моделей – это логистическое уравнение, о котором говорится в приложении к этой книге.

Конечно, учебник, написанный с позиций западной историографии, может вызвать естественные вопросы у российского читателя. Долгий период изоляции от мировой исторической науки не прошел даром, и теперь у нас, как когда-то во Франции, "очень нелегко переубедить историков и особенно преподавателей общественных наук, упорно желающих понимать под историей то, чем она была вчера". Но времена меняются, и постепенно приходит новое понимание окружающего нас мира. Будем надеяться, что книга С. А. Нефедова внесет свой вклад в это новое видение исторической реальности.

Академик Российской Академии Наук,
директор Института истории и археологии
УрО РАН
В. В. Алексеев

Глава I. Мир охотников

МИЛЛИОН ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

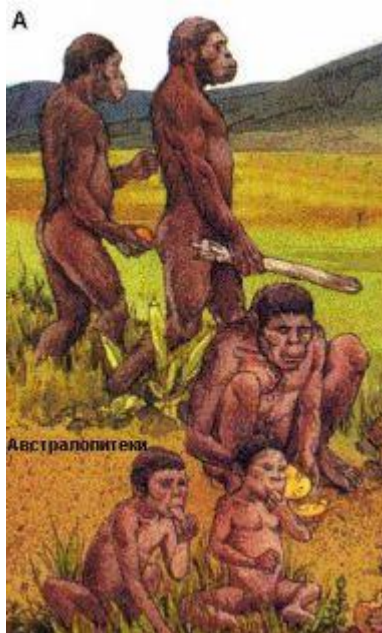
И был вечер и было утро: день первый.
Бытие, 1,5.

Знойное африканское солнце сияло над саванной, над зеленой кромкой джунглей и песчаными отрогами Олдувайского ущелья. То здесь, то там виднелись стада антилоп и жирафов; подобно движущимся холмам бродили гигантские носороги, не боявшиеся даже хозяев саванны – саблезубых тигров и пещерных львов. И где-то здесь, в саваннах и джунглях Восточной Африки, обитали предки людей, обезьяны-австралопитеки, умевшие одинаково ловко лазить по деревьям и передвигаться на двух ногах по земле. Они были низкорослые, коренастые, обросшие шерстью, с темной кожей и мощными челюстями. Они владели страшным для других зверей оружием – дубиной; удар зажатой в длинной руке дубины был подобен удару львиной лапы. Дубина была первым изобретением обезьян на их пути к власти

над миром зверей. Затем появились копье и огонь, подарившие им господство над саванной. Размахивая копьями и факелами, стая загоняла обезумевших от ужаса антилоп к обрыву – туда, где, под кручей стояли самые опытные охотники, добывавшие покалеченных животных. Потом на месте побоища разводили костер, жарили на огне целые туши и рвали руками горячее мясо. Насытившись, забрались в свою пещеру и дремали до следующего дня, следующей охоты.

Ни носороги, ни обитавшие на севере огромные мамонты не могли противостоять стаям обезьян; опаснейшим врагом стаи были не носороги и львы, а другие стаи. В голодный год стаи шли облавою друг на друга, под каменными топорами хрустели черепа, и победители, привычно размахивая копьями, загоняли побежденных к обрыву. Под обрывом, как всегда, разводили костер и поедали добычу, а кости побежденных раскалывали и высасывали так же, как кости антилоп.

Так продолжалось из года в год и из века в век. Менялся климат, с севера наступали ледники, менялась окружающая природа, менялись и сами обезьяны; их руки стали короче, челюсти уменьшились, а голова увеличилась в размерах. Австралопитеков сменили питекантропы, а питекантропов – неандертальцы, но ни те, ни другие не были похожи на людей. Они были ширококостными и очень сильными, со скошенными челюстями и огромным нависающим над глазами валиком. Они оставались обезьянами – хотя эти обезьяны и научились одеваться в шкуры. Лишь чудо могло превратить обезьяну в человека.

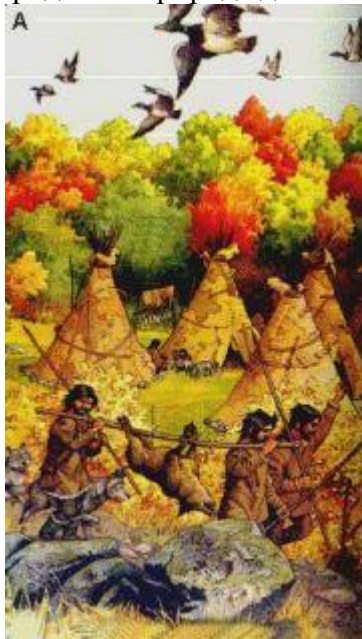
СОРОК ТЫСЯЧ ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

И сказал Бог: "Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему..."
Бытие 1,2.

Все так же сияло над саванной солнце; так же зеленели деревья и поблескивали вершины гор на горизонте. Все так же двигалась по равнине цепь загонщиков; но в этой цепи теперь шли не обезьяны, а люди. У них были те же каменные топоры и копья, но они совсем не походили на обезьян, они были высокими, стройными и умели говорить. Должно быть, какое-то чудо, какая-то случайная мутация привела к тому, что из чрева обезьяны появился первый человек. Какое-то время люди и неандертальцы жили рядом и, может быть, даже грелись у одного костра в хорошо известной археологам палестинской пещере Табун. Но потом произошло то, что должно было произойти: недостаток пищи породил между людьми и неандертальцами войну не на жизнь, а на смерть. Быстро размножившиеся роды людей расселялись со своей прародины на новые земли и всюду сталкивались с неандертальцами – хозяевами этих мест. Двигавшиеся поперек саванны цепи охотников загоняли неандертальцев к обрыву; под

обрывом добивали уцелевших и только молодых женщин оставляли себе. Новые поколения шли дальше на юг, запад, восток, им требовались все новые земли – и они прогоняли обезьян в леса и горы. Через десять тысяч лет с неандертальцами было покончено; человек завоевал свою планету. Лишь некоторые восточные народы, австралийцы и айны, сохранили небольшую примесь неандертальской крови – результат смешения побежденных и победителей.

Наступила эпоха господства человека; саванны, степи и тундры были поделены между охотничьими родами. Продвигаясь всё дальше на север, люди перешли скованный льдами пролив и оказались в Америке; они заселили огромный новый материк, на который не ступала нога их предков-обезьян. Даже самые сильные были не в состоянии сопротивляться новым властителям мира: огромных мамонтов и носорогов загоняли к обрыву точно так же, как антилоп. Охотники поджигали траву и обрекали на смерть все живое; их стойбища были буквально завалены костями многих тысяч бизонов и лошадей. Неуклюжие мамонты были истреблены до последнего; вместе с ними погибли мастодонты, американские лошади, верблюды, ленивцы, мускусные быки, пекари и десятки других видов животных. Люди убивали животных, чтобы насытиться, чтобы выжить: их становилось всё больше и им требовалось всё больше пищи; они заселили всю землю и взяли от нее всё, что могли. В поисках пропитания они – так же, как их предки-обезьяны, – собирали съедобные растения и выкапывали клубни палкой-копалкой. Затем они научились ловить рыбу, выжигать лодки-долбленки и использовать сети. Пятнадцать тысяч лет назад они изобрели лук, позволивший охотиться на птиц и мелких зверей. Эти открытия давали временное облегчение, голод отступал, но затем население увеличивалось – и голод возвращался. В конце концов, уничтожив десятки видов животных, люди обратились против самих себя: охотничьи группы стали загонять друг друга к обрыву точно так же, как это когда-то делали обезьяны. Рядом с аккуратно расколотыми и высосанными костями мамонта археологам стали попадаться столь же тщательно высосанные кости людей. Человек был частью природы – и природа диктовала ему свои жестокие законы.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Количество населения неизбежно ограничивается средствами существования.
Томас Мальтус.

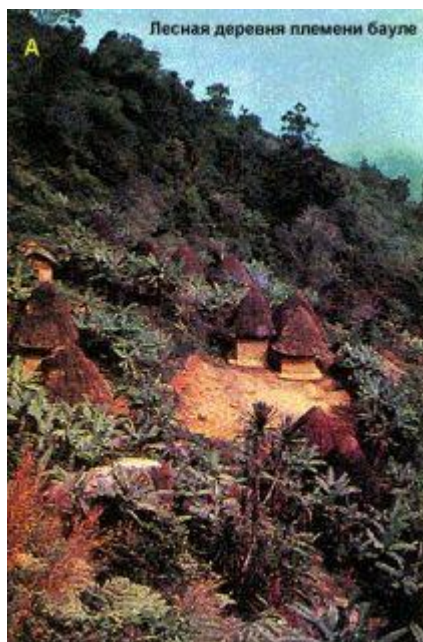
Задолго до того, как человек стал господином мира, хозяевами саванны были стаи львов. Львы тоже были охотниками и так же, как люди, охотились стаей. После охоты все вместе поедали добычу; все вместе воспитывали львят и жили одной большой семьей. Стая имела свою территорию и постоянно сражалась за нее с другими стаями; эти сражения были столь жестокими, что рано или поздно заканчивались гибелью стаи; победители убивали львов и

забирали к себе молодых львиц.

Люди жили подобно львам и волкам – это был образ жизни охотников. Львица приносит каждый год по несколько львят, которые требуют пищи; женщина рождает детей, которые хотят есть. В последнее время численность населения Земли увеличивается на два процента в год, и можно предположить, что охотники размножались примерно так же. В таком случае численность охотничьего рода за полвека возрастет в 2,7 раза, а за столетие – примерно в 7 раз. Можете ли вы представить, что произойдет в следующие столетия? Через двести лет род вырастет в 52 раза, а еще через двести – в 2700 раз! Разумеется, этим бесчисленным новым поколениям не хватит пищи и места под солнцем. И они будут сражаться за эту пищу – так же яростно, как сражались львы.

Страшная сила, которая гонит людей на поле боя, называется **ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ДАВЛЕНИЕМ**. Попросту говоря, демографическое давление – это голод, это величина, обратная потреблению пищи на душу населения. К примеру, в Европе потребление пищи вдвое больше, чем в Индии, – это значит, что демографическое давление в Индии вдвое выше, и это значит, что Индия находится под постоянной угрозой голода и внутренних войн.

Представьте себе территорию, принадлежащую охотничьему роду: равнину с пасущимися на ней стадами, лес с его грибами и кореньями, богатую рыбой речку. Вся эта земля с её пищевыми ресурсами – это **ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ НИША** рода, и когда род увеличивается в размерах, он давит на стенки этой ниши, пытается их раздвинуть. Экологическую нишу можно расширить, сделав какое-нибудь изобретение, смастерив гарпун, чтобы ловить рыбу – изобретения, расширяющие экологическую нишу, называются **ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМИ ОТКРЫТИЯМИ**. Можно сделать лук, напоить стрелы ядом и, уничтожив соседний род, захватить его земли – это тоже расширение экологической ниши. Дубина, огонь, копье, каменный топор, лук – всё это были Фундаментальные Открытия, позволявшие обезьянам и людям расширять свою экологическую нишу, постепенно овладевая всей планетой. Совершая эти открытия, человек вместе с тем изменял самого себя – и, хотя его внешность почти не менялась, но обычаи и поведение становились непохожими на унаследованные от предков. Иной раз эти перемены бывали столь велики, что можно говорить о рождении **НОВОГО ВИДА** людей – причем зачастую этот новый вид оказывался враждебен другим людям; овладев новым оружием и гонимый голодом, он начинал против них войну за жизненное пространство. С другой стороны, оказывая давление на стенки экологической ниши, человек, в свою очередь, ощущал ответное давление – это был голод, мор, это были нападения других родов, это было демографическое и военное давление извне. Общая сила этого давления измерялась теми потерями, которое оно наносило роду, – коэффициентом смертности взрослого населения. Демографическое давление, наряду с потреблением пищи, измерялось также коэффициентом голодной смертности; военное давление – коэффициентом военной смертности. Давление окружающей среды принимало облик смерти – и, чтобы противостоять ему, нужно было сплотиться в единый коллектив, род или стаю. **НУЖНО БЫЛО ЖИТЬ ВМЕСТЕ.**

РОД

*Вместе собирайтесь! Вместе договаривайтесь!
Единым да будет ваш замысел, едиными – ваши сердца!*
Ригведа.

Что значит жить вместе? Это значит вместе идти в цепи загонщиков и плечом к плечу стоять в сражении; это значит вместе есть у костра горячее мясо и в случае нужды без колебания отдавать свою долю попавшему в беду другу и брату. «Люди эскимосского стойбища, – писал известный полярник Расмуссен, – жили в состоянии столь ярко выраженного коммунизма, что не было даже никаких особых охотничьих долей. Все трапезы совершались вместе, как только было убито какое-либо животное...»

Коммунизм, Равенство, Братство были великими обычаями охотников всех времен. Охотник не мог жить в одиночку: источником пищи людей Каменного Века была коллективная загонная охота. Одиночка был обречен на смерть и, сражаясь за жизнь, люди сплывались всё тесней и тесней – так, чтобы каждый чувствовал руку друга и брата рядом со своей рукой.

Род – так называлось то великое целое, которое появлялось от соединения тел и душ. Все мужчины рода считались братьями, и это братство не зависело от обстоятельств рождения. Братья-мужчины были неразлучны, они вместе охотились, вместе ели и вместе спали. Их единство доходило до самоотречения: скифские братья клялись, что в случае необходимости умрут один за другого. "И мы действительно так поступаем, – говорил скиф Токсарис, герой одного из древних писателей. – С того времени, как мы, надрезав пальцы, накапаем крови в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведаем этой крови, ничто не может разлучить нас".

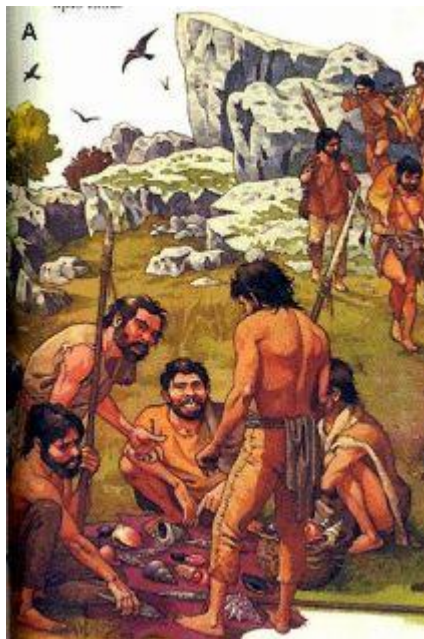
Единство не оставляло места для себялюбия и лукавства; прямота, честность, открытость были необходимыми качествами охотника. "Бог сотворил этих простых людей без пороков и хитрости", – писал испанский епископ Лас Касас об американских индейцах. Хитрость и обман порождали недоверие и несогласие, а малейшие разногласия перед лицом окружающих опасностей могли привести к гибели. Поэтому слово охотника было во все времена словом чести.

Люди Каменного Века не знали, что такое богатство и власть. Родовичи были равны друг другу и все вместе решали свои дела. Выборным вождям негде было проявить себя, потому что не было ни распрей, ни смут, не было тех, кого они должны были бы судить и наказывать. Тяжелейшим наказанием считалось публичное осмеяние виновного – и этого было вполне достаточно, чтобы он исправился или умер от стыда. Чувство стыда, боязнь публичного осмеяния, честолюбие – вот те качества, которые завещаны нам людьми Каменного Века. Честолюбие в те времена заменяло богатство, и люди были готовы пойти на риск, чтобы

удостоиться сдержанной похвалы сородичей.

Единство и сплоченность ценились превыше всего, ничто не должно было разъединять мужчин рода: ни распри, ни доля добычи, ни соперничество из-за женщин. Брак формально существовал: каждый мужчина должен был привести в род женщину, которая считалась его женой – первой женой. Но, как это принято у австралийцев, у каждого мужчины были также вторые, третьи, четвертые жены – жены братьев и побратимов. Алеуты называли жену брата "аягань" ("моя жена") или "аягатахан" ("заместительница жены"). Мужчины часто обменивались женами и детьми – почти половина детей эскимосов, живших у залива Рипалс, воспитывалась в чужих семьях. Друзья, "товарищи по песне", даже формально имели общих жен, братство мужчин всегда выливалось в общность жен. Даже сейчас во многих азиатских странах ещё не забыт старинный обычай предоставления женщины гостю.

Постоянный обмен женщинами, детьми, пищей дополнялся обменом подарками – тем немногим, что составляло личную собственность охотников: каменными ножами, бумерангами, поясами из человеческих волос. Род был един и всё достояние его было общим, это особенно проявлялось во время родовых празднеств. Совместное угощение, молитвы общему предку, экстатические танцы и беспорядочная любовь символизировали единство рода. Род был олицетворением единства, и только единство могло спасти людей в час испытаний, единство, выносливость и терпение. Это было главное, и поэтому вся жизнь Рода была посвящена воспитанию сплоченности, выносливости и терпения в предвидении того рокового часа, когда всё это потребуется на охоте или в бою.

ВОСПИТАНИЕ ВЫНОСЛИВОСТИ

*В одно время выпросили они у
матери младшего брата на охоту,
завели в лес и оставили там.
Из русской сказки .*

Не так-то легко назвать человека братом и вручить ему свою жизнь. «Братья», мужчины рода, должны быть смелыми, выносливыми и сильными, должны быть настоящими товарищами на охоте и в бою. Они составляли ядро рода, «мужской союз» с его суровыми, таинственными обрядами. Вступить в этот союз, стать «братом» и полноправным мужчиной было дано не каждому, и подрастающих юношей ждал тяжелейший жизненный экзамен – инициация.

"Свожу-ка я каждого своего сына в лес, узнаю, к чему они способны", – говорит отец в русской сказке. Инициации обычно проводились в лесу, в особой хижине, внутри увенчанного черепами частокола. Из этой хижины суждено было вернуться не всякому, вход в неё

изображал пасть чудовища, и вырваться из этой пасти могли лишь настоящие мужчины. Во время испытаний им запрещалось кричать, но всё же многие путешественники по Океании с ужасом описывали вопли, раздававшиеся из этой хижины. "Видимым символом такого посвящения является рассечение кожи спины от шеи вниз", – рассказывал один из очевидцев. Иногда под кожу пропускали ремни, на которых мальчиков подвешивали. В раны втирали перец, передние зубы выбивали, чтобы "придать лицу сходство с дождевыми тучами". Ногтями протыкали отверстие в носовой перегородке, потом заставляли танцевать на углях и обмазывали тело известью, чтобы оно имело вид трупа, проглоченного чудовищем.

"Тягенька, теперь прощай, я не ваш! – говорит мальчик, уводимый на инициацию. – Я теперь к чуду лесному отправляюсь на пожирание!". Женщины ложились лицом вниз и испускали крики отчаяния: некоторым юношам, действительно, не суждено было вернуться. У австралийцев ещё сохранились свидетельства тех времен, когда слабых убивали; другие погибали от ран. Трупы погибших рассекали, мальчиков заставляли проползти под ними, ослепляли с помощью перца и заставляли молчать. Перенесшие все это назывались у ариев "дваждырождёнными", что почти соответствовало действительности.

После окончания испытаний приходил черед тайной науки. Юношей учили обычаям рода, передаваемым по наследству охотничьим навыкам, "языку зверей". Они становились мужчинами-охотниками, но не могли жить вместе с родом, пока не женятся, не приведут в род женщину. Юноши-холостяки жили в "мужских домах" в глубине леса, сами охотились и сами готовили пищу. Это было продолжением жизненной школы – этап, на котором они должны были приобрести самостоятельность; лишь в случаях крайней необходимости им разрешалось красть продукты в роду. Фольклор сохранил множество воспоминаний об этих разбойниках, "семи богатырях", живущих в лесу. Сохранились и описания современных "мужских домов" в Океании: "Дом этот стоит на столбах; некоторые столбы вырезаны в виде мужских и женских фигур. Бревно, по которому забирались к входной двери, также представляло обнажённую мужскую фигуру. Входные двери были занавешены, чтобы ни одна женщина не могла заглянуть в глубь дома... и не подвергалась, таким образом, смерти".

Женщинам запрещалось подходить к мужскому дому, но в то же время там часто можно было видеть девушку, "Василису Прекрасную", живущую с "семью богатырями". Эта девушка принадлежала обычно к тому же роду, и ее отношения с "братьями" носили особый характер: она считалась для них не женой, а сестрой, и появлявшихся у нее детей сразу убивали. Холостяки должны были найти себе жен из других родов – таков был древний закон экзогамии, унаследованный людьми от их предков. В поисках невест юноши устраивали любовные экспедиции, которые в Океании назывались "улатиле": они прокрадывались к стоянкам другого рода и долго выжидали момента для знакомства. Девушки отвечали им взаимностью и иногда сами, тайком от матерей, группами приходили к стоянкам холостяков. Эти экспедиции были не вполне безопасны, особенно для юношей, ведь отношения между родами зачастую были враждебными. Любовные игры в кустах иногда прерывались нападениями отцов и братьев девушек. Иногда холостяки "умыкали" невест. Однако обычно дело решалось мирно, путем обмена: кто-нибудь из братьев похищенной невесты отвечал тем же и брал себе в жены сестру похитителя. И вот, приведя в стойбище свою невесту, "дваждырождённый" юноша, наконец, становится настоящим мужчиной, братом всех мужчин стойбища. Время обучения и испытания заканчивалось, и впереди открывалась новая жизнь, жизнь воина и охотника, хозяина лесов и степей.

ЖИЗНЬ РОДА

*Будучи объединены общим скотом,
общими мыслями, они вместе боролись.*
Ригведа.

Мужчины были хозяевами в этой жизни, потому что они кормили род – от их охотничьей удачи зависела жизнь каждого. Женщины лишь изредка принимали участие в больших охотах, основными их занятиями были собирательство и выкармливание детей. Мужчины погибали на

охоте и в войнах – поэтому женщины должны были рожать каждый год, и самые плодovитые женщины пользовались наибольшим уважением у мужчин. Детей было очень много, но воспитывали далеко не всех: численность рода ограничивалась размерами его угодий. Дети подвергались жестокому естественному и искусственному отбору, и чем больше рождалось детей, тем более выносливыми и сильными были те, кто доживал до совершеннолетия.

Отбор начинался с момента рождения: еще недавно индейцы купали своих новорожденных зимой в холодной воде. Иногда в первые дни их не кормили и не одевали, зачастую дети ходили голыми до 10-12 лет. Отбор юношей завершался жестокими инициациями, и австралийцы откровенно объясняли эти обряды желанием уменьшить население. Отбор девушек производился менее строго: девушки предназначались для обмена и рано или поздно уходили от своих родителей. Поскольку их рождалось гораздо больше, чем требовалось для обмена, то большинство новорожденных девочек сразу же убивали. Заболевших девочек алеуты убивали вплоть до шестилетнего возраста.

Со временем девочка становилась девушкой, а потом – женой. Австралийские охотники всецело распоряжались своими женами, могли одалживать их другим мужчинам, обменивать на других женщин или на вещи. Муж мог оставить жену, не давая по этому поводу никаких объяснений. Но вместе с тем мужчина должен был заботиться о своей жене и защищать её, если же он отказывался это делать, то за женщину вступались родовичи. Вдовы и старухи находились на иждивении рода, который уважал их жизненный опыт. Мужчины обычно не доживали до старости, и хранителями преданий и мистических тайн, колдунами и шаманами часто были женщины. Женщины находились в какой-то непостижимой для мужчин связи с природой, своим колдовством старухи вызывали живительный дождь и побуждали животных плодиться. Таинственная колдунья, повелительница звериного племени, превратилась в русских сказках в Бабу-Ягу. “Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом – и вдруг, откуда только взялись – побежали всякие звери, полетели всякие птицы...” Старуха могла дать добрый совет, излечить от болезни, но могла и околдовать, наслать порчу, стоило ей только завладеть волоском или ноготком жертвы. В Австралии колдун привязывал этот волос к копьеметалке вместе с пером сокола и жиром человека, а потом пел, повторяя имя жертвы, пока волосок не падал на землю. Это страшное колдовство обычно губило человека, как только он узнавал о нем.

Шаманки могли многое: “вынюхать преступника”, узнать волю предка, превратиться в ворону и отогнать птиц – злых духов. Но ритуалы охотничьего культа обычно выполняли шаманы-мужчины. Они рисовали на земле контуры зверей и, распевая заклятия, метали в них копьа. Иногда охотники разыгрывали целые спектакли в шкурах животных с танцами и песнями. На стенах пещер они рисовали пораженных копьями лошадей и бизонов, эти рисунки образовали целые галереи, наподобие знаменитой галереи в пещере Монтеспан. Изображения бизонов, лошадей, мамонтов, сцены загонной охоты, пронзённый копьем бизон и распростёртый рядом охотник, утыканный копьями макет медведя – все это говорит о том, что пещеры были охотничьими храмами рода. Люди молились неведомому богу удачи, молились испуленно, выпрашивая для себя добычу и жизнь.

Наутро они выходили на охоту, одинаково рослые и сильные, похожие на американских индейцев, хозяев прерии. Рядом с охотниками бежали полудикие собаки – их друзья и помощники, тоже знавшие толк в загонной охоте. Пятнадцать тысяч лет назад человек заключил союз с собакой-волком, и они стали охотиться вместе, помогая друг другу. Люди и волки обладали одинаковыми качествами хищников: быстротой и выносливостью, зоркими глазами, тонким слухом и чутким обонянием. Они одинаково привыкли таиться в засадах, выслеживать, убивать и, вероятно, чувствовали себя сродни друг другу. Вьетнамские тахтай считали волков своими младшими братьями, а обитавшие в Великой Степи арии называли себя Народом Волка. И недаром образ Древнего Человека, сохранившийся в глубинах нашей памяти – это фигура одетого в шкуры охотника, стоящего рядом с собакой-волком. Этот образ господствовал над миром, пока снова не пришла эпоха чудес. В девятом тысячелетии до нашей эры наступило время перемен – таких, каких ещё не случалось пережить человеку и его предкам...

Глава II. Мир земледельцев

ПРИШЕСТВИЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА

*Во времена Шень-нуна небо пролилось
на землю просом. Шень-нун вспахал
землю и посеял семена.*

История Чжоу.

Чудо произошло где-то в степях и предгорьях Передней Азии, в Палестине или в Северной Месопотамии. Эти места не отличались богатым животным миром, и здесь не было хорошей добычи для копий – но зато в здешних степях росла дикая пшеница. Местные жители кормились собирательством: женщины срывали колоски пшеницы и растирали их на каменных зернотерках. Постепенно они заметили, что оброненные около жилищ зерна весной дают всходы, и стали бросать их специально, на взрыхленную мотыгой почву. На холмах Палестины заколосились первые пшеничные поля и – о, счастье! – оказалось, что небольшое поле может прокормить весь род. Ведь для охоты требуются обширные пространства: двадцать квадратных километров для пропитания одного охотника. Если же засеять эту землю зерном, то можно прокормить сотни, тысячи людей. Это было великое Фундаментальное Открытие, экологическая ниша расширилась в сотни, в тысячи раз! На первых земледельцев снизошло неслыханное изобилие, начался Золотой Век человеческой истории.

Как странно выглядел этот мир в глазах пропахшего потом и кровью охотника. Ушла в прошлое эпоха отчаянной борьбы за существование, эпоха голода и яростных схваток – каменный топор против копья с обожжённым концом. "Причина в том, какой год,– писал древний китайский философ. – Если год урожайный, то люди становятся гуманными и добрыми..." В те времена все годы были урожайными: земли было достаточно и девственные равнины плодоносили как бы сами собой:

Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела... Добра недостаток
Был им ни в чем не известен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли.

Так передавал легенду о Золотом Веке древнегреческий поэт Гесиод. "Тогда осуществились принципы всеобщей справедливости, – говорит китайский трактат "Лицзы", – в Поднебесной всё было общим, выдвигали мудрых и способных, поступали честно, поддерживали согласие и мир. Вот почему старики имели приют, взрослые находили применение, малолетних заботливо воспитывали, за всем был присмотр – за старыми вдовцами и вдовами, сиротами, бездетными стариками, немощными. Каждый мужчина имел свое занятие, девушки могли своевременно выйти замуж. Продукты нельзя было бросать на месте, но и не было необходимости прятать их у себя. Считалось зазорным не участвовать в труде, но трудились не для себя лично. Поэтому злые намерения не осуществлялись. Не было обмана, не было воровства и разбоя, поэтому не запирались наружные двери домов. Все это называлось Великим Единением".

Изобилие изменило характер людей: они стали добрыми, и такой же доброй казалась им окружающая природа:

Не было на земле несправедливости,
Не разбойничал крокодил,
Не кусалась змея,
Во времена предвечных богов...

Так говорит древнегреческая сказка. "Тогда можно было безбоязненно дергать за хвост тигров, наступать ногой на змей, – добавляет китайская легенда. – Приветливой была весна, солнечным лето..."

Таков был мир в Золотом Веке, в IX-V тысячелетиях до нашей эры. Он был мал, прост и безыскусен. Люди тогда довольствовались достатком в пище и не представляли, что такое роскошь: она появилась гораздо позже. Знаменитый мудрец Хань Фэй писал, что в древности жили в хижинах из неотесанных брёвен, питались низкосортным зерном, ели и пили из грубой глиняной посуды, одежду не меняли, пока она полностью не износится. Всего этого было вполне достаточно, чтобы люди чувствовали себя счастливыми: ведь они были сыты, весна была приветливой и солнечным было лето.

В Золотом Веке не было ни богатых, ни бедных – все были равны друг другу, и не было места зависти. Когда-то в древние времена загоной охоты, люди усвоили традиции коллективизма, равенства и братства – эти традиции продолжались и в Золотом Веке. Коллективную охоту сменила коллективная работа в поле, которое так и называлось: Общее Поле, по-китайски, "гунь-тянь". Как и раньше, пища потреблялась сообща или делилась на примерно равные доли. "У них заведено возделывать поля всей родней, – писал римский географ об индийцах, – а после уборки урожая каждый получает достаточное количество продуктов питания на год." Со временем деревни разрастались, и начинала ощущаться нехватка земли – тогда производились "выселки": собирали молодежь и переселяли ее на свободные земли охотничьих племен. Каждое новое поколение снималось с родительских очагов и шло дальше, к новым землям. Шло со стадами скота, вьючными животными и воинами во главе колонны. Это было Великое Расселение Земледельцев, Великий Исход Нового Человечества. Охотников-"индейцев" уничтожали, или прогоняли, или принимали к себе – все равно; они почти не существовали для нового человечества. Они могли жить в своих горах и джунглях до тех пор, пока горы и джунгли не понадобятся Новому Человеку. Они могли перенять земледельческие навыки, стать Новыми Людями и принять участие в Великом Исходе, в рождении новых народов и цивилизаций.

К шестому тысячелетию до нашей эры земледельцы достигли долин Дуная, Инда и Ганга, им открылись обширные пространства Индии и Европы. На морских побережьях с земледелием познакомились племена рыболовов; вместе с рыбацкими лодками драгоценные зерна стали путешествовать вдоль морских берегов, приобщая к великому открытию всё новые и новые народы. Древнейшими мореплавателями Запада были финикийцы, оставившие свои следы на всех побережьях Европы – вплоть до далекой Британии; они поклонялись солнцу и учили местное население строить святилища из огромных камней – мегалитов. Хозяевами восточных морей были предки современных индонезийцев, аустронезийцы – загадочный, неизвестно откуда пришедший народ, тоже возводивший мегалиты и расселившийся по азиатскому побережью вплоть до Китая и Японии. Китайская легенда говорит, что первыми на берег сошли Фу-си и Нюй-ва, дети бога земледелия Шень-нуна; это были люди моря с человеческими головами и телами морских змей-драконов. Аустронезийцы поклонялись змее-дракону и украшали головами дракона свои большие каноэ. У всех земледельческих народов Востока змея-дракон считалась символом дождя и урожая: змеи выползали на поле перед дождем, и, чтобы вызвать дождь, люди приносили им жертвы. В жертву крокодилу-дракону часто предназначалась самая красивая девушка племени, жрецы привязывали ее на берегу реки и ждали, когда крокодил придет за своей "невестой". Змеи были слугами богини плодородия, Великой Матери, прародительницы рода. Возделывание земли было делом женщин, которые кормили семью и которым принадлежало решающее слово во всех делах. Эпоха господства

мужчин ушла в прошлое вместе с войнами и голодом; женщины возглавляли род и счет родства вёлся по женской линии – от Великой Матери-прародительницы. В Золотом Веке мужчины уже не умыкали невест – наоборот, невеста выбирала жениха и приводила его к своему очагу. Это была удивительная эпоха мира, любви и доброты, она осталась в памяти людей, как легенда об утраченном рае, о далекой счастливой жизни.

Когда-то давным-давно,
Не было ни змей, ни скорпионов,
Не было ни страха, ни ужаса,
Человек не имел врагов...

СОЛНЦЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА

*Некогда, во времена наших предков,
люди любили друг друга чистой и
верной любовью и в мире царила доброта...*

Роман о розе .

Весна была приветливой и солнечным было лето... Щедрое солнце Золотого Века сияло над колосющимися полями и деревнями, разбросанными по равнинам и нагорьям. Осенью колосья наливались зерном, и весь род выходил на жатву: жнецы становились в один ряд и, распевая хвалу Великой Матери, срезали колосья деревянными серпами с кремниевыми вкладышами. Потом переносили зерно в общий амбар у родового храма, мололи каменными пестами зерно, пекли из муки лепешки, варили пиво и готовились к Празднику Урожая.

Согласно древним обычаям,
Мы бьем во все барабаны.
Кудесницы пляшут пляски,
Сменяя одна другую,
Поют прелестные девушки -
Как они беззаботны!
Весной цветут орхидеи,
Осенью – хризантемы,
Так и обряды наши
Тянутся непрерывно...

Так описывал жизнь тех времен китайский поэт Цюй Юань. На праздниках угощали друг друга жареным мясом – земледельцы привыкли к растительной пище, и мясо считалось деликатесом. Для торжеств закалывали часть родового стада: излишек зерна позволил прикармливать овец, коз и коров; постепенно они стали ручными и паслись на пастбище у деревни. В степях Аравии посевы гибли от засух, и местные племена занимались исключительно скотоводством; в VII тысячелетии они прошли со своими стадами в саванны Сахары. Огромные стада вскоре истребили растительность и через несколько тысячелетий Сахара превратилась в пустыню. На севере скотоводы освоили Великую Степь, простиравшуюся от Дуная до Амура; в IV тысячелетии здесь были приручены дикие лошади, тарпаны, ставшие верными слугами человека.

В то время, как пастушеские племена расселялись по степям на запад и на восток, земледельцы Передней Азии учились возделывать новые культуры и осваивали новые ремесла. Они научились ткать лен и стали носить льняную одежду – короткие юбки и набедренные повязки. Корзины из прутьев стали обмазывать глиной и обжигать на костре – так появилась первая керамика. Затем были созданы печи для обжига и гончарный круг; гончары стали ремесленниками, жившими при храме и получавшими содержание от общины. В огромных вкопанных в землю керамических сосудах хранили общинные запасы зерна – это делалось для

того, чтобы уберечь его от полчищ мышей. На открытых токах зерно охраняли кошки, ставшие любимицами земледельцев – так же, как собаки были верными друзьями охотников. Во всех своих переселениях земледельцы везли с собой кошку и заботливо предоставляли этому южному зверьку самое теплое место в доме. В то время, как охотники обитали в передвижных юртах или временных шалашах, земледельцы жили в домах – это было еще одно изобретение того времени. Первые дома в Палестине строили из необожженных глиняных кирпичей; это были маленькие строения в одну комнату; ни окон, ни дверей ещё не было; вход занавешивался шкурой животного, а очаг располагался во дворе. Плоские крыши крыли тростником и обмазывали глиной – такие хижины можно и сейчас найти в деревнях Востока; вплоть до нашего времени они остаются прибежищем бедноты. В центре селения располагался маленький родовой храм с глиняной фигурой Великой Матери и алтарем для жертвоприношений; возле храма находилась площадка для народных собраний.

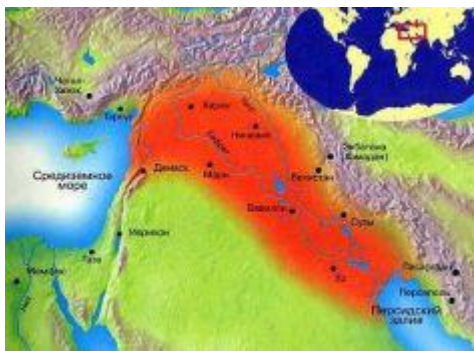
Общиной руководили выборные вожди-жрецы, которые мало чем отличались от простых крестьян. "Когда Юй правил Поднебесной, он сам шагал впереди с сохой и заступом, бедра у него были тощими, на голених не было ни волоска", – говорит предание о древнем вожде китайских племен. Со временем легенды превращали этих вождей в богов, им ставили храмы и приносили жертвы. В те времена было легко стать богом, мир населяло множество богов и духов, и люди боготворили деревья, камни, животных. Богом стал и первый кузнец Гефест. Медь и бронзу научились плавить еще в VII тысячелетии, но эти металлы были редкостью, а немногочисленных кузнецов считали колдунами и демонами. Произнося чудесные заклятья, колдуны плавил металл и ковали из него топоры, мечи и украшения для вождей. В IV тысячелетии в Месопотамии появилось еще одно новшество – влекомая быками четырехколесная повозка. Потом был изобретен плуг – и мир земледельцев, наконец, принял предначертанный ему облик: под щедрым солнцем пахарь идет за парой волов, напевая старую песню о зерне и поле; высоко в небе ему вторит жаворонок; пахарь отрывается от плуга и, утирая пот, смотрит в небо:

Просыпайтесь, люди вместе с птицами,
 Выводите быков, беритесь за плуги,
 Зовите своих друзей, не теряйте времени.
 Пойдемте все вместе возделывать нашу землю...

РОЖДЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

*Не желай дома ближнего своего,
 не желай жены ближнего своего,
 ни поля его, ни вола его...*

Исход, 20, 17.

Когда-то давно, шесть тысяч лет назад, равнина Двуречья была страной непроходимых, заросших тростником болот. В период разлива две большие реки, Тигр и Евфрат, полностью заливали эту равнину, и над водой выступали лишь кроны высоких пальм. Двуречье было необитаемо – здесь не могли жить люди, и лишь по краям долины, в предгорьях, ютились маленькие деревеньки первых земледельцев. На берегах ручьев крестьяне выращивали рожь и

пшеницу, а на склонах гор пасли овец и коз. Четыре или пять тысячелетий над предгорьями сияло солнце Золотого Века, и пахарь мирно трудился на своей ниве под пение жаворонка. Но, в конце концов, пришло время невзгод: земледельческие деревни разрослись, и поля уже не могли прокормить крестьян; начались распри из-за земли, и проигравшие были вынуждены уходить куда глаза глядят, на болотистую равнину. Вероятно, именно такая судьба побежденных досталась народу шумеров – «черноголовых», как они себя называли впоследствии. В V тысячелетии до нашей эры среди болот появились первые шумерские деревни: десяток крытых тростником хижин и крохотное святилище на насыпном холмике. Чтобы отвоевать у болот пашню, шумерам приходилось рыть осушительные каналы и насыпать дамбы – создавать первые ирригационные системы. Это был тяжелый и долгий труд, однако результаты превзошли все ожидания – орошаемые поля давали удивительные, сказочные урожаи: брошенное в землю зерно приносило 60 зерен. К шумерам вернулся Золотой Век, и они принялись освобождать от водяного плена свою новую родину.

Деревни шумеров жили той же жизнью, что и крестьянские общины других стран Южной Азии. Пока земли было достаточно, общинники вместе осушали поля, вместе пахали и вместе собирали урожай. Эти унаследованные от охотников древние обычаи коллективизма не вызывали сомнений во времена благополучия и достатка, когда хватало всем и все были сыты. Но постепенно община разрослась, и в неурожайные годы стала ощущаться нехватка хлеба. Крестьяне стали задумываться над своей жизнью, и лучшие работники стали говорить, что при совместной работе многие ленятся. "Если трудиться сообща, то работа будет двигаться медленно, – говорит китайский трактат, – найдутся такие, кто будет работать не в полную силу. Если же разделить землю, то работа пойдет быстрее и лентяйских не будет". Действительно, ведь пахать землю – это не охотиться загоном, здесь можно работать и одному – и всё, что ты вырастишь, будет твоим, "каждому – по труду его". Поля были поделены между семьями на одинаковые участки, но, чтобы сохранить справедливость, эти участки время от времени переделывались. "Тучными землями не разрешалось радоваться кому-то одному, от плохих земель не разрешалось страдать кому-то одному, поэтому раз в три года обменивали поля и жилища". Родовому храму было выделено большое поле, и общинники обрабатывали его сообща; зерно с этого поля хранилось про запас и выдавалось нуждающимся; им кормились жившие при храме ремесленники и жрецы; из него варили пиво для родовых празднеств. Со временем земля храма тоже стала делиться на наделы: с одного надела урожай шел жрецу, с другого – ремесленнику, с третьего – про запас.

Между тем, время шло, население возрастало и после каждого передела участка мельчали. Малолетние семьи стали возражать против переделов; они требовали закрепить наделы за хозяевами с тем, чтобы глава семьи сам делил свой участок между сыновьями. Постепенно переделы прекратились: земля превратилась в **ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ**.

Появление Частной Собственности открыло дорогу к великим переменам в жизни людей. Родовая община распалась на семьи, и семьи отгородились друг от друга глухими заборами. На смену прежней общности жен и свободной любви пришла суровая семейная мораль. После изобретения плуга семью кормил пахарь-мужчина, поэтому он стал хозяином и господином; женщина постепенно превратилась в служанку и собственность. В одних семьях детей было мало, в других – много, и после разделов отцовской земли участки получались неодинаковыми. В общине появились бедные и богатые. Бедняки не могли кормиться со своих крохотных наделов, они брали зерно в долг у богатых соседей – так появилось ростовщичество. Несостоятельные должники, в конце концов, продавали свою землю заимодавцам и искали пропитания как могли. Многие из них шли работать в храм; храмовые земли теперь возделывались рабочими отрядами из обедневших общинников и чужаков-пришельцев. Некоторые арендовали землю у зажиточных соседей, другие пытались прокормиться ремеслом, становились гончарами или ткачами. В селах появились ремесленные кварталы и рынки, где ремесленники обменивали свои товары на хлеб. Разросшиеся поселки превращались в многолюдные города – и вместе с этим превращением менялся облик эпохи. На смену тихим деревням Золотого Века приходил новый мир – мир городов, в котором соседствовали богатство и бедность, добро и зло, ненависть и любовь. Философы XX века назовут этот мир **БУРЖУАЗНЫМ ОБЩЕСТВОМ**.

БУРЖУАЗНОЕ ОБЩЕСТВО

*Отныне деньги делают человека,
а у бедняка нет и чести.*

Алкман.

Т еперь эта страна выглядит бесплодной и необитаемой пустыней. Плоская глиняная равнина уходит в дрожащее марево горизонта и смыкается там с голубым безоблачным небом. Кое-где возвышаются глиняные холмы с покатыми склонами; их много на этой равнине, и пастухи-арабы называют их «холмами потопа». Эти холмы – это заплывшие глиной развалины древних, существовавших до «потопа» городов.

Когда-то на улицах этих городов шумела толпа, сновал рабочий люд, кричали торговцы. К речной пристани причаливали большие парусные ладьи, связанные из длинных, загибающихся к носу и к корме стволов просмоленного тростника. Эти корабли привозили товары из дальних стран, с берегов Персидского залива и из Индии. У пристани располагался рынок, где торговали рыбой, тканями, зерном, рабами. По рынку разгуливали обнаженные проститутки: для многих женщин это был единственный способ заработать кусок хлеба. Дальше от рынка улицы становились более тихими; они тянулись между глухими стенами домов, лишь кое-где прорезанных калитками. Калитка обычно вела в прихожую, а из нее – во внутренний дворик, где у богачей располагался бассейн. На двор выходили жилые комнаты с деревянной галереей по второму этажу; мебель была только в богатых домах, простые горожане сидели и спали на циновках. Обычной одеждой горожан были льняные юбки, короткие у мужчин и более длинные у женщин; впрочем, бедняки зачастую вообще не имели одежды и ходили нагими. Головы обычно брили; жрецы и знать носили роскошные парики, служившие одновременно головным убором и украшением.

В центре города возвышался храмовый комплекс с зиккуратом – огромной ступенчатой пирамидой с ведущими на вершину лестницами. В святилище на вершине зиккурата обитала богиня города, и каждый год в праздник Нового года верховный жрец, энси, поднимался в святилище, чтобы вступить с ней в священный брак.

Великой Матерью крупнейшего города Двуречья, Урука, была Иштар, богиня любви и плодородия. По легенде, Иштар любила юного бога весны Таммуза, умиравшего осенью и воскресавшего весной – после того, как Иштар спускалась в ад и спасала своего возлюбленного. Шумеры верили в ад и рай и так же, как все люди, искали вечной жизни. Легенды рассказывают, как энси Урука, Гильгамеш, сошел в подземное царство, чтобы узнать от умершего друга о том, что же происходит после смерти. Друг не сумел его обнадежить, и лишь нимфа Сидури подсказала, как нужно жить: "Гильгамеш, куда ты стремишься? Жизни, которую ты ищешь, ты не найдешь. Ты же, Гильгамеш, лучше наполняй свой желудок, веселись день и ночь, ежедневно устраивай празднества, пляши и ликуй. Пусть твои платья будут чисты, голова вымыта водой. Смотри на младенца, которого ты держишь в руках и пусть жена твоя радуется в твоих объятиях".

По этому рецепту жили многие – те, кто мог позволить себе одеваться и пировать. Буржуазные кварталы Урука дышали благополучием; здесь были сады, пиршественные залы и школы, где учились дети. Буржуазное общество создало искусство, науки и письменность. Писцы тростниковой палочкой наносили рисунки на глиняные таблички: колос означал "ячмень", нога – "ходить", тростник, по-шумерски "ги", означал "возвращать" (тоже – "ги"). Вскоре рисунки превратились в иероглифы и возникла настоящая письменность. Это было великое открытие, позднее позаимствованное другими народами. Затем появились частные школы ("э-дуба"), где детей из богатых семей учили грамоте и арифметике – науке, незаменимой при исчислении долгов или измерении полей. Буржуазия шумерских городов владела обширными землями, занималась ростовщичеством и торговлей. Самые богатые и знатные составляли совет старейшин, который вместе с народом выбирал верховного жреца, энси. Знать владела доходными храмовыми должностями и фактически управляла общиной: народное собрание лишь отвечало криками "хэам" ("да будет") или "наам" ("да не будет") на

поставленные ему вопросы. Деньги правили всем; за деньги можно было откупиться от убийства и купить раба: в годы голода бедняки продавали в богатые дома своих детей.

В народное собрание допускались лишь те, кто владел собственностью – в основном это были крестьяне, имевшие землю в окрестностях города. Однако разделы участков между сыновьями приводили к измельчению наделов и разорению крестьян – так было во всех странах Азии. Золотой Век подошёл к концу, и отовсюду приходили свидетельства перемен. "В древности... усилий не прилагали, а для жизни хватало, – писал великий китайский философ Хань Фэй-цзы, – народ был малочисленный, а запасов было в избытке... Ныне же иметь пять детей не считается слишком много, поэтому-то народ такой многочисленный и испытывает недостаток в припасах, трудится изо всех сил, а пропитания на всех не хватает. Поэтому в народе идет борьба..." Численность населения настолько возросла, что община уперлась в стенки своей экологической ниши, демографическое давление всё возрастало, и началось **СЖАТИЕ**. Сжатие означало возвращение голода и войн. Настало время Всеобщей Борьбы за кусок хлеба; ремесленники изо всех сил боролись с конкурентами, крестьяне отчаянно боролись на своих крохотных наделах за урожай. В конце концов, многие из них становились жертвами ростовщиков; разорившиеся бедняки шли в город, нанимались поденными рабочими, просили милостыню на площадях. Тем, кому не подавали милостыню, оставались умирать или грабить; они собирались в шайки и творили разбой на дорогах. Сжатие нарастало, и вместе с ним менялся облик городов: все выше становились заборы, все глуше стены, жилища превращались в крепости, а города окружались рвами и валами. Люди стали носить оружие и перестали – как раньше – подавать руку первому встречному. Озлобление и ненависть наполнили мир людей – наступило время грехопадения.

ВРЕМЯ ГРЕХОПАДЕНИЯ

*Причина в том, какой год. Если
год урожайный, то люди
становятся гуманными и добрыми.
Если же год неурожайный, то люди
становятся негуманными и злыми.*

Мо-цзы.

"Некогда, во времена наших предков, как свидетельствуют писания древних, люди любили друг друга чистой и верной любовью, а не сластолюбивой и корыстной, и потому в мире царила доброта... Земля не была тогда возделанной, а оставалась украшенной дарами Бога и плодоносила сама по себе, обеспечивая всех пропитанием... Все были равны и ничего не имели в собственности... Люди жили сообща, не зная ни принуждения, ни цепей, мирно и честно..."

Но появилась Ложь с копьём наперевес, а с нею Грех и Несчастье, которые не знают меры; Гордыня, столь же презирующая меру, явилась со своей свитой – Алчностью, Завистью, Сластолюбием и прочими пороками. Они выпустили из преисподней Бедность, о которой до сих пор никто не знал... Вскоре эти злодеи завоевали всю землю, посеяв раздоры, распри, войны... И как только род людской оказался во власти этой банды, он переменялся; люди стали творить зло, распространяя ложь и обман, они привязались к собственности и разделили даже землю, а затем стали сражаться за неё и захватывать, кто сколько может; самым сильным достались и самые большие доли..."

Так передает легенду о грехопадении средневековый "Роман о розе". Сжатие нарастало, и на смену Золотому Веку шел Век Железный:

Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им...
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю – хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то,

Правду заменит кулак...

Так писал о новой эпохе греческий поэт Гесиод. Время и борьба формировали нравы Железного Века. Во всех частях света мудрецы и философы наблюдали и записывали горестные последствия грехопадения.

"Природа людей такова: при измерении каждый норовит захватить себе часть потяжелее, при обмеривании каждый норовит захватить себе часть побольше", – так говорил знаменитый китайский философ Шан Ян. "Они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, – вторил ему на другом конце света апостол Павел. – Они исполнены зависти, убийства, обмана, злонравия..."

Сжатие и голод преобразили уютный мир буржуазного общества, на смену тихому накопительству пришла яростная борьба за существование, и брат ежедневно говорил брату: "Это – моё". Голод всегда делал людей жестокими: основанные на коммунистическом равенстве и братстве роды охотников с копьями наперевес загоняли друг друга к обрыву. В Каменном Веке люди объединялись для борьбы – в Железном Веке они сражались за жизнь в одиночку, и потерпевшие поражение умирали от голода рядом с дворцами победителей. Существовал обычай "оживления" умирающих: "Дочь мою уведи и оживи, – говорила мать ростовщику, – и да будет она твоей рабыней; мне же дай серебра, чтобы я могла поесть". В богатых домах было множество рабов и наложниц, и в то время как умирающие лежали на дорогах, из-за глухих стен раздавались звуки музыки: там пировали и веселились. Обнаженные девушки танцевали среди явств и бьющих вином фонтанов: "Ты же, Гильгамеш, наполняй свой желудок, веселись день и ночь, ежедневно устраивай празднества, пляши и ликуй..."

ПРИШЕСТВИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

*Царь Ур-Намму установил
Справедливость в Стране,
воистину он изгнал зло, насилие и
раздор. Бедняк не был отдаваем
во власть богатого.
Кодекс Ур-Намму.*

В середине III тысячелетия наполнявшая города ненависть, наконец, прорвалась вовне. Начались войны между шумерскими общинами, войны не на жизнь, а на смерть. Как не похожи были эти первые войны земледельцев на прежние стычки охотничьих родов. Города опоясались несколькими рядами стен с зубчатыми башнями и глубокими рвами. Ежегодно после сбора урожая ополчения соседних городов встречались в кровавых битвах. На поле боя выходили тысячи воинов; они строились плотными рядами, выставляя из-за щитов копья с медными наконечниками. Медь, бывшая прежде редкостью и украшением, стала металлом войны и оружием победы. Богатые и знатные одевали медные шлемы и сжимали в руках медные топоры; вожди-жрецы шли в бой на неуклюжих колесницах, запряженных ослами.

Перед фалангой "медных воинов" рассыпным строем бежали нагие бедняки – у них были только пращи, которыми они метали во врагов обожжённые на огне глиняные шарики. Град камней барабанил по щитам и шлемам; потом начиналась жестокая сеча, под боевыми топорами рассыпались щиты и трещали кости. Пленных не брали; побеждённые бежали под защиту стен своего города, и начиналась осада, которая редко приводила к успеху: у шумеров еще не было осадной техники. Простояв несколько месяцев под стенами города, победители уходили, чтобы после сбора урожая начать всё сначала. Когда город, наконец, удавалось взять штурмом, начиналась кровавая расправа: мужчины, дети, старики, старухи падали под боевыми топорами; улицы и площади были завалены трупами. Женщин насиловали и вязали ремнями;

их ждала участь рабынь и наложниц: им предстояло улаживать своих новых хозяев, танцевать и петь для них песни.

Такова была жизнь в Шумере в середине III тысячелетия до нашей эры. Сжатие выплеснулось в мир всеобщей войной, насилием и смертью. Всеобщая война, наконец, открыла глаза людям, и они осознали, что нельзя сражаться за жизнь в одиночку, нужно оставить распри и сплотиться плечом к плечу, нужно быть милосердными к ближнему своему, надо поддержать ближнего, чтобы он поддержал тебя. Среди людей появились пророки, призывавшие к милосердию и любви; они показывали на небо и утверждали, что их устами говорит бог. Вероятно, первым таким пророком, предшественником Христа и Мухаммеда, был Энметена из города Лагаша. Около 2350 года до нашей эры Энметена провозгласил с вершины зиккурата своего храма о начале Великой Справедливости.

Позднее, когда отшумели битвы и революции, Справедливость стала великим обычаем Востока, вошедшим в его плоть и кровь. В день Справедливости над царским дворцом поднимали золотой факел, и, завидев его, жители городов и деревень поднимали факелы у себя, передавая долгожданную весть дальше. Справедливость означала освобождение рабов и отмену долгов, бедняки могли получить назад свои проданные за долги поля – и жизнь начиналась снова под сенью великой Справедливости. Иногда о Справедливости забывали – тогда появлялись новые пророки, снова указывающие на небо: Христос, Маздак, Мухаммед. Они говорили людям одно и то же: "Все люди братья", "возлюби ближнего своего, как самого себя", "кто не работает – тот не ест". Пророки утвердили веру в Бога, поддерживающего справедливость, и люди стали отождествлять справедливость с богами – богами небесными и земными.

Пришествие Справедливости было вместе с тем пришествием Земного Бога – монарха или царя. Бог охранял справедливость на небе, царь – на земле. Наследники великого пророка и революционера Энметены стали царями, следившими, "чтобы сироте и вдове сильный человек ничего не причинил". Царя звали "великим человеком", "лугалем", и первоначально лугалями становились жрецы, энси, которым на время войны вручалась военная диктатура вместе с титулом "великого человека". Когда война стала постоянной и всеобщей, лугаль превратился в царя; монархия вышла к народу, обутая в солдатские сапоги. Война определяла всю жизнь общества – и монархам пришлось брать на себя управление хозяйством храма, а затем регулировать жизнь частных хозяйств. Цари завели чиновников-писцов, проводивших переписи людей, земли и хлебных запасов; чиновники следили за работой на полях и собирали налоги.

В прежние времена суд вершила знать по своей прихоти – цари дали народу законы, вырезанные на камне. "Тогда-то, меня, Хаммурапи, назвали по имени, – гласит вступление к законам царя Хаммурапи, – дабы справедливость в стране была установлена, дабы погубить незаконных и злых, дабы сильный не притеснял слабого, дабы плоть людей была удовлетворена..." Отныне царь стал "живым законом", хранителем справедливости.

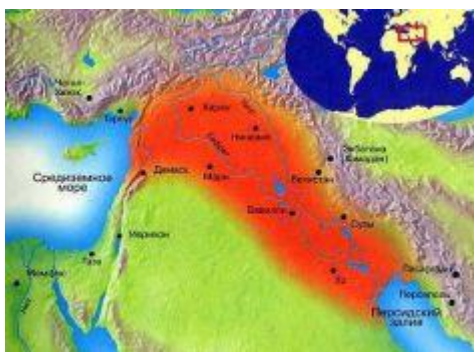
Около 2315 года царь города Аккада Саргон после кровопролитной войны объединил Двуречье и провозгласил себя "Лугалем Страны". По легенде, Саргон был сыном водоноса, и изображения рисуют его как простого воина во главе крестьян-ополченцев. Саргон прославился своими победами, его звали "царем битв", он завоевал земли "от Верхнего до Нижнего моря" и достиг "Страны захода солнца". Саргону и его сыну Римушу приходилось бороться с мятежами нежелавшей расставаться с властью городской знати, "сильных людей". В этой борьбе цари впервые прибегли к репрессиям: "5600 сильных мужей были выведены на истребление или заключены в лагерь". Истребив "сильных", внук Саргона Нарам-Суэн (2236-2000) провозгласил себя богом; он надел двурогую корону богов, и писцы ставили перед его именем знак бога. Бог-царь стал мужем богини Иштар и в каждый праздник Нового года на глазах ликующей толпы поднимался на вершину зиккурата, чтобы вступить с богиней в священный брак.

Саргон Великий и его наследники создали Империю – мощное государство, основанное на царской власти, государственном регулировании и справедливости. Символом этого государства был бритоголовый чиновник-писец в льняной юбке, с висящей на груди печатью. Сидя на циновке во дворе храма, писцы отмечали на глиняных табличках количество сданного рабочими отрядами зерна, площадь убранных полей, выдачу пайков. Крестьяне, имевшие свою землю, отчитывались перед писцами в уплате налогов и отработке повинностей. С тех пор, как

царь объявил себя богом, жрецы тоже стали чиновниками; их задачей было восхвалять царя, служить богам и оказывать поддержку бедным. Абсолютная власть царя, государственное регулирование, социальное обеспечение и вместе с тем всеобщая бедность – все эти хорошо знакомые нам черты говорят, что основанная Саргоном Великим Империя была **СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИМПЕРИЕЙ**. Никакое другое государство не могло существовать в условиях постоянного голода и войн: голод и войны порождают военную диктатуру и карточную систему. Сжатие, голод и войны всегда порождали социалистические монархии, буржуазная демократия могла существовать лишь во времена сытости. Порядки времен голода непохожи на порядки благополучных времен – и это надо хорошо понимать людям XX века, живущим в совсем другом мире. В III тысячелетии на Ближний Восток пришел голод – и история Востока стала историей социалистических монархий. Царь-бог стоял на вершине зиккурата рядом со жрицей, исполнявшей роль богини любви, а внизу ликовала подбадриваемая жрецами толпа полуголодных бедняков. Бедняки верили, что царь даст им справедливость и хлеб – и царь желал добра своему народу, но бедняков было слишком много, а с гор напировали орды варваров...

ИМПЕРИЯ И ВАРВАРЫ

*В руины обратятся города,
"Черноголовые" в своих домах погибнут,
Не обработает поля мотыгой пахарь,
И в степь стада не выведет пастух.
Плач о гибели Ура .*

К югу от долины Двуречья простиралась выжженная солнцем Аравийская степь, а к северу – горы Ирана. В степи и в горах было нельзя сеять хлеб, поэтому там всегда царил голод, и жившие там пастухи хранили суровые обычаи древних охотников. Они были столь же выносливы, агрессивны и столь же привычны к войне, как охотники Каменного Века. Гонимые голодом пастушеские племена часто вторгались в Двуречье; иногда захватывали какой-нибудь город, иногда селились на свободных землях. Племена Аравии были семитами, предками евреев и арабов; на Иранском нагорье жили кутии, жестокое и воинственное племя, «не знавшее божественных законов».

В то время как жители гор и степей из поколения в поколение проходили жестокий отбор на выносливость, привыкали есть сырое мясо и пить кровь поверженных врагов, земледельцы со времен Золотого Века утратили воинственность и почти разучились убивать. В борьбе за справедливость великие цари уничтожили всех "сильных мужей", и в стране остались лишь покорные крестьяне, получавшие пайки из рук писцов. В начале XXII века Империя не выдержала удара северных варваров; кутии овладели Двуречьем, разрушили многие города и сожгли села. Почти столетие страна оставалась во власти варваров; должно было пройти время, пока народятся новые поколения, которые поднимутся на борьбу. К концу XXII века деревни снова стали многолюдными, а города поднялись из руин; снова началось Сжатие и голод подняли народ на восстание против кутиев. Восстание возродило Империю, к власти снова пришли цари, охранявшие справедливость. Чтобы дать хлеб народу, царь Ур-Намму (2112-2094) призвал десятки тысяч крестьян на восстановление ирригационных каналов; были восстановлены храмы, и писцы снова сидели на токах, принимая зерно у рабочих отрядов. В это

время мало кто имел свое поле: большинство тружеников пахали землю в составе отрядов. Символом новой Империи стал колоссальный зиккурат в городе Уре, построенный царем Шульги; так же, как цари прежних времен, Шульги стоял на вершине зиккурата в двурогой короне бога, а у подножия снова ликовала толпа. История повторялась в своем величии и трагизме: в 2022 году на Империю снова обрушилось варварское нашествие.

Новыми страшными врагами были пришедшие из аравийских степей семиты-амореи. Царь Шу-Суэн, мобилизовав "рабочие отряды", построил поперек равнины огромную "Стену, отдаляющую амореев" – но варварам удалось прорваться. Благословенная страна превратилась в пожарище. "Людьми, а не черепками покрыта окрестность; стены зияют, ворота и дороги завалены телами", – повествует "Плач о гибели Ура". Большая часть шумеров была истреблена варварами, и народ, создавший первую цивилизацию нашей планеты, навсегда исчез со страниц истории. Немногие уцелевшие постепенно приняли язык завоевателей-семитов; они жили в развалинах городов и платили варварам тяжелую дань. Понемногу страна снова наполнилась людьми, через двести лет деревни снова стали многочисленными, а города – многолюдными. Варварские вожди к тому времени познакомились с преданиями Империи и стали подражать её царям. В 1764 году один из них, царь Вавилона Хаммурапи, объединил Двуречье и объявил о возрождении Империи. Снова были восстановлены каналы и храмы, и снова народ молился стоящим на вершине зиккурата царям. Однако время приносит перемены – "рабочие отряды", обрабатывающие земли храмов, исчезли; эти земли теперь сдавались в аренду. Коллективный труд в земледелии был признан непроизводительным – люди убедились, что, "если трудиться сообща, то найдутся такие, кто будет работать не в полную силу". С другой стороны, Хаммурапи уничтожил долговое рабство, царь совершенно запретил частную торговлю и продажу земли в частном секторе. Империя сохраняла социалистический характер, и над царским дворцом в Вавилоне по-прежнему горел факел Справедливости.

Шесть столетий, прошедших со времен Саргона Великого были наполнены борьбой Империи с окружавшими её варварскими племенами. Шумеры называли свою страну просто Страной – как будто в мире не было других цивилизованных государств, были только варвары и Страна. Впрочем, они хорошо знали о существовании городов на северо-западе: в Сирии, в Малой Азии и на побережье "Верхнего моря". Это были такие же храмовые города, как в Шумере, ими управляли вожди-жрецы, а местные писцы пользовались шумерскими иероглифами. Но была ещё Другая Страна, о которой шумеры не знали вплоть до времен Хаммурапи. Далеко на юго-западе, там, где заходит солнце, посреди пустыни текла большая река, и на берегах её возвышались белоснежные города, храмы и пирамиды.

Сейчас нам придется на время перенестись в эту Другую Страну.

СТРАНА ПИРАМИД

Теперь я хочу подробно рассказать о Египте, потому что в этой стране более диковинного и достопримечательного сравнительно со всеми другими странами.

Геродот.

Другая Страна была очень похожа на Страну Шумеров. Большая река неторопливо несла свои воды к морю; на берегах реки стояли храмы, и храмовые рабочие в льняных юбочках обрабатывали поля; во дворе храма сидели на корточках бритоголовые писцы и вели отчетность. Так же, как в Шумере, страной управлял царь-бог, собиравший десятки тысяч рабочих на строительство дамб и возводивший похожие на зиккураты пирамиды.

Эта страна называлась Кемет, Египет, а большая река – Хапи, Нил. Каждый год в начале

июня река разливалась и, поднимаясь на десять метров, затопляла долину. Над водой оставались лишь стоящие на холмах деревни и храмы, соединённые узкими полосками дамб. В ноябре вода спадала, оставляя после себя чёрный слой плодородного ила, из-за которого страна и называлась Кемет – "Черная земля". В декабре на поле выходили рабочие отряды, рыхлили черную землю мотыгами и сеяли пшеницу. В марте серпами с кремниевыми зубьями срезали колосья и относили снопы на храмовый двор.

Когда-то давно Египет был разделен на храмовые города-государства, "номы". В разных городах поклонялись разным богам: солнцу-Ра, небу-Нут, быку Апису, крокодилу Себеку. Богами плодородия были Исида и Осирис; по легенде, Осирис был убит злым богом пустыни Сетом и затем воскрешён своей женой и сестрой – Исидой. Когда первый фараон, Мина, объединил страну, он провозгласил себя богом Гором, сыном Осириса. Мину изображали с мотыгой в руках: этот царь мобилизовал многие тысячи крестьян и огородил дамбами нижнее течение Нила. Прежние болота превратились в плодоносящие поля, и страдавшие от голода бедняки были обеспечены хлебом; благодарный народ почитал фараона как бога. Наследники Мины также называли себя богами и возводили себе при жизни заупокойные храмы; эти храмы постепенно увеличивались в размерах и, в конце концов, превратились в огромные возвышающиеся над долиной пирамиды. Пирамида Хеопса, одно из чудес света, имела высоту 150 метров; для ее строительства были мобилизованы рабочие отряды со всей страны; сто тысяч рабочих, сменяясь каждые три месяца, возводили пирамиду 30 лет. Сын Хеопса, Хефрен, построил ещё одну гигантскую пирамиду рядом с пирамидой отца; у ее подножия возлежал сфинкс – колоссальный каменный лев с лицом фараона. Вокруг великих пирамид простирался город мертвых: вдоль улиц этого города стояли гробницы вельмож, хранившие их мумии – как, фараон, его слуги надеялись на жизнь после смерти. Они надеялись воскреснуть, подобно Осирису; и их тела должны были быть готовы к этому воскрешению – поэтому из них делали нетленные мумии.

Великие стройки довели народ до изнеможения, и фараоны были вынуждены уменьшить размеры своих гробниц. Царская власть постепенно слабела; правители областей, номархи, превратились в полусамостоятельных князьков; они создавали собственные заупокойные храмы с сотнями жрецов и рабочих. Никто не помышлял о строительстве новых дамб и о хлебе для бедноты – а, между тем, население всё возрастало. В конце концов, голод привел к восстанию. "Царь захвачен бедными людьми, – писал жрец Ипувер. – Детей знатных разбивают о стены... Мумии выкинуты из гробниц... Простолюдины стали владельцами драгоценностей... Каждый город говорит: "Да будем мы бить имущих среди нас..." Мор по всей стране. Кровь повсюду".

Древнее Царство фараонов погубило в огне восстаний, и страна распалась на номы. Война, голод и мор погубили большую часть населения; для возрождения деревень и городов потребовались многие десятилетия. Через двести лет, когда города вновь стали многолюдными, фараон Ментухотеп I объединил страну и восстановил древнюю Империю. Были построены новые ирригационные системы и новые храмы; цари вновь наделяли крестьян землей и возводили пирамиды. Это время вошло в историю как эпоха Среднего Царства; оно совпало со временем возрождения Двуречья при Хаммурапи. Так же, как в Двуречье, в Египте в это время уже не было рабочих отрядов; земли храмов обрабатывали трудившиеся на индивидуальных наделах "царские люди". "Царские люди" получали от храма довольствие, посевное зерно, орудия труда, а затем сдавали в храмовые амбары весь урожай. Время от времени население деревни выстраивали в шеренги и подвергали "смотру"; писцы и жрецы шли вдоль рядов и проверяли, кто где работает; молодежь распределяли по "профессиям", кого – в солдаты, кого – в ремесленники, кого – в земледельцы. Так же, как Империя Двуречья, египетская Империя была социалистическим государством, где вся жизнь шла по указаниям писцов. Никто не знает, с каких пор существовал этот порядок и как долго он существовал – когда появилась письменность, всё было уже так, как заведено. Так продолжалось из века в век, крестьяне возделывали поля, а писцы сидели во дворе храма, записывая отчетность на листах болотного тростника, папируса. Так продолжалось до XVI столетия, когда произошла катастрофа.

"И вот, не знаю почему, бог был к нам неблагоприятен, – писал жрец Манефон. – Неожиданно из восточных краев люди неизвестного племени предприняли дерзкий поход на

страну и легко, без боя, взяли ее штурмом. И, победив ее правителей, они безжалостно сожгли города и разрушили до основания храмы богов, а с населением обращались самым враждебным образом, одних убивая, у других уводя в рабство детей и жен... А все их племена назывались Гиксос, то есть "цари-пастухи".

Откуда же пришли эти "цари-пастухи", завоеватели половины мира?

Глава III. Арийский порядок

АРИЙСКИЙ ПРОСТОР

*Мир натрое царь Феридун разделил:
Часть – Запад и Рум, часть – Китай и Туран,
А третья – Пустыня Бойцов и Иран.
Фирдоуси. "Шахнамэ".*

Там, где они жили, небо было всегда голубым, бездонным и чистым. Это была страна необъятных равнин, поражающая воображение древних поэтов:

Как море! Огромно!
И ровный песок – без конца!
И в далих не видно людей!

Это была Великая Степь, простиравшаяся через весь северный материк, Евразию. Народы, жившие там, звали ее Арьяна-вайча – Арийский простор. С севера степь пересекали большие реки: Дан (Дон) и Великая Раха (Волга). Они вытекали из негостеприимных северных лесов, за которыми простиралось Молочное море – покрытый льдами Северный океан.

Степь была величественна и прекрасна, но народы, жившие в ней, была париями древнего мира. Когда-то, во времена Великого Исхода, когда Новое Человечество двигалось на плодородные земли Востока и Запада, часть племён была вытеснена этим движением в Великую Степь. Здесь они смешались с охотниками-туземцами и породили "народ свободных" – ариев.

Степь была огромна, но бесплодна, и лишь в редких речных долинах можно было заниматься земледелием. Здесь возникали маленькие деревни из рубленых домов, их жители возделывали землю и пасли скот на окрестных просторах. Скотоводство было основным занятием древних ариев: сначала, в IV тысячелетии, они разводили овец и коз, позже к этому стаду добавились лошади и коровы. Летом степняки питались почти исключительно молоком домашних животных, зимой – преимущественно мясной и растительной пищей. Но хлеба в степи всегда было очень мало, а стада зачастую становились жертвой снежных буранов и эпидемий. Двадцать квадратных километров пашни кормили тысячи земледельцев, в степи же на такой территории мог выжить лишь десяток скотоводов. Именно выжить, потому что, по казахской пословице, их скот принадлежал любому бурану и сильному врагу. Китайские летописи пестрят упоминаниями о голоде среди степных племен: "Умерло из каждого десятка три человека, а из каждого десятка скота пало пять голов... Земля на несколько тысяч ли стояла голая, травы и деревья засохли, люди и скот голодали и болели, большинство из них умерли или пали..."

Такова была жизнь в степи – там могли выжить лишь самые сильные и выносливые. Скотоводы вели столь же тяжелую борьбу за жизнь, что и охотники, и их суровые обычаи были

унаследованы от древних охотников Великой Степи. Родившегося ребёнка бросали в снег или в холодную воду – если он выживал, то становился богатырем. Дети сызмальства приучались к охоте: "Мальчики, как скоро смогут сидеть верхом на баране, стреляют из лука пташек и зверьков... и употребляют их в пищу". Инициации были просты: в 15 лет юношу опоясывали поясом мужества и отправляли в набег на соседей. Если он возвращался и приносил голову врага, то становился настоящим "дваждырождённым" мужчиной, если не возвращался – никто не вспоминал о нём. Жизнь человека была мимолетной, как облачко на небе, и чтобы удержать ее, надо было постоянно убивать других: перенаселённость и голод заставляли сражаться за скот и пастбища. "У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ", – говорил скиф Токсарис, герой одного из древних писателей. "Они напали на людей, не ожидавших их прихода и обратили всех в бегство... многих из способных носить оружие они убили, других увели живьем... И тотчас же начали сгонять добычу, собирать толпой пленных, грабить шатры и на наших глазах насиловали наших жён и наложниц..." Так рассказывает Токсарис об обычных событиях степной жизни. Привычка убивать стала столь естественной для всех, что в этих набегам участвовали и девушки, получавшие то же воспитание, что и юноши. Греки называли их амазонками, "господами мужей" или "мужеубийцами". Греческий историк Геродот писал, что амазонки живут за Доном, у арийского племени савроматов. "У савроматов, – свидетельствует Геродот, – девушка не выходит замуж, пока не убьёт врага".

Мужчина, не добывший в бою голову врага, подвергался позору и лишался доли добычи. Отважные и удачливые бойцы, наоборот, были окружены почетом. "Сильные едят жирное и лучшее, устаревшие питаются после них. Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых почитают мало", – говорит китайский историк. "Когда скиф убивает первого врага, он пьёт его кровь, – добавляет Геродот. – Череп врага обтягивают снаружи сыромятной кожей и употребляют вместо чаши... делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры..."

Жизнь ариев целиком зависела от мужества и удачи. Каждый мужчина был воином, и чем больше наложниц и рабов он захватывал в набегам, тем больше была его семья и богаче дом. Рабов ослепляли или перебивали им члены, чтобы они не могли бежать. Часто в рабах не было необходимости, и пленных приносили в жертву богам и умершим – так истреблялись целые роды и племена, лишь молодых женщин оставляли в живых и присоединяли к своему роду. Наложницы были нужны, чтобы рожать воинов, – ведь сила семьи была в сыновьях. При этом было не очень важно, чьи это сыновья: "Каждый из них берет в жены женщину, но живут они с этими женщинами сообща, – писал Геродот об ариях-массагетах. – Когда массагет почувствует влечение к какой-нибудь женщине, он вешает свой колчан на ее кибитку и затем спокойно общается с этой женщиной".

Выходя замуж, женщины-амазонки становились домохозяйками, "госпожами дома", и лишь в крайних случаях возвращались к оружию. Зато они господствовали над мужчинами в религиозных обрядах: жрецами-шаманами были преимущественно женщины, которые передавали своим дочерям шаманские и знахарские познания. Из сока мухоморов они готовили "священную сому", напиток богов, приводивший в экстаз и богов, и смертных. Сому возливали в огонь и пили на религиозных церемониях. Воины, принесшие голову, носили шаманские уборы из птичьих перьев и пили сому перед сражениями. Подобно германским берсеркам, они впадали в священное бешенство и были почти непобедимы в битвах. "Буйные ветры понесли меня вверх, ведь я напился сомы, понесли меня вверх соки сомы, и пять народов показались мне пылинкой...", – поется в гимнах индийской Ригvedы. Под звуки этих гимнов шаманы обращались к богам, к необъятному Небу и огромной Земле. Под эти гимны начинался и заканчивался путь ариев. Жизнь воинов не была долгой, слабые погибали раньше, сильные – позже. В могилу к ним клали их оружие, их слуг и в ноги – самую молодую, самую любимую наложницу. Самым сильным и смелым ставили храмы и поклонялись их духам. Если же мужчина доживал до старости, то его приносили в жертву. "Если кто из них доживал до глубокой старости, – говорит Геродот, – то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть для них – величайшее блаженство".

Этот страшный обычай скрывает глубокую трагедию степной жизни: изнемогая в

отчаянной борьбе за существование, арии не могли содержать стариков. Но ещё более трагическим был другой обычай: маленьких детей закапывали в могилу вместе с рано умершей матерью. Такие захоронения довольно часто встречаются в Великой Степи. Из глубины темных веков они подсказывают людям, что благополучие не вечно и что обычаи времен голода непохожи на обычаи времен сытости. "Среди них случается позорный обычай, что сын берет иногда всех жён своего отца", – с негодованием писал один средневековый монах. Между тем это обыкновение, так называемый левират, объясняется всего лишь стремлением спасти женщин от голодной смерти, выжить в вечной борьбе – так же, как объясняются и все остальные обычаи ариев.

Жён отца и его хозяйство наследовал обычно младший сын. Старшие сыновья отделялись заранее и жили своими семьями. Все эти семьи братьев, дядей, племянников составляли арийский род. Изолированная семья неизбежно гибла в степи, род же мог постоять за себя, в него входило несколько десятков семей и около сотни мужчин-воинов. Род имел собственное ополчение и собственного вождя, выбираемого из числа лучших бойцов. Так же, как в глубокой древности, мужчины рода исповедовали законы братства и соблюдали знаменитый арийский обычай совместных трапез-"сесситий". Со временем, когда уголья становились тесными, от старшего рода отделялись младшие. Группа родственных родов объединялась в племя, а племена – в союзы племен. Вождь союза "раджа", или "рекс", избирался из старшего, "царского" рода. По преданию, эти выборы проходили на сходке у реки Дона (на языке скифов слово "дон" означало просто "река"). Царь не был единоличным правителем, рядом с ним существовали "совет первейших" и народное собрание. Демократия была единственным возможным политическим устройством в степи: принуждение и неравенство порождают недовольство, а недовольные могут изменить в минуту опасности, – поэтому Свобода, Равенство, Братство были обычаями Великой Степи, такими же естественными, как левират. В случае нарушения этих обычаев происходило то, что произошло в XVI веке с Тахир-ханом казахским: "Так как Тахир имел крайне грубый характер, большинство эмиров и воинов стали обижены на него и разошлись", – писал персидский летописец Хайдер Рази.

Арийская свобода, обычаи амазонок и жертвоприношения стариков – всё это объяснялось одним и тем же драматическим фактором: перенаселенностью Великой Степи, избыточным демографическим давлением. Испокон веков население степи пыталось вырваться на плодородные равнины – но безуспешно. Окраины степи были густо заселены земледельцами, и на каждого арийского берсерка там приходилось несколько десятков лучников в одинаковых холщовых одеждах. Великая Степь напоминала котел с толстой чугунной оболочкой. Эта оболочка могла выдержать любое, самое страшное давление, а за ней, далеко на юг, простирались благодатные страны. Там царил Золотой Век, и никто не мог даже представить себе, что в Северной Пустыне ежедневно гибнут целые племена, что люди там поклоняются мечу и исповедуют заповедь "убей первым".

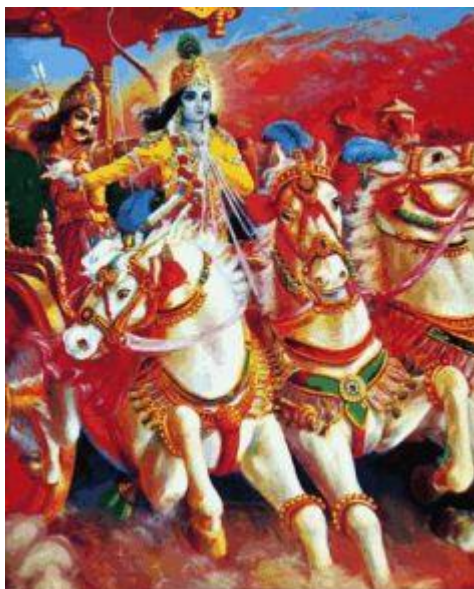
И вот в XVIII столетии произошла катастрофа. Паровой котел взорвался, и страшная взрывная волна покатила по цветущим полям Золотого Века.

ВОЛНА

*Вот идет народ от стран северных и
народ великий поднимается от краев
земли... Шумит, как море, их голос...*

Иеремия, 6:22-23

Причина этого взрыва оставалась загадкой для многих поколений историков, вплоть до 1974 года, когда советские археологи на раскопках в зауральских степях сделали открытие, перевернувшее привычные представления о прошлом. Никто не ожидал увидеть *это* именно здесь, посреди Великой Степи, и открывшееся зрелище произвело впечатление даже на опытных археологов. На берегу реки Синташта в древнем кургане было погребено страшное оружие ариев – «золотая ратха великого Индры», древняя боевая колесница.

Древняя индийская легенда говорит, что боевую колесницу создал брат царя богов Индры, Тваштар. Он переделал известную в Двуречье низкую повозку, сделал ее легкой и запряг в нее лошадей, водившихся только там, в Великой Степи. Это было Фундаментальное Открытие – открытие, позволяющее расширить экологическую нишу. Из изгнанников арии превратились в народ, избранный богом. И этот народ, привыкший убивать, двинулся на завоевание мира.

Тогда взял он бурю, свое великое оружие,
 На колесницу встал он, на непобедимый ветер бури,
 Запряг в нее четырех коней, взнуздal их:
 Губителя, Беспощадного, Наводняющего, Крылатого...
 Зубы их наполнены ядом,
 Скакать умеют они, ниспровергать знают они.*

Несколькими волнами, одна за другой, арии обрушились на окружавшие их земледельческие племена. Старый Свет помнит множество легенд о борьбе арийских завоевателей с туземцами, с древним и таинственным Народом Дракона. Легенды повествуют о ненасытных чудовищах, о принесенных им в жертву красавицах и о героях, умевших летать, о Персее и Андромеде, о Георгии Победоносце, о Роже и Анжелике, о Добрыне и Змее-Горыныче, о Ду-юе и сестре дракона. Смысл этих легенд всегда один: благородный герой убивает змея-дракона и освобождает красавицу. Дракон – это божество побежденных народов, и герой убивает дракона тысячу раз в Европе, в Индии, в Китае – по всему фронту арийского наступления:

–...Геракл одолел возрождающиеся головы гидры, зарыл ее в землю и навалил на это место тяжелый камень...

–...Ты, Индра, убил первородного змея и уничтожил колдовство злых колдунов...

–...Убили таго змея, взяли змееву галаву и, пришовши к яго хате, яны разломили галаву и став белый свет...

Герой убивает змея тысячу раз, и иногда он действительно освобождает красавицу, – ведь мы помним, что красавиц приносили в жертву драконам! А чтобы убедиться, что герой умеет летать, достаточно вспомнить одежду из перьев, которую носили берсерки.

Красивые легенды рассказывают о реальной истории, о Великой Битве ариев с Народом Дракона. И хорошо известные всем скульптурные композиции – хищная птица со змеей в когтях – это тоже разбросанные по всему миру памятники Великой Битвы. Божеством-родоначальником, тотемом завоевателей считалась Пурпурная Птица, Феникс, и это Феникс держит в когтях змею – тотем покоренных народов.

Подобно взрывной волне, Арийская Волна распространялась во все стороны света, охватив, в конце концов, всю Евразию. О судьбе народов, населявших до нашествия Западную Европу, не сохранилось ни одного письменного известия. Они погибли в темноте веков, не

донесся до нас ни одного стога. К концу XIV века Европа опустела до самых Пиренеев, земледельческие поселки исчезли. Европейская равнина превратилась в огромное арийское пастбище, над которым возвышались курганы победителей.

Такие же курганы возвышались над равниной Китая. Жестокие завоеватели наполняли огромные ямы сотнями принесенных в жертву пленных и ставили посреди трупов колесницу – это было жертвоприношение колесницы, "чэ-ма кэн". В XVII веке колесницы прорвались в долину Инда. Здесь были цветущие города и многочисленные деревни, крепости, храмы, школы. "В один день Индра и Агни разрушили 99 городов дасью", - поется в гимнах Ригведы. Раскапывавшим эти города археологам открылась страшная картина: в домах, на улицах, на площадях – повсюду лежали скелеты их защитников.

В середине XVIII века Волна подступила к сердцу ближневосточной цивилизации, Двуречью. Многоязыкое, вобравшее в себя скопище покоренных народов, "войско Манды" год за годом штурмовало могучие стены Вавилона – но Империя ожесточенно сопротивлялась. Завоеватели отошли на средний Евфрат, построили здесь крепости и основали царство Митанни. Малая Азия была захвачена племенами хеттов; хетты сожгли города, истребили всех, кто сопротивлялся, и обратили уцелевших в рабство. В степях на востоке полуострова они построили огромный город-лагерь Хаттусу. Каждый год тысячи хеттских колесниц выходили из Хаттусы и обрушивались на окружающие страны; хетты истребляли население и сжигали деревни; пленных сажали на кол и ослепляли. Десятки тысяч мирных жителей под свист бичей гнали в Хаттусу; здесь их делили между воинами. Отдельные отряды колесничных воинов проникали далеко на юг и, увлекая за собой местные племена, образовывали новые орды. В начале XVII века варвары ворвались в Египет, разрушили города и храмы и, разорив страну, устроили свое гнездо в дельте Нила, в Аварисе. Наконец, в 1595 году наступила развязка долгой драмы. Полчища хеттов и митаннийцев объединились и двинулись на Вавилон; великий город был взят штурмом и обращен в руины. Империя Хаммурапи погибла; население было вырезано или уведено в плен. Города и деревни лежали в развалинах, песок засыпал каналы, и цветущая некогда страна медленно превращалась в пустыню.

АРИЙСКИЙ ПОРЯДОК

Горе побежденным.

Тит Ливий.

Каким был мир после катастрофы? Пустынные заросшие лебедой поля, высохшие каналы с белеющими на дне костями, трупы на дорогах и в развалинах домов, черные пепелища городов и деревень, храмы с проломленными стенами, низвергнутые статуи богов, запустение и разруха...

Изредка на равнине встречались сложенные из каменных глыб башни – жилища тех, кто остался в живых. В новом мире можно было жить только в башнях и уцелевшие крестьяне, объединившись, строили себе маленькую крепость, в которой переживали набеги. Каждый год то с одной, то с другой стороны налетали отряды колесниц, широким фронтом пересекавшие равнину. Воины жгли поля и требовали дань – незаплатившие обрекали себя на осаду и голод. Голод и мор свирепствовали повсюду; разлагавшиеся трупы вызывали болезни; чума опустошала деревни и города-лагеря.

Завоеватели жили в городах-лагерях, в Хаттусе, Аварисе, в Хане на среднем Евфрате. Рядовой воин имел десяток-другой рабов, которые обрабатывали для него поля в городской округе. Завоеватели-скотоводы называли этих рабов "головами" и почитали за скот; в Китае их называли народ-скотина, "чуминь", в Спарте – "илоты", в Риме – "клиенты". "Головы" часто использовались как монета; ими возвращали долги и платили штрафы. Каждый воин имел несколько рабынь-наложниц, причём закон разрешал сожительствовать одновременно с

рабыней и её дочерью, начиная с 10-12 лет. За пределами городской округи в каменных башнях жили зависимые крестьяне, они платили тяжелую дань и у хеттов назывались "царскими рабами"; в Спарте это были "пэриеки", а в Риме – "плебеи". Арийский порядок был везде одинаков, несмотря на расстояния и века. Лишь благородные завоеватели и их потомки имели право называться "свободными" и участвовать в народном собрании, избиравшем царя. Цари были первыми среди равных, они правили вместе с собранием "свободных" и возглавляли их на войне. Благородные воины владели виллами и наложницами – но предпочитали радостям мирной жизни войну; война была их образом жизни, единственным занятием для "настоящих мужчин". Это была война-охота, нечто вроде спорта – ведь противники были беспомощны перед боевыми колесницами. "Свободные" сражались на колесницах по трое: один управлял конями, другой колот копьем, третий стрелял из лука. Каждую весну тысячи колесниц выходили из городов-лагерей – это выглядело, как праздник, воины украшали свои шлемы пышными султанами и пели боевые гимны. Лавина двигалась туда, где еще можно было грабить и жечь – на упорно встающие из пепла города Сирии или на уцелевший в северном Двуречье торговый город Ашшур. Кое-где на окраинах ещё сохранялись последние крепости цивилизации – и одной из этих крепостей были Фивы, небольшой городок на юге Египта.

ИМПЕРИЯ ВСТАЕТ ИЗ ПЕПЛА

И вот князья этих стран приползли на своих животах, чтобы нюхать землю перед силой его величества...

Анналы Тутмоса III.

На юге Египта, там, где Нил делает небольшую излучину, располагался Фиванский оазис. Сюда не дошли колесницы гиксосов, здесь сохранились храмы и города, это было последнее прибежище жрецов и фараонов. Согласившись платить дань, фиванцы сумели использовать передышку, которую им дали варвары, они переняли оружие противника и оснастили свою армию колесницами. Через сто лет после катастрофы египетские войска двинулись на север, гиксосы были разгромлены и бежали в Азию.

Началась эпоха Нового Царства. Постепенно восстанавливались города и храмы, снова наполнялись трудовым людом деревни. По-прежнему проводились смотры "царских людей", и идущие вдоль шеренг писцы говорили, кому идти в земледельцы, а кому – в армию. Армия фараонов сражалась в Сирии и с каждым годом все дальше отбрасывала варваров от границ Египта. При фараоне Тутмосе III Египетская Империя вступила в бой с повелителями Востока – митаннийцами и хеттами. Двести лет поля Сирии сотрясали битвы колесничных армий; тысячи колесниц, сталкиваясь, разлетались в куски и хоронили под обломками воинов. Цивилизация одержала победу над варварами; в 1312 году в битве при Кадеше фараон Рамзес II нанес хеттам решающее поражение.

Хетты XIV века были уже не те, что в эпоху войн-охот трехсотлетней давности; они до какой-то степени окультурились и переняли многие обычаи покоренных народов. У них были храмы и самодержавные цари, писцы и законы – но воины с султанами по-прежнему каждую весну выезжали на колесницах из ворот Хаттусы. Египтяне в свою очередь позаимствовали обычаи хеттов; их солдаты безжалостно убивали и грабили, а по возвращении армия гнала за собой десятки тысяч пленных. Их продавали на рынках, и они были столь дешевы, что даже садовник или пастух мог купить себе раба. Сотни рабов вместе с другой добычей подносились в дар храмам – в особенности храмам фиванского бога Амона. Храм Амона в Карнаке близ Фив был одним из чудес света, а его главный зал изображал собою весь мир: колоссальные колонны в виде увенчанных цветами стеблей папируса поддерживали небесный свод с луной, солнцем и звездами. Стены храма были покрыты золотом, а от Нила к главным воротам вела аллея каменных львов – сфинксов.

Великолепные храмы были символом Нового Царства, так же, как великие пирамиды – символом Древнего Царства. Величие храмов заставляло народ падать ниц перед Амоном-Солнцем и его сыном, фараоном. Сестра фараона считалась "супругой Амона", она обитала в полутьме храма и на золотом ложе вступала в священный брак с богом, роль которого исполнял сам фараон. Амон-Солнце был богом справедливости, защитником бедных, предшественником Христа; сотни его храмов стояли по всей стране, и народ приходил к нему как к заступнику, "спасающему робкого от гордого". Однако фараону Эхнатону показалось недостаточно быть сыном Солнца – он провозгласил себя самим Солнцем и приказал вырубить имя Амона с каменных плит. Народ подчинился Эхнатону, но после его смерти всё вернулось на круги своя; Эхнатон остался в истории как сумасбродный тиран и муж прекрасной царицы Нефертити, точеная головка которой стала символом воплощенного в камне изящества.

XV и XIV столетия остались в памяти поколений, как время великолепных храмов, блестящих побед, благополучия и сытости. Вельможи и сановники купались в роскоши, одевались в изысканные белоснежные одежды и носили пышные ниспадающие на плечи парики. Пиршественные залы усыпались цветами, и полуобнаженные рабыни танцевали среди золота и благовоний. Но вот в разгар торжеств всё смолкало: среди гостей появлялся бритоголовый жрец с изображением мумии в руках. Он шел среди пирующих и повторял каждому: "Смотри на нее, пей и наслаждайся жизнью! После смерти ты ведь будешь таким!"

Жрец понимал, что благополучие не вечно – когда-нибудь наступает конец.

КОНЕЦ ИМПЕРИИ

*Другое время настало после того,
пустые годы...*

Большой папирус Харрис.

После эпохи побед началось время испытаний. В XII веке на Ближний Восток обрушилась Вторая Волна; через полтысячелетия после первого взрыва Великая Степь наполнилась новыми поколениями, и паровой котел снова не выдержал давления. На юге арии завладели обширным нагорьем, которому дали свое имя – Иран. На востоке племена чжоу овладели долиной Хуанхэ; на западе дорийцы прорвались в Грецию и основали свой знаменитый город, Спарту. Многоязыкое скопище племен обрушилось на Малую Азию; Хаттуса, ещё недавно державшая в страхе окружающие народы, погибла в языках пламени. Двигаясь вдоль побережья на кораблях и колесницах, орда «народов моря» прорвалась к границам Египта – но египетской армии удалось отразить нашествие. Это была последняя великая победа фараонов, берег моря был покрыт трупами врагов и обломками кораблей. Но затем наступили «другие времена, пустые годы», о которых сохранилось мало известий. В стране был голод, власть фараонов постепенно слабела, из пустыни наступали варвары-ливийцы. Как и шумеры, египтяне были миролюбивым народом; постоянное воспитание покорности властям лишило их остатков былой воинственности. В XII веке армию стали пополнять наемниками-ливийцами, и со временем в долине Нила появились целые военные поселения варваров. Около 950 года ливийцы подняли мятеж и захватили власть, а затем поделили страну между своими вождями на «варварские королевства». Началась кровавая эпоха смут и войн – «египетское средневековье». С юга в страну вторгались эфиопы, с севера – ассирийцы; повсюду царили голод и эпидемии; ирригационная система вышла из строя. Голод и войны погубили большую часть населения, города обратились в развалины, деревни стояли пустыми. Лишь на юге, в Фивах, жрецы сумели спасти храмы и остатки культуры; они правили непосредственно от имени бога, испрашивая указания у оракула Амона. Правда, при этом жрецы не забывали и о себе: они поделили между собой храмовые доходы и стали передавать свои должности по наследству.

К VII веку варвары, наконец, усвоили египетские традиции; ливийский вождь Псамметих I объединил страну и около 650 года попытался восстановить тысячелетнюю Империю. Снова восстали из пепла храмы и города; снова писцы устраивали "смотри" и принимали зерно у "царских людей". Но в 527 году пришли новые завоеватели, персы, а еще через двести лет –

Александр Македонский, а потом – римляне. Крестьяне, казалось, не замечали всего этого: они пахали свои поля и сдавали урожай на тока. Поля регулярно переделялись, писцы следили за тем, что и когда сеять, и забирали большую часть урожая в пользу храма или фараона. Фараон – неважно, грек или римлянин – был богом этой страны, и ему поклонялись в храмах. Когда население достигало определенных пределов, начинались голод и восстания. Каратели – греки или римляне – вырезали деревни и заставляли уцелевших крестьян снова пахать свои поля. Завоеватели жили в своем городе, Александрии – так же, как некогда гиксосы жили в Аварисе; они строили дворцы и купались в роскоши, а полуголодная страна терпеливо несла свою ношу. Так продолжалось века, пока, в конце концов, в мир не пришел Христос – но это была уже другая страница истории.

РОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ АССИРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Я – Синаххериб, великий царь, могучий царь, царь обитаемого мира, царь Ассирии... От Верхнего моря, где закат солнца, до Нижнего моря, где восход солнца, всех черноголовых склонил я к моим стопам...

Анналы Синаххериба.

Теперь нам придется вернуться в Двуречье времен катастрофы, когда на руинах Вавилона росла полынь, и песок затягивал пересохшие каналы. На какое-то время жизнь среди развалин почти замерла; писцы Вавилона погибли, и мы ничего не знаем об этих «темных веках». Лишь в XIV столетии появились скудные сведения о новом мире – и оказалось, что его хозяевами были касситы, пастушеское племя, принесенное в Двуречье Большой Волной. Касситы были колесничными воинами, они собирали дань с жившего в башнях местного населения и, подобно хеттам, каждый год отправлялись в набег на соседние страны. Между тем, на равнине понемногу восстанавливались старинные храмовые города – Вавилон, Урук, Ниппур; они пользовались самоуправлением, и, как когда-то в давние времена, в них правили знатные и богатые. История началась сначала: катастрофа вернула мир к тем временам, когда демографическое давление было низким, к временам свободных храмовых общин. Должно было пройти время, пока новое Сжатие, голод и войны не породят новую монархию.

Благодаря какой-то случайности на севере Двуречья уцелел обломок древней цивилизации, торговый город Ашшур. Здесь сохранился старинный храм, а местные вожди-жрецы – так же, как когда-то в Шумере, – боролись за власть со знатью и именовали себя царями. Ашшур завел колесничное войско и отчаянно сражался с варварами, перенимая при этом варварские методы ведения войны – истребление тысяч пленных и угон мирных жителей. Постоянные войны разоряли ещё не оправившуюся от катастроф страну; только-только ожившие города снова и снова обращались в руины. В конце XII века на Двуречье обрушилось новое нашествие. Жившие в аравийских степях племена арамейев приручили верблюда и создали "верблюжью кавалерию". Обходя укрепленные города, отряды арамейев жгли деревни и вырезали население; вскоре большая часть Двуречья была заселена варварами, города пришли в упадок, и лишь Ашшур продолжал сопротивление завоевателям. В эту эпоху войн и нашествий внезапно произошли удивительные перемены, резко изменившие жизнь людей, – наступил Век Железа.

По преданию, первыми кователями железа были загадочные халибы, обитавшие в середине II тысячелетия в горах Армении. В те времена – да и много позже, вплоть до средних веков – печи не давали температуры, достаточной для плавки железа; металл получали в тестообразном состоянии с примесью шлака – но халибы придумали способ избавиться от шлака с помощью длительнойковки. Почти полтысячелетия халибы ревниво хранили свой секрет, ставили заставы в горах и убивали непрошенных соглядатаев. Металлургия железа была

великой тайной и великим открытием – ведь железная руда была повсюду; железо было гораздо дешевле меди, и стоило приоткрыться завесе тайны, как новый металл распространился бы по всему свету и преобразил жизнь людей. Это произошло в конце II тысячелетия; настало время железных топоров, пил и мотыг, люди одержали еще одну победу над природой, позволившую им с легкостью корчевать леса и поднимать целину. Однако главным изделием кузнецов оказались не пилы и не мотыги – преклонив колени и принеся жертву богам в присутствии царя и его воинов, кузнецы ковали мечи. Железный меч стал символом власти, объектом поклонения, божеством: варвары Великой Степи втыкали меч в землю и поклонялись ему, как богу. Настало время железных мечей.

Первыми обладателями мечей стали горцы Армении, урарты; в VIII веке они спустились с гор и стали, подобно хеттам, опустошать окружающие страны. Ашшур оказался на краю гибели; Сжатие, война и голод привели здесь к власти военную диктатуру. Царь Тиглатпаласар III (745-727) спешно вооружил свое войско железными мечами; он создал "царский полк" – первый корпус воинов-профессионалов; на смену народному ополчению пришла регулярная армия, содержавшаяся на царские деньги, прекрасно вооруженная, обученная и скованная железной дисциплиной. Это было Фундаментальное Открытие, переворот в военном деле; "царский полк" стал непобедимым оружием на поле брани. "Вот оно, войско ассирийцев, – говорил библейский пророк Исайя, – легко и скоро оно придет, не будет у него ни усталого, ни изнемогающего, ни один не задремлет и не заснет и не снимется пояс с чресел его, и не разорвется ремень у обуви его; стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса колесниц его – как вихрь".

Создание вооруженной железными мечами регулярной армии породило волну ассирийских завоеваний. Урарты были отброшены в горы, ассирийцы овладели Сирией и Вавилонией, оккупировали Египет и разграбили знаменитые фиванские храмы. Ассирийские цари создали новую великую Империю, охватившую почти весь Ближний Восток. Эта империя была построена на крови: ассирийцы воевали с варварами методами варваров, разрушали деревни, вырубали сады, засыпали каналы. "Я отсек головы воинов и сложил из них пирамиду перед городом, – хвалился один из ассирийских царей. – Я сжигал в огне мальчиков и девочек... Оставшихся в живых пленных я сажал на колья вокруг города, а остальным выкалывал глаза". Так же, как хетты и урарты, ассирийцы пригоняли из походов десятки тысяч мирных жителей и селили их на опустошенных войной землях. Этих поселенцев называли "люди страны"; они получали одинаковые наделы, платили "десятину" урожая и поставляли рекрутов в царскую армию. В VII веке "люди страны" составляли большую часть населения Империи; своими победоносными походами ассирийцы перепахали весь Ближний Восток, перемешали народы, уравнили богатых и бедных и превратили всех в "людей страны". Над однородной крестьянской массой были поставлены чиновники-писцы, получавшие небольшие пайки; в провинции назначались наместники из числа дворцовых евнухов.

Символом великой Ассирийской Империи стала Ниневия – новая столица, возведенная под шелканье бичей десятками тысяч пленных. "Я заново отстроил древние улицы, расширил те, которые были слишком узки и сделал город таким же блестящим, как само солнце", – писал царь Синаххериб. Дворцы Ниневии превосходили всё, существовавшее до того времени; сюда была собрана вся роскошь Востока, а башни и стены города покрывала кожа, содранная с побежденных врагов. У восточных ворот города в клетках на собачьей цепи сидели пленные цари и толкли в ступах вырытые из могил кости своих предков. "Город льва, львицы и львенка", – так называл пророк Наум наводившую страх на народы Ниневию.

Ассирийские цари считали себя наследниками древних царей Двуречья – и окружающий их мир был полон воспоминаниями о прошлом. Ашшур сохранил в своих стенах великие традиции древности: царь был вместе с тем верховным жрецом, энси, и каждый Новый Год он входил в храм, чтобы получить от бога небесный мандат. В Ашшуре, Вавилоне и других "священных городах" сохранялось самоуправление и народное собрание; там, как в далекой древности, правили богатые и знатные. Так же, как в древности, цари боролись со знатью за контроль над храмовым хозяйством, а горожане упорно отстаивали свою свободу от повинностей. "Даже собака свободна, когда она входит в Вавилон", – писали вавилоняне ассирийскому царю. В ответ на требование денег знатные устраивали заговоры и убивали

царей, а цари осаждали непокорные города. В 688 году войска Синаххериба взяли штурмом и сожгли Вавилон, но одиннадцать лет спустя царь Асархаддон приказал восстановить великий город. В 627 году вспыхнуло новое восстание, это восстание совпало с новой волной варварских нашествий.

В то время как Ассирийская Империя боролась с буржуазными городами, в Великой Степи происходили перемены, грозившие цивилизации страшной опасностью. В конце VIII века наследники ариев, скифы, совершили новое Фундаментальное Открытие: они научились стрелять из лука, сидя на лошади. Этот подарок судьбы превратил скифов в страшное для окружающих народов племя конных лучников. Увлекая за собой покоренные народы, скифы двинулись на завоевание мира; на земледельческие страны обрушилась Третья Волна. Основной удар на этот раз пришелся на Европу, которая была затоплена бежавшим от скифов обитателями причерноморских степей – киммерийцами. Около 660 года скифы прорвались через Кавказ в азербайджанские степи и подчинили местные мидийские племена; здесь образовалось новое многоязыкое "войско Манды", которое вскоре обрушилось на Ассирию. В 614 году скифы и их союзники разгромили Ашшур, в 612 году – имперскую столицу Ниневию. "Горе городу кровей! -говорил пророк Наум. – Несется конница и блещит меч, и сверкает копье – и множество сраженных, и груды трупов. Без конца тела, спотыкаются о тела убитых..." "Спят твои пастыри, царь Ашшура, покоятся твои витязи, развеян твой народ по горам и некому собрать его. Нет исцеления для раны твоей, смертельна язва твоя. Все, услышавшие весть о тебе, рукоплещут о тебе, ибо на кого не простиралась непрестанно злоба твоя..."

ВРАТА БОГА

Поднимись на холмы разрушенных городов и посмотри на черепа людей,

живших давно и недавно: кто из них был злым и кто из них был добрым?

Разговор господина и раба.

Первый удар Волны пощадил Вавилон: вавилонская буржуазия сама призвала варваров против ненавистных царей. Вавилония на время получила желанную свободу, в нее как бы вернулось прошлое, эпоха трехтысячелетней давности, когда храмовые города были еще молоды и не знали грядущих социальных потрясений. Как раньше, шумели огромные рынки, и к пристани причаливали корабли из дальних стран. Зерно, ткани, рабы, роскошная одежда и утварь – все богатства мира сходились в Вавилоне, и разноязыкие торговцы до позднего вечера расхваливали свой товар. Тут же, на рынке, чинно сидели знаменитые вавилонские менялы и ростовщики, а дальше располагались дома развлечений, дорогие рестораны, где купцы обсуждали свои дела, и дешевые пропахшие пивом трактиры.

В стороне от рынка начинались буржуазные кварталы – глухие высокие стены, прорезанные калитками, а за стенами – прохлада внутренних дворов, садов и фонтанов. Мужчины на улицах носили длинные льняные рубахи, а женщины закрывали лица покрывалами. В центре города располагался храм бога Бэла с колоссальной "Вавилонской башней", зиккуратом Этеменанки. Библейское предание говорит, что древние люди решили построить город и башню высотой до небес и Господь, чтобы не допустить этого, смешал их языки. "И они перестали строить город. Посему дано ему имя Вавилон ("Врата Бога"), ибо там смешал Господь языки всей земли". Вавилон действительно был многоязыким городом, самым большим городом тех времен – возможно, в нем проживало больше миллиона жителей. "Вавилонская башня" была одним из чудес света, на вершине её располагался храм, в котором жила жрица, "жена бога"; говорили, что всемогущий Бэл время от времени посещает храм и возлежит со своей женой на золотом ложе.

Храм Бэла был сосредоточием городской жизни; он владел обширными землями и баснословными богатствами, был крупнейшим землевладельцем и ростовщиком. Богатства храма уже не принадлежали всей общине – это была собственность жрецов и служителей, владевших "пребндами", своеобразными акциями этой огромной частной компании. Владельцами пребнд были самые богатые и знатные граждане, ростовщики, купцы и землевладельцы; эта аристократия денег правила городом, занимая все выборные должности. Цари Вавилона были царями лишь по имени; они тоже выбирались народным собранием и каждый Новый Год подтверждали свое избрание в храме – причем, прежде чем допустить в святилище, верховный жрец отбирал у царя знаки власти и подвергал его символическим побоям.

Одной из важных выборных должностей Вавилона была должность главного храмового писца; писцы были носителями древней учености, передаваемой из поколения в поколение в жреческих школах. Они знали древние и современные языки, тонкости ритуалов, культовые песнопения, разбирались в музыке, могли измерить поле и вычислить объем работ на строительстве канала. Жрецы и писцы изобрели солнечные часы и разделили день на часы, минуты и секунды; они наблюдали за небом и создали лунный календарь из недель и месяцев. По расположению созвездий жрецы предсказывали будущее – так родилась астрология, впоследствии распространившаяся по всему миру. Были и другие методы предсказания: гадание по полету птиц, по печени жертвенного животного, толкование сновидений. Жрецы лечили болезни: произносили таинственные заклинания и сжигали фигурку вызвавшего болезнь демона – а если это не помогало, то приписывали лечебный настой из трав. Чудесное и реальное мешалось друг с другом, как на вавилонской карте мира: на ней был достоверно изображен Ближний Восток, реки и горы, но дальше со всех сторон простирался неведомый Океан, а сверху этот мир накрывали семь куполов неба.

Вавилонские цари верили предсказаниям жрецов и тщательно выбирали время для своих военных походов. Поначалу эти походы были удачными, царь Навуходоносор завоевал Сирию, Палестину, разрушил Иерусалим и увел в вавилонский плен тысячи евреев. Массы пленных были согнаны на строительство царского дворца и знаменитых "висячих садов" – садов на высоких, поднимавшихся над городом террасах, построенных для улаживания любимой жены

царя, красавицы Семирамиды. Однако после смерти Навуходоносора победы сменились поражениями; Вавилону угрожали новые опасные враги, персы, занявшие место мидян и скифов. Ввиду угрожавшей опасности цари-соправители Набонид и Валтасар потребовали большей власти и установления контроля за храмами. Теперь уже не ассирийские, а собственные цари встали на горло вавилонской буржуазии – и она предпочла договориться с царем персов Киром. Предание говорит, что когда Валтасар пировал в своем дворце, на стене внезапно явились огненные слова, написанные на непонятном языке. Лишь еврейский пленник Даниил смог перевести эти слова: "мене, мене, текел, упарсин". "Мене – исчислил бог царство твое и положил конец ему; текел – ты взвешен на весах и найден очень легким, перес – разделено царство твое и дано мидянам и персам". В эту самую ночь, 12 октября 539 года, персы ворвались в Вавилон – причем из-за обширности города часть жителей узнала об этом только на третий день. Валтасар был убит, через две недели знать устроила торжественную встречу Киру, "улицы перед ним были устланы ветвями".

Царь Кир остался в памяти вавилонян, как мягкий и покладистый правитель, но его сын Камбиз правил, как самодержец. В 521 году буржуазия снова восстала – теперь уже против персидских царей. Огромная армия персов осадила город, но тройные стены Вавилона были неприступны. Осада продолжалась полтора года, жестокий голод заставил вавилонян убивать своих женщин – нужно было избавиться от лишних ртов. В конце концов, Вавилон пал, и три тысячи самых богатых и знатных граждан были посажены на кол. Так закончилась долгая борьба между буржуазией и царями. Вавилон уже никогда не смог оправиться от этого разгрома, великий город постепенно пустел, дворцы и храмы превращались в руины, в глиняные холмы среди пустыни. Теперь их называют "холмами потопа", и туристы со всего мира в молчании смотрят на то, что осталось от великого города. Когда-то здесь шумела толпа на улицах и люди жили, любили и ненавидели; теперь же остались лишь глиняные холмы – символ бренности всего сущего.

ЛЮДИ И МОРЕ

*И ты, сын человеческий, подними плач
о Тире, поселившемся на выступах в море,
торгующем с народами на многих островах...*
Иезекииль 27,2.

На вавилонской карте мира были изображены две реки, текущие на юг и впадающие в Нижнее Море. На западе простиралась пустыня, а за ней – другое, Верхнее Море, вдоль которого тянулись высокие горы. Покрытые лесом горы почти вплотную подступали к песчаным пляжам, и аромат хвои мешался с солеными брызгами прибой. Теплое солнце, ласковое синее море и изумрудно-зеленые горы – такой представала Финикия перед египетскими моряками, плававшими сюда за благоуханным кедровым деревом. Кое-где на скалистых утесах или прибрежных островах виднелись городки с гаванями и крепостными башнями. Они мало чем отличались от древних городов Двуречья – как обычно, в центре города стоял храм и располагалась площадь народных собраний, в храме обычно поклонялись Астарте-Иштар или Ваалу-Бэлу, а писцы пользовались шумерской клинописью. Но города шумеров располагались среди плоской колосающейся равнины, а здесь прямо у стен города плескалось море. Здесь было мало плодородной земли, и море заменяло пашни и пастбища: большинство горожан были рыбаками, моряками или купцами. Море кормило людей и открывало путь к хлебородным землям: когда наступал голод, многие горожане садились на корабли и плыли на запад – основывать колонии и поднимать целину на пустынных берегах

Африки или Сицилии. Благодаря морской колонизации финикийская культура распространилась по всему Средиземноморью; её следы встречаются даже в далекой Англии. С другой стороны, эмиграция спасала города от голода и революций – поэтому здесь не было самодержавных царей; финикийские «цари» были всего лишь выборными вождями-жрецами – как в древнем Двуречье.

Море определяло жизнь людей; те, кто не хотел переселяться в колонии, должны были искать пропитание на просторах моря. Древнейшим после рыболовства морским промыслом было пиратство, разбойные набеги на прибрежные деревни, похищение людей. Потом появилась посредническая торговля – к примеру, рабов, купленных в Малой Азии, везли продавать в Египет. Сохранились описания меновой торговли финикийцев с африканскими племенами: купцы выгружали свои товары на берег и разводили сигнальный костер; местные жители, завидев дым, приходили к морю, брали товары и оставляли золото.

Финикийцы хранили в тайне свои морские пути и карты побережья – поэтому до сих пор неизвестно, как далеко заплывали эти отважные мореходы. В середине II тысячелетия они нашли где-то далеко на западе народ, богатый серебром и не знавший его истинной ценности. Эта сказочная серебряная страна называлась Таршиш и располагалась на берегу Океана за "Геракловыми Столпами" – Гибралтарским проливом. Вскоре за серебром устремились сотни финикийских кораблей, больших округлых парусников с высокой кормой и лошадиной головой на носу; эти "таршишские корабли" плыли днем и ночью, ориентируясь по Полярной Звезде. Оказалось, что Таршиш богат не только серебром, но и оловом, которое в сплаве с медью давало твердую бронзу – металл войны, из которого делали панцири и мечи. Финикийцы стали поставщиками олова для воинственных царей Азии; в финикийских портах тюки с оловом перегружали на спины ослов, и огромные караваны уходили через горы по степной дороге в Ашшур и дальше в города Вавилонии.

Огромные прибыли от посреднической торговли положили начало преуспеванию городов Финикии – но настоящий расцвет был ещё впереди. Вслед за торговлей финикийцы освоили экспортное ремесло – если раньше они просто покупали, везли и продавали, то теперь они стали покупать сырье, обрабатывать его и продавать ремесленные изделия. В городах стали создаваться бронзоволитейные мастерские, в которых работало множество литейщиков, кузнецов, чеканщиков. Ещё большее развитие получило ткачество; финикийцы покупали шерсть у живших за горами пастушеских племен, ткали ее и окрашивали свои ткани пурпуром. Это был удивительный и редкий краситель, добывавшийся из береговых улиток; пурпурные ткани сохраняли свою свежесть столетия; это была одежда для царей и жрецов. Наконец, финикийцы сделали еще одно удивительное открытие – они изобрели стекло. По преданию, корабль, везший из Египта селитру, причалил на песчаном берегу, и, чтобы приготовить себе пищу, моряки поставили котлы на куски селитры. "Когда же они разогрелись и соединились с песком побережья, то образовался поток жидкости нового рода. И это, как говорят, было возникновение стекла". Первое стекло было непрозрачным, но из него можно было делать посуду и красивые бусы для женщин – эти блестящие камушки вызывали восторг у жителей средиземноморского побережья.

Ткани, стекло и бронза принесли необычайное процветание финикийским городам. Купцы и ростовщики жили во дворцах, над берегом возносились огромные храмы, в портах собирались сотни судов. Богатые города Финикии, Тир, Библ, Сидон, напоминали своей жизнью великий Вавилон; это были буржуазные города, где правили деньги и предприимчивость. Блеск буржуазной цивилизации восторгал библейских пророков: "Тир! Ты говоришь: "Я совершенство красоты". Пределы твои в сердце морей, строители твои усовершенствовали красоту твою... Ты сделался богатым и славным среди морей". Посланцы финикийской цивилизации, ремесленники и строители, разносили её славу по окрестным странам; они учили ремёслам пастушеские народы и возвели Великий Храм в Иерусалиме. Для своих тайных записей купцы и мореходы изобрели алфавит, в котором каждый знак соответствовал одному звуку, а комбинации знаков слагались в слова. Это было великое изобретение; теперь, чтобы научиться грамоте, уже не нужно было несколько лет учить тысячи иероглифов. Очень скоро тайна перестала быть тайной, и алфавит распространился по всему Средиземноморью; его позаимствовали греки, римляне, а потом и многие другие народы.

"Финикияне, прибыв в Элладу... принесли эллинам много наук и искусств и, между прочим, письменность", – писал великий историк Геродот.

Так постепенно в глазах людей формировался облик первой морской цивилизации: лес мачт на рейде, многолюдье рынков, богатство городов, купцы и ростовщики, считающие прибыль в своих конторах, ремесленники, создающие удивительные товары. Все это стало возможным благодаря морю, благодаря парусным кораблям, приходящим из дальних стран. Один корабль привозил товаров больше, чем караван верблюдов – в те времена настоящая торговля была возможна только по морю и торговые города возникали только у моря. Это был мир, непохожий на мир континентальных империй: торговое преуспевание, ввоз зерна и возможность эмиграции снижали демографическое давление, и в приморских городах сохранялась буржуазная демократия и свобода в сочетании с властью денег. Конечно, и здесь не обходилось без социальных конфликтов; до нас дошли смутные сведения о волнениях бедняков, требовавших Справедливости – то есть отмены долгов и освобождения должников – той самой Справедливости, которая была знаменем социалистических монархий на континенте. Кроме того, армии империй постоянно подступали к стенам приморских городов; царям Египта и Ассирии не давали покоя их богатство и свобода. Однако многие из городов были неприступны: Тир располагался на острове и, получая продовольствие по морю, мог не обращать внимания на стоящую на берегу царскую армию.

Пока финикийцы сохраняли господство на море, они сохраняли свои богатства и свою свободу; города процветали и выводили на берега Средиземного моря всё новые колонии. В IX веке выходцами из Тира был основан Карфаген, который вскоре сам стал большим торговым городом, господином западного Средиземноморья. Финикийские корабли заплывали все дальше в Атлантический Океан, достигая Британии и тропических островов; в конце VII века финикийцы обогнули Африку. Это удивительное путешествие продолжалось два с лишним года; находившиеся на службе у египтян финикийские капитаны отправились на юг вдоль побережья Красного моря и вернулись через Средиземное море, принеся с собой чудесные рассказы о южных звездах и о солнце, стоящем на севере.

Это был звездный час финикийского флота – но вслед за ним приближался последний час. В VII веке уже давно пиратствовавшие на море греки создали новый тип военного корабля, быстроходную триеру с тремя рядами весел и мощным тараном, вспарывавшим днища судов противника. Финикийцы потеряли своё военно-морское превосходство; пришло время ожесточенных морских сражений, в которых сходились десятки судов и обломки кораблей усеивали берега. Чтобы сокрушить противника, финикийские города, сохраняя самоуправление, признали власть персов; в 481 году огромная персидская армия двинулась в Грецию; вдоль берега её сопровождал усиленный союзниками финикийский флот. В конце сентября 480 года в Саламинском проливе произошла одна из крупнейших в истории морских битв; союзники имели 700 кораблей, греки – вдвое меньше, но греческие триеры оказались непобедимыми. Легко маневрируя в мелководном проливе, они со всех сторон били таранами в неповоротливые финикийские корабли. Саламинская битва была великой победой греков и великим поражением финикийцев. Отныне греки стали господами моря, они захватывали и топили торговые суда, парализовав финикийскую торговлю. Посредническая торговля восточного Средиземноморья оказалась в руках греков; на смену процветанию Тира пришел великолепный расцвет Афин. Лишившись большей части своей торговли, города Финикии пришли в упадок, купцы и банкиры переводили свои капиталы в Афины – ведь золото не имеет родины и везде остается золотом. Финикийские купцы заселили целый квартал в Афинах и, одев греческие одежды, незаметно превратились в греческих купцов. Вслед за алфавитом Греция унаследовала их торговый опыт и предприимчивость – и, многократно усилившись, в конце концов, вместе с Александром Македонским подступила под стены Тира. Осада продолжалась семь месяцев, тирийцы эвакуировали большую часть жителей в Карфаген – но оставшиеся стояли до конца. В августе 332 года город пал; Александр приказал повесить всех уцелевших мужчин; женщины и дети были проданы в рабство.

Таков был конец Тира, первого города, породнившегося с морем. Люди ещё не раз селились среди древних развалин; нищие рыбаки сушили свои сети между колонн храма Ваала; жизнь уходила и возвращалась – но это была уже другая жизнь и другая история.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

Тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным его народом из всех народов, которые на земле.

Второзаконие 7,6 .

К югу от скалистого побережья Финикии горы постепенно понижались и расходились на ряд хребтов, чередующихся с зелеными долинами. Вдоль самой большой из этих долин среди субтропических лесов и зарослей папируса протекал Иордан, впадавший в Мертвое море – большое озеро с очень солеными, безжизненными водами. К востоку от Иордана простирались голые скалы и Аравийская Степь, где жили пастухи-семиты – воинственные варварские племена, часто терпевшие голод и сражавшиеся между собой за пастбища. В своей вечной борьбе эти племена постоянно передвигались по степи и вторгались в соседние долины; иногда эти вторжения имели масштабы нашествий – таковы были разрушительные нашествия амореев и арамеев. В XIII веке в долину Иордана из степи вторглись племена иври, евреи; они вырезали жителей долины, сожгли деревни и разрушили города. «И предали заклятью всё, и всё истребили мечом», – так описывает нашествие Библия.

Евреи поселились в опустошенной стране и поделили её между своими двенадцатью племенами; эти двенадцать воинственных племен назывались Израиль, "Бог сражается". "Сражающимся богом" был племенной бог евреев Яхве, с которым они заключили завет из десяти заповедей. "Я – Яхве, твой бог... – сказал Господь, явившись в облике пламени перед вождем иври Моисеем, – да не будет у тебя других богов, кроме меня. Не сотвори себе кумира... и не поклоняйся ему... Не произноси имя Яхве, бога твоего, всуе... Помни день субботний, чтобы сохранить его святым... Чти отца своего и мать свою... Не убий, не прелюбодействуй, не укради, не свидетельствуй ложно на ближнего твоего, не пожелай дома ближнего твоего, не пожелай жены ближнего твоего... ни чего бы то ни было ближнего твоего". По приказу бога Моисей изготовил богато украшенный золотом ларец, в который положил две каменные скрижали со словами завета; этот "ковчег завета" стал главной святыней евреев, которую они носили с собой в своих скитаниях по степям и пустыням.

Поселившись в долине Иордана, евреи поначалу жили привычной пастушеской жизнью, обитали в палатках и вместе со своими стадами переходили с одного пастбища на другое. Однако настало время, когда стада не смогли прокормить умножившийся народ; тогда пастухи взяли за мотыги и стали обрабатывать землю, построили хижины из глиняных кирпичей и поделили поля сначала между родами, а потом и между семьями. Первое столетие после завоевания прошло в относительно мирной жизни; в это время еврейскими племенами предводительствовали выборные жрецы-судьи. Однако в XII веке на Ближний Восток обрушилось нашествие "народов моря", огромное скопище племен и народов двигалось вдоль средиземноморского берега на кораблях и колесницах. Фараон Рамзес III сумел остановить нашествие у границ Египта, и часть варваров осела на побережье по соседству с Израилем. Их звали филистимляне, и они дали стране свое название – Палестина. Филистимляне обладали новым оружием – железными мечами; их воины носили медные шлемы и чешуйчатую броню, в то время как евреи зачастую выходили в бой с одной пращей – как Давид против Голиафа. "И сразились филистимляне и поражены были израильтяне и было поражение весьма великое, и пало израильтян тридцать тысяч, и ковчег божий был взят", – говорит Библия. После долгой войны и многих поражений народ потребовал у судьи Самуила установления царской власти: "Пусть царь будет над нами, и мы будем, как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить перед нами, и вести войны наши". Тогда Самуил позвал юношу Саула, который "был от плеч своих выше всего народа". "И взял Самуил сосуд с елеем, и вылил на голову его, и поцеловал его, и сказал: "Вот, Господь помазывает тебя в правители наследия Своего в Израиле, и ты будешь царствовать над народом Господним и спасешь их от руки врагов, окружающих их..."

Таково было происхождение монархии – это была военная диктатура, пришедшая к власти в час испытаний. Саул провел свою жизнь в войнах и погиб в бою с филистимлянами.

Его приемник Давид перенял военное искусство филистимлян, научил евреев стрелять из лука и вооружил их железными мечами; в конце концов, филистимляне были отражены. Сын Давида, Соломон (965-928), завершил создание израильского государства; он завел чиновников, писцов и установил налоги. Символом нового царства стал великий храм в Иерусалиме, огромное здание из камня, отделанное кедром и золотом; в глубине его под распущенными крыльями херувимов стоял ковчег завета. Евреи не умели строить каменных зданий, и всеми работами руководили финикийские ремесленники, присланные из Тира по просьбе царя. У финикийцев был позаимствован и алфавит, которым были записаны древнейшие книги Библии.

Строительство первого храма ознаменовало вхождение Израиля в число цивилизованных государств. В борьбе с врагами Израиль был вынужден перенимать оружие, военные и государственные порядки, культуру соседних стран – этот процесс историки называют **МОДЕРНИЗАЦИЕЙ**. Благодаря модернизации культура Двуречья, Египта, Финикии распространялась по всему миру, завоеывая новые страны и подчиняя новые народы – евреи были лишь одним из молодых варварских народов, примкнувших к древней цивилизации.

Этот молодой народ отличала одна особенность: удивительная приверженность своему богу. У других племен или городов тоже были свои племенные или городские боги – но другие народы допускали возможность существования других богов, и рядом с храмом городского бога часто стояли святилища божеств соседних городов – ведь неплохо было бы заручиться и их поддержкой. Евреи не признавали других богов, одна из заповедей гласила: "Не поклоняйся и не служи им, ибо я, Яхве, твой бог – бог ревнивый". Чтобы сохранить веру, Яхве запретил евреям родниться с иноплеменниками: "Не вступай с ними в родство: дочери своей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына своего, ибо они отвратят сынов твоих от меня". Этот закон обособил евреев от других народов; в то время как другие племена беспрестанно смешивались между собой, растворяясь среди новых наций, евреи жили отдельно и, куда бы не забросила их судьба, создавали свою отдельную общину. Судьба же евреев была трагичной – как судьба всех маленьких народов, расположенных между великими империями, Египтом и Ассирией. После смерти Соломона единое государство евреев распалось на два слабых царства, Израиль и Иудею. Армии могущественных держав не единожды разоряли страну, сжигали города; в конце концов, в 586 году вавилонский царь Навуходоносор II разрушил Иерусалим и увел уцелевших жителей в вавилонский плен. "Сидят на земле и молчат старцы Сиона, посыпали голову пеплом, оделись в рубище... – говорил пророк Иеремия. – Мои глаза истощились от слез, всё горит во мне, когда думаю о великом горе народа моего..."

Так закончилась история еврейских царств и началась история рассеяния еврейского народа, история борьбы и страданий. Евреи снова и снова пытались вернуться на свою родину и восстановить Храм – но приходили новые цари и снова разрушали Иерусалим. Это была отчаянная борьба маленького народа с великими империями – борьба, обреченная на поражение. В конце концов, евреи были изгнаны со своей родины и рассеялись по всему свету – но это было уже в другие времена, после прихода в мир Иисуса Христа.

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗАНИЯ

*Господь премудростью основал землю, а небеса утвердил разумом.
Притчи Соломона 3,19.*

Печальна судьба изгнанников – жить в чужой стране под властью чужих царей, терпеть гонения за своего бога и свою веру. Только вера могла поддержать евреев в час испытаний, вера и терпение – и всюду, куда бы не забрасывала их судьба, они объединялись в общины во главе с учителем веры, раввином. Каждую субботу в маленькой общинной синагоге седовласый раввин развертывал свиток Торы, святой книги, повествующей о истории евреев и о их Боге. Этот всеильный Бог – Яхве, Элохим или Аллах – был также богом христиан и мусульман, а святая Тора называлась у христиан Библией – в эту книгу верили многие народы, и разница состояла лишь в том, что евреи не признавали других книг, новых пророков и Нового Завета. Они не уверовали в Иисуса и Мухаммеда и остались со своей старой религией, со своими легендами и преданиями, переносящими нас в глубины тысячелетий.

"В начале сотворил Бог небо и землю, – так начинается Библия. – Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: "Да будет свет". И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет "днем", а тьму "ночью". И был вечер, и было утро: день первый".

Потом был второй день творения, а потом третий; на шестой день Бог создал человека: "И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни и стал человек душею живою! И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке и поместил там человека, которого создал... И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел к человеку... И нарек Адам имя жене своей Ева. Ибо она стала матерью всех живущих".

Ева по-древнееврейски означает "жизнь" или "дающая жизнь". Это была уже знакомая нам Великая Мать, Иштар или Астарта, в новом обличье – Ветхий Завет донес до нас сказания Востока, легенды Урука и Вавилона, но донес в том виде, в каком они доходили до пастухов, обитавших на краю пустыни. Господь Бог явился к вождю пастухов, Иакову, восседающим на вершине огромной лестницы со стоящими по краям ангелами. "Как страшно сие место! – сказал Иаков. – Это не что иное, как дом божий, это врата небесные". "Врата небесные" – так звали тогда великий Вавилон, а дом божий с огромной, уходящей в небо лестницей – это зиккурат Этеменанки, знаменитая "Вавилонская башня", на вершине которой находилась обитель бога Бэла. Бэл, Эл, Элохим или Ваал означало просто "бог" или "господин"; все это был один и тот же бог, которому под разными именами поклонялись все народы Востока – быть может, потому, что первоначально это был бог великого Вавилона.

Бог создал Адама и Еву и поселил их в раю, где росло "древо познания" – но запретил им вкушать плоды с этого дерева. Но появился змей-искуситель (ведь Библия не знала дьявола), сказавший Еве: "В день, когда вы вкусите их, откроются глаза ваши и вы будете как боги, знающие добро и зло". Адам и Ева вкусили от древа познания и были изгнаны из рая – так отразилось в предании окончание Золотого Века, времени, когда люди жили, как будто в раю.

Адам познал Еву, и она родила Каина и Авеля; Каин был крестьянином-пахарем, а Авель – "пастырем овец". Бог оказал предпочтение Авелю (ведь евреи были пастухами), братья поссорились, и Каин убил Авеля. Начались распри между скотоводами и земледельцами, а затем и всеобщая вражда: "Земля растлилась перед лицом божьим, и наполнилась земля злодеяниями". Это было время грехопадения, когда людей стало много и им пришлось сражаться за хлеб и место под солнцем. "И увидел Господь бог, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем... И сказал Господь: "Я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; всё, что есть на земле, лишится жизни".

Господь пощадил лишь одного праведного человека, Ноя, наказав ему построить корабль-ковчег и взять с собой жену, сыновей и "всякой твари по паре". Затем начался Великий Потоп, легенды о котором сохранились у многих народов мира; археологи свидетельствуют, что развалины древнейших поселений в Двуречье были погребены под трехметровым слоем ила. "Разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей... Истребилось всякое существо, которое было на поверхности всей земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных – всё истребилось с земли, остался только Ной и что было с ним в ковчеге". Через девять месяцев наводнение закончилось, и из под воды снова показалась земля. "И благословил Бог Ноя и сынов его, и сказал им: "Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею..." От них распространились народы на земле после потопа. Сначала на всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар (в Двуречье) равнину и поселились там... И сказали они: "Построим себе город и башню, высотой до небес". Это не понравилось Господу и он смешал языки людей. "И они перестали строить город. Посему дано ему имя Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле".

Вавилон был центром человеческой цивилизации, великим городом, приводившим в изумление жившие на границе степи бедные пастушеские народы. Среди этих народов было племя авам-рам или авраам, давшее начало евреям-иври. В середине II тысячелетия это племя

было подхвачено волной переселения народов – той самой Волной, которую породило появление боевой колесницы. Вместе с гиксосами евреи оказались в Египте, а затем бежали оттуда, возле горы Синай приняли завет Господень и, объединившись под знаменем святой веры, завоевали "обетованную землю", которой дали свое имя – Израиль. Библия рассказывает о жизни родоначальников-патриархов, о истории Израиля, о царях, пытавшихся установить справедливость и о пророках, наставлявших людей на путь истинный. Это была книга о истории древнего народа, которая содержала всё, что веками передавалось из уст в уста – пророчества, молитвы, притчи и любовные песни. Эта книга содержала в себе всё, и в средние века её называли просто Книгой; большинство евреев и христиан не знало других книг. Босоногий монах с крестом и Книгой за поясом шёл к диким варварам, в леса и пустыни, чтобы научить их слову Божьему – и одновременно приобщить их к культуре. Чтобы донести Библию до новых народов епископ Ульфилла создал германскую письменность, а епископ Кирилл – славянскую, – и потом, когда появилось книгопечатание, первой печатной книгой опять была Библия. Библия лежала на императорском троне в Константинополе, и, опираясь на Библию, давали клятвы цари и президенты: "Чти отца своего и мать свою... Не убий, не прелюбодействуй, не укради, не свидетельствуй ложно на ближнего твоего, не пожелай дома ближнего твоего, не пожелай жены ближнего твоего... ни чего бы то ни было ближнего твоего".

ИСТОРИЯ АРИЙСКОГО РЕЙХА

*– О, праведный творец мира, когда
проявляется сущность веры? – спросил
пророк. И сказал Ахурамазда:*

– Когда усердно возделывают хлеб.

Вендидад, гл. III

Родной земледелия и цивилизации был Ближний Восток – две великие речные долины и окружающие их предгорья. Это был дом Нового Человечества, и отсюда оно расселялось на запад и на восток: почувствовав нехватку земли, крестьяне взваливали на плечи мотыги и шли осваивать целину – шли туда, где за дальними холмами на горизонте еще лежала девственная равнина. К востоку от обетованной долины Двуречья лежало Иранское нагорье: большая пустыня, окруженная кольцом степей и оазисов, за которыми возвышались покрытые снегом горы. В III тысячелетии в оазисах было уже много деревень и городов с храмами, похожими на храмы Двуречья. Когда во II тысячелетии на Ближний Восток обрушилась Волна из Великой Степи, эти города и деревни обратились в руины; ворвавшиеся на плоскогорье арии истребили местное население и дали завоеванной стране своё имя – Иран.

Первое время после завоевания арии жили своей обычной пастушеской жизнью, пасли стада среди заросших лебедой развалин и поклонялись своим племенным богам-дэвам. Но затем население возросло, и – как когда-то в Великой Степи – арийские роды сошлись друг с другом в извечной войне за пастбища. В разгар этих всеобщих войн среди враждующих племен появился пророк Заратуштра – бедный жрец, имя которого означало "верблюжий погонщик". Заратуштра призывал соплеменников оставить войну и перейти к мирному земледелию, сменить меч на плуг и кормиться от земли – ведь пшеничные поля могли прокормить тысячи людей, и ни к чему было проливать кровь в борьбе за пастбища. Заратуштра говорил от лица Ахурамазды, светлого и доброго бога, создавшего мир и людей, бога Справедливости и Правды. Воплощением Ахурамазды был горящий на алтаре огонь; жрецы-маги поддерживали этот вечный огонь и возливали в него священную хаому -напиток богов, приводивший в экстаз и богов и смертных. Всех племенных богов-дэвов, подстрекавших людей к войнам, Заратуштра объявил демонами зла, чертями; их предводителем был дьявол Ахриман – извечный враг Ахурамазды, стремившийся подчинить себе людей. Дьявол был богом тьмы и смерти, хозяином

мертвых тел, поэтому трупы умерших считались нечистыми, и, чтобы не осквернять ими землю, их выставляли на помосте на съедение стервятникам. Такие кладбища с разбросанными костями и поедающими трупы грифами действительно напоминали ад – жилище дьявола, где было суждено мучиться грешникам. Проповедь Заратуштры о дьяволе, аде и рае, страшном суде и грядущем пришествии Господа была услышана многими народами; много веков спустя в нее уверовали христиане и мусульмане; мир людей наполнился незримыми духами и кознями Князя Тьмы, единственным средством против которых была молитва, обращенная к Господу.

Нужда и проповеди Заратуштры побудили часть ариев перейти к земледельческому труду, в оазисах снова появились деревни из глинобитных домов, и поля снова заколосились пшеницей. Преумножившиеся арийские племена разделились на два родственного народа, мидян и персов; тех ариев, которые остались кочевать в степи, называли курдами. Мидяне, жившие по соседству с Ассирией, завели у себя царей и чиновников-писцов. В VII веке на Ближний Восток обрушилась новая Волна; вторгшиеся в Иран скифы вовлекли местные племена во всеобщее движение на запад. Персы и мидяне научились у скифов стрелять на скаку из лука; сами же скифы, пришедшие в Иран без женщин – как ходят в набег – вскоре растворились среди своих арийских собратьев.

Порожденная скифами Волна, между тем, продолжала движение на запад; в 612 году погибла в пламени гордая столица Ассирии, Ниневия; конные орды устремились к Средиземному морю, к теплым долинам Малой Азии. В то время как конница подминала под себя всё новые страны, мидийские цари продолжали перенимать обычаи поверженной великой Империи. Это был сложный процесс **СОЦИАЛЬНОГО СИНТЕЗА**, когда варвары усваивали местные традиции и устраивались в завоеванной ими стране. Завоеватели не меняли местных обычаев: «царские люди» по-прежнему обрабатывали свои поля, а чиновники-писцы собирали налоги, принося их новым господам. Мидийские цари заменили царей Ассирии и стали обращаться со своими родовичами так, как обращаются самодержавные цари со своими слугами. Это вызвало недовольство родовой знати, еще хранившей предания о степной демократии – о времени, когда народ выбирал царей, поднимая их на белой кошме. В 558 году знать восстала в защиту старых обычаев, свергла мидийского царя Астиага и вручила престол вождю персов Киру.

Царь Кир Великий сумел совместить обычаи победителей и побежденных; он положил начало великой Персидской Империи. Вожди знатных родов стали сановниками Империи и наместниками провинций, сатрапами; они владели обширными поместьями и собственными дружинами. Рядовые персы превратились в военное сословие; они жили военными общинами, земли которых обрабатывали рабы и арендаторы – сами же персы проводили время в походах. "Главная доблесть персов – мужество, – писал Геродот. – Детей с пяти до 20-летнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости". Непобедимая конница персов покорила весь Ближний Восток: в 539 году пал великий Вавилон, в 525 году был завоеван Египет. Персидский царь Дарий (522-486) провозгласил себя "царем царей", и "царем всей земли" – действительно, власть персов распространялась на весь цивилизованный мир; лишь далеко на западе оставались непокоренными некоторые греческие племена.

Так же, как ассирийцы, персы приводили из походов десятки тысяч пленных и селили их в центральных областях своей державы. Толпы пленных возводили великолепные дворцы Персеполя, новой столицы мира; этот город-дворец был сооружен на огромной искусственной террасе и возвышался над равниной, находясь как бы между землей и небом. В город вела широкая парадная лестница, украшенная цветными рельефами с изображением 33 народов, несущих дань царю царей; по обеим сторонам лестницы стояли гвардейцы с копьями. Через огромные Всемирные Ворота дорога вела к "ападане" – самому большому дворцу в мире; в его зале могло поместиться десять тысяч человек, а потолок поддерживал целый лес высоких, теряющихся в полумраке колонн.

Белый город между землей и небом был символом Всемирной Империи, здесь хранились сказочные сокровища царей, отсюда расходились мощёные камнем дороги в провинции. Через каждые 20 километров на дороге стояла гостиница и почтовая станция, где гонцы меняли своих лошадей. Прибыв на место, гонец вручал написанное на коже послание царским писцам – потомкам ассирийских и вавилонских писцов, которые по-прежнему управляли государством.

Писцы собирали с крестьян налог в десятину урожая и отправляли в столицу мешки с золотыми монетами – "дариками". На монетах, впервые появившихся в те времена, был изображен царь Дарий – эти золотые кружочки были ещё одним символом Всемирной Империи; символом богатства и мощи великих царей. Двести лет персы правили миром и каждый Новый Год царь восходил на вершину огромной ступенчатой пирамиды и приносил жертву огню – символу Света и Правды. "Говорит Дарий-царь: "Для правдивого я друг, для несправедливого – враг. Мое желание – справедливость". Однако через два века наступило время перемен, из глубин западных гор явился новый народ, владеющий новым оружием. Этим новым народом были никому не известные варвары-македоняне, а новым оружием – знаменитая македонская фаланга. Однако прежде, чем перейти к рассказу о подвигах Александра Македонского, нам нужно познакомиться с историей греков – того самого западного народа, который сумел остановить персидскую конницу.

Глава IV. История Древней Греции

ПРЕДАНИЯ ЭЛЛАДЫ

*Из древка копья создал Зевс людей – страшных и могучих.
Возлюбили люди Медного Века гордость и войну, обильную
стонами...*

Гесиод.

Долина Нила и долина Двуречья были двумя первыми очагами цивилизации, местом где началась история человечества. В то время как остальной мир еще жил тихой жизнью Золотого Века, здесь уже шумели многолюдные города, и цари восходили на зиккураты, чтобы встать рядом с богами. На востоке и на западе, между тем, продолжалось медленное расселение земледельцев, и крестьяне с мотыгами шли к дальним холмам, чтобы вспахать новое поле. В VI тысячелетии земледельцы пришли на Балканы; это был гористый полуостров, далеко выдающийся в море. Маленькие речные долины выходили к изрезанному бухтами побережью, а в море виднелись разбросанные то здесь, то там зеленые острова. Эта страна побережий и скал называлась Элладой, Грецией, а её население – эллинами. Гряда островов соединяла Азию и Европу: когда появились многовёсельные лодки, острова стали дорогой для переселенцев из цивилизованных стран и на крупнейшем из них, Крите, тоже выросли города, дворцы и храмы. Одним из таких дворцов-храмов был знаменитый Лабиринт, дворец могущественного царя Миноса. По преданию, Минос требовал, чтобы жители полуострова приносили ему ежегодную дань: семь юношей и семь девушек, которых пожирало жившее в Лабиринте чудовище Минотавр. Минотавр имел туловище человека и голову быка – на Крите действительно поклонялись быку, и, вероятно, царь-жрец приносил жертвы, одев маску с головой быка. Среди семи предназначенных в жертву юношей оказался красавец Тесей, в которого влюбилась дочь Миноса Ариадна; она дала своему возлюбленному меч, чтобы убить чудовище, и клубок ниток, чтобы не потерять дорогу среди запутанных коридоров Лабиринта.

В середине II тысячелетия дворцы, города и храмы Крита были разрушены нахлынувшей на балканский мир Волной из Великой Степи. Завоеватели-ахейцы обратили в рабов уцелевших туземцев и обосновались на юге полуострова, в Микенах. Подобно хеттской Хаттусе Микены были городом-лагерем, откуда ежегодно уходили в походы сотни колесниц. Руками тысяч пригнанных из походов пленных были возведены могучие стены микенской крепости и похожие на средневековые замки дворцы ахейских царей. У покорённых критян ахейцы заимствовали царскую власть, храмовое хозяйство и письменность. Когда полуостров был полностью покорен, завоеватели пересели с колесниц на корабли и стали совершать набеги на берега Средиземноморья. По преданию, первый большой корабль с парусом и 50 веслами построил мастер Арг, и он назывался "Арго". 50 героев-"аргонавтов" во главе с Ясоном отправились на этом корабле к берегам теперешней Грузии за "Золотым руном" – золотой шкурой волшебного барана. Им пришлось преодолеть бури и узкие проливы среди скал,

которые сходились и расступались на пути мореплавателей – это была первая морская эпопея, первый дошедший до нас рассказ о приключениях древних мореплавателей. Одним из аргонавтов был Геракл – знаменитый герой, кумир ахейских воинов, прославившийся своими двенадцатью подвигами. Это было время, когда легенды воспевали богатырей, воинов, охотников и искателей приключений. Геракл сражался во главе войска, в одиночку убил могучего льва и страшного вепря, поймал волшебную лань, взял в плен царицу амазонок, победил кентавров, укротил критского быка и убил змею-гидру. Змея и бык – это были боги-тотемы племен, с которыми сражались ахейцы, кентавры – первые всадники, дружины которых время от времени прорывались из Великой Степи, а амазонки – дочери кентавров, ходившие в набеги вместе со своими отцами.

По легенде, Геракл был сыном Зевса, бога-громовержца, разъезжавшего по небу в огненной колеснице. Боги ахейцев были близки миру людей: это были родоначальники знатных родов, герои давних битв, со временем переселившиеся в обитель богов на священной горе Олимпе. Здесь они жили так же, как когда-то на земле – пировали, сражались, любили, рожали детей. Один из братьев Зевса, Посейдон, был владыкой морей, другой, Аид – хозяином подземного царства. Сын Зевса Аполлон был богом света и покровителем искусств; его дочь Артемида – богиней охоты. Гермес заведовал торговлей, Гефест был покровителем кузнецов; Олимп населяло множество богов и богинь, и некоторые из них имели восточные черты. Прекрасная богиня любви Афродита, по легенде, родилась из морской пены у берегов острова Кипр и очень напоминала финикийскую Астарту; так же, как Астарта, она любила юного бога растительности Адониса (Таммуза), умиравшего зимой и воскресавшего весной.

По преданию, Афродита была женой бога войны Ареса: в те времена красота была добычей и наградой на поле боя. Великий поэт Гомер оставил поэму о войне, вспыхнувшей из-за прекрасной Елены, жены одного из ахейских вождей, похищенной сыном троянского царя, Парисом. Царь Микен Агамемнон, собрав сотни кораблей и десятки тысяч воинов, десять лет осаждал Трою, большой город на побережье Малой Азии. Тысячи стихов "Илиады" посвящены описанию бесчисленных кровавых битв и воинских подвигов. В конце концов, ахейцы овладели городом, перебили мужчин и поделили между собой пленных женщин. Троя была разграблена и сожжена – так же, как и многие другие города, ставшие добычей завоевателей. Судьба была неблагоприятна и к победителям – на обратном пути их флот попал в бурю, и немногие уцелевшие корабли унесло к неведомым берегам. Один из ахейских вождей, Одиссей, десять лет странствовал по морям прежде, чем добрался до родины; он побывал на острове людоедов, в опасном проливе между скалами Сциллой и Харибдой, был в плену у одноглазых великанов-циклопов и претерпел много сказочных приключений – обо всем этом рассказывает Гомер в "Одиссее". "Илиада" и "Одиссея" оставили для нас картину далекого мира II тысячелетия до нашей эры – мира, в котором зло соседствовало с добром, богатство – с нищетой и любовь – с ненавистью, но зла и ненависти было больше, чем любви и добра. В те времена было принято выкалывать глаза рабам, игравшим на лире для ублажения своих господ, – и Гомер был тоже слепым. Слепые музыканты сочиняли песни, прославлявшие благородных героев; со временем полузабытые песни превращались в легенды, и покрытая дымкой времени история приобретала фантастические очертания: "Из древка копья создал Зевс людей – страшных и могучих. Возлюбили люди Медного Века гордость и войну, обильную стонами... Зевс дал им громадный рост и неукротимую силу. Неукротимо, мужественно было их сердце и неодолимы руки. Оружие их было выковано из меди, из меди были их дома, медными орудиями работали они. Не знали еще в те времена тёмного железа. Своими собственными руками уничтожали друг друга люди Медного Века".

СПАРТАНСКИЙ ПОРЯДОК

*Так как потомки вы все несравненного
в битвах Геракла – вражеских полчищ
не бойтесь, не ведайте страха.*

Тиртей.

Люди Медного Века уничтожали друг друга своими собственными руками. Вскоре после того, как царь златообильных Микен Агамемнон с победой вернулся из Трои, на Балканы ворвалась новая Волна из Великой Степи. Уходя от Волны, северные греческие племена, дорийцы, лавиной двинулись на юг полуострова. Микенские цари согнали тысячи крестьян и воздвигли огромную стену на перешейке севернее Микен – но напрасно. Дикие варвары прорвались на юг; города, храмы, деревни – всё обратилось в пепел. Охваченные ужасом ахейцы уходили на кораблях в море, бежали на западные берега Малой Азии; волна перемешавшихся между собой народов прокатилась по средиземноморскому побережью вплоть до границ Египта.

Два или три столетия после нашествия страна лежала в развалинах, пашни заросли кустарником, в руинах древних городов обитали волки. Завоеватели поработили часть местных жителей и заставили их обрабатывать поля для новых господ; они укрепились в окруженных частоколом поселках, откуда совершали набеги на ещё оставшиеся непокорёнными ахейские деревни. Это было время торжества варваров, храмы были разрушены, письменность забыта; дорийцы не умели возводить каменных зданий и жили в грубых избах из неотесанных брёвен. Одним из дорийских поселений была знаменитая Спарта – город, который долгое время хранил обычаи завоевателей и следовал им в то время, когда в других местах они стали смутной легендой. Законы Спарты было запрещено записывать на папирусе или коже, они передавались из уст в уста как "реты Ликурга" – изречения легендарного законодателя, обновившего древние традиции.

Ликург говорил, что дело спартанцев – это война и только война: граждане Спарты постоянно носили оружие и спали, положив рядом копье. В своем городе, так же, как в походе, они жили взводами-эномотиями, вместе ели чечевичную похлебку и вместе занимались воинскими упражнениями на большой поляне, которую называли "гимнасием". Спарта была "общинной равных", союзом братьев по оружию наподобие степных родов и племен – и так же, как в степи, муж мог одолжить "брату" свою жену, и любой мог при необходимости воспользоваться чужой лошадей или оружием. Так же, как в Степи, дети подвергались суровым экзаменам на здоровье и выносливость. Старики придирчиво осматривали только что родившегося ребёнка, и, если он был слаб или уродлив, то его бросали в пропасть у горы Таигет. В семь лет мальчиков отнимали у матерей и объединяли в группы – "стада" во главе с воспитателем. С этого момента ребята жили вместе, приучались есть скудную пищу, спать на подстилке из тростника, ходить босыми и нагими – лишь 12-летним подросткам давали грубые плащи. Жизнь мальчишеских "стад" проходила в физических упражнениях и жестоких драках, постепенно превращавшихся в военные учения. Чтобы научить юношей убивать, их отправляли в ночные "охоты за головами" – как когда-то в Великой Степи, чтобы доказать свою доблесть, юноша должен был принести голову илота. Илоты – буквально "плененные" – были потомками поработанного завоевателями местного населения; они жили в своих хуторах вокруг Спарты, обрабатывая господские поля. Хотя илотам и запрещалось владеть оружием, они могли постоять за себя, и подростку было нелегко справиться с взрослым мужчиной.

Когда юноша достигал 20-летнего возраста, он становился воином и участвовал в походах, но еще десять лет должен был жить в палатке своей эномотии. Лишь в 30 лет, побывав во многих сражениях, он получал право жениться на молоденькой 15-летней девушке – настолько юной, что в день свадьбы она жертвовала богине свою любимую куклу. По обычаю, воин, должен был выкрасть свою возлюбленную из родительского дома; после свадьбы он строил себе бревенчатый дом и получал от государства земельный надел. Землю воина обрабатывали илоты, обязанные обеспечивать его семью ячменным хлебом и оливковым маслом. Спартанцы были приучены довольствоваться малым и не знали, что такое роскошь, они не брали в руки серебра и золота, носили одинаковые красные плащи из грубой ткани, почти не пили вина и за общим обедом довольствовались похлебкой из чечевицы с бычьей кровью. Во время этих обедов, "сесситий", старики рассказывали о героях былых дней и их славных подвигах. Лишь немногие из воинов доживали до старости – и тем большее уважение оказывалось седым патриархам. 28 самых почтенных старцев выбирались в совет старейшин, герусию, которая вместе с народным собранием управляла городом в мирное время. Во время войны власть принадлежала двум командующим-"царям", доблестным воинам, которые вместе

со всеми ели чёрную похлебку и, подавая пример, сражались в первых рядах. На поле боя спартанцы строились "фалангой", плотными рядами, сомкнув щиты и выставив копья. В этом строю плечом к плечу стояли закаленные воины, с детства привыкшие сражаться, привыкшие помогать друг другу и, стиснув зубы, терпеть боль; они были достойны победы – и всё же спартанцы не одержали бы и малой доли своих побед, если бы эти прекрасные солдаты не обладали столь же прекрасным оружием. Спартанский воин был "человеком из бронзы", он был одет в панцирь, поножи и шлем – в бронзовые доспехи общим весом в шестнадцать килограммов. По тем временам такие доспехи стоили большие деньги – и лишь обладатели доспехов считались полноправными гражданами Спарты. Тяжеловооруженный воин, гоплит, был господином на поле боя; фаланга гоплитов была подобна неприступной стене – выставленные вперед копья, сомкнутые щиты и пышные султаны над блестящими шлемами:

Так как потомки вы все несравненного в битвах Геракла,
 Вражеских полчищ не бойтесь, не ведайте страха,
 Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
 Каждый, сжав зубы, на месте стоит неподвижно,
 Бедра и голени, грудь свою вместе с плечами,
 Медным щитом, закреплённым в руке, прикрывая,
 Правой рукой потрясая могучею пикой,
 Плотно сомкнувшись, грудь с грудью, пусть каждый
 дерется с врагами...

РЕВОЛЮЦИЯ

*Тиран становится из среды народа против знатных,
 чтобы народ не терпел от них никакой несправедливости.*
Аристотель. Политика.

Спарта располагалась на крайнем юге Балканского полуострова, в благодатной долине Эвроты. На зеленой равнине вокруг города были разбросаны хутора илотов, а дальше, у подножия окружающих долину гор, располагались деревни пэриек. Пэриики – «живущие вокруг» – были потомками ахейцев, они сохраняли свою свободу и жили по своим законам, но платили Спарте дань и в случае нужды посылали своих воинов на подмогу спартанцам. На севере, за горами, располагались другие дорийские общины – Коринф, Аргос, Мегары; здесь тоже была своя знать, свои пэриики и илоты, но илотов было меньше, и часть дорийцев была вынуждена вместе с простолюдинами работать в поле. За Коринфским перевалом лежала Аттика, плоская равнина, посреди которой недалеко от моря возвышался обрывистый холм; на

его вершине в крепости-"акрополе" укрепились еще одна община завоевателей, называвшая себя эвпатридами, «потомками благородных отцов». У подножия холма располагались рыночная площадь, «агора», и около сотни крытых черепицей домов – этот маленький городок назывался Афины.

Жизнь Греции текла своим чередом, крестьяне пахали поля и прислуживали своим господам, поселки постепенно разрастались в города, и, в конце концов, стала ощущаться нехватка земли. Привыкшие сражаться за землю спартанцы двинулись на запад, в Мессению, и в середине VIII века завоевали эту плодородную область. Мессенцы были обращены в илотов, и Спарта была надолго обеспечена хлебом – но для других общин наступило время голода. Крестьянские наделы дробились и не могли прокормить земледельцев; простолудины брали в долг у знати – к концу VII века большая часть земель Аттики была заложена богачам-эвпатридам. Потерявшим свои наделы оставалось идти, куда глаза глядят – а глаза всей Греции издавна смотрели на море. Море плескалось у подножия холмов и билось о борта рыбачьих лодок, а за морем лежали пустынные, ещё не освоенные берега, где каждый мог найти свое поле. Вслед за финикийцами греки ещё раз открыли великий секрет спасения от голода: когда наступал голод, бедняки садились на корабли и плыли в дальние страны – основывать переселенческие колонии и поднимать целину в Италии или в Крыму. В VII веке берега Средиземного и Черного морей оказались усеянными поселками греческих колонистов; со временем эти поселки превратились в города; сицилийские Сиракузы, крымский Херсонес, Мессалия в устье Роны могли сравниться с крупнейшими городами Греции.

Колонизация отсрочила наступление Сжатия, но не смогла остановить ход событий. Как всегда, повышение демографического давления принесло с собой голод, войны и социальные революции. В 657 году вспыхнула революция в Коринфе; поставленный народом диктатор Кипсел частью истребил, частью изгнал дорийскую знать, а её имущество и земли роздал простонародью. "Лучшие люди в изгнании, а городом подлые правят", – писал один из "лучших людей", "аристократов". В 594 году народ поднялся против аристократов в Афинах, после долгой борьбы противники обратились за посредничеством к знаменитому мудрецу Солону. Побывавший на Востоке Солон предложил реформу наподобие восточной "Справедливости": он аннулировал долги, освободил долговых рабов и вернул крестьянам их заложенные земли. Солон отменил прежнее деление на благородных-эвпатридов и простонародье; он разделил народ на четыре класса в зависимости от размеров имущества; реальная власть принадлежала немногочисленным состоятельным гражданам, способным купить вооружение гоплита. Реформа Солона не остановила революцию; вождем простого народа, "демоса", стал известный полководец Писистрат; в 560 году он овладел акрополем во главе отряда вооруженных дубинами крестьян. В конце концов, афинские аристократы разделили судьбу своих коринфских собратьев, одни из них пали в сражениях, другие бежали из страны; дубины простонародья одержали верх над мечами гоплитов.

Как и в других странах, греческое Сжатие породило революцию и монархию. Ненавидевшие новых монархов аристократы называли их "тиранами" и душителями свободы – но в действительности "тирания" была лишь продолжением "демократии", "власти народа".

– Ну так давай рассмотрим, милый друг, каким образом возникает тирания, – говорил великий философ Платон в одном из своих диалогов. – Что она получается из демократии – это-то, пожалуй, ясно. Разве народ не привык особенно отличать кого-то одного, ухаживать за ним и возвеличивать? Значит, это-то уж ясно, что когда появляется тиран, он вырастает именно из этого корня, то есть как ставленник народа. Карая изгнанием и приговаривая (знать) к страшной казни, он, между тем, будет сулить отмену задолженности и **ПЕРЕДЕЛ ЗЕМЛИ** ...

Философы далеких времен прекрасно понимали суть происходивших событий: ведь история творилась на их глазах. Повсюду, в Греции и на Востоке, события развивались по одному сценарию, и Платон лишь повторял на свой лад вступление к древним, как мир, законам Востока:

– Тогда-то меня, Хаммурапи, назвали по имени, дабы Справедливость в стране была установлена, дабы погубить незаконных и злых, дабы сильный не притеснял слабого, дабы плоть людей была удовлетворена...

Еще более точный перевод этих бессмертных строк дал другой великий ученый Греции,

Аристотель:

– **ТИРАН СТАНОВИТСЯ ИЗ СРЕДЫ НАРОДА ПРОТИВ ЗНАТНЫХ**, – писал Аристотель, – **ЧТОБЫ НАРОД НЕ ТЕРПЕЛ ОТ НИХ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ... СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЖЕ, ПО ОБЩЕМУ УТВЕРЖДЕНИЮ, ЕСТЬ НЕКОЕ РАВЕНСТВО...**

ЗОЛОТОЙ ВЕК ПИСИСТРАТА

Тиран... был гуманным и кротким человеком.

Аристотель. Политика.

Тираны изгнали "лучших людей" и разделили между крестьянами их земли. Над равнинами Аттики снова взошло солнце, и крестьяне мирно пахали свои поля под пение жаворонка. Они говорили, что в страну вернулся Золотой Век, о котором когда-то писал Гесиод:

Создали прежде всего поколение людей золотое

Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских...

Писистрат возродил старинные крестьянские праздники в честь бога вина и урожая Диониса. Это были пиршества, продолжавшиеся подряд несколько дней и ночей, сельчане надевали старинные одежды и плясали под звуки кимвалов и тамбуринов. "Тиран" ездил по деревням, отплясывал вместе с крестьянами, раздавал деньги бедным и судил спорщиков. "Он был гуманным и кротким человеком", – писал Аристотель.

Однако "Золотой Век" не мог продолжаться вечно; рано или поздно должно было вернуться время малоземелья. Писистрат выводил переселенческие колонии и более всего заботился о хлебной торговле; в это время были основаны торговые базы в черноморских проливах, и на рынки Аттики стал поступать хлеб с берегов Крыма. Это было великое событие, вслед за финикийцами греки вступили на путь торгово-промышленного развития, они стали в массовых масштабах ввозить хлеб в обмен на изделия ремесла. В Афинах, как на дрожжах, вырос большой ремесленный квартал, Керамик; здесь делали великолепные амфоры, расписанные черным лаком. Афинская керамика, оружие, вино продавались в черноморских колониях, в Италии, в Египте; купцы и ремесленники сколачивали крупные состояния, всюду царил дух предприимчивости и преуспеяния. Афины, еще недавно бывший небольшим поселком, превратились в город с 50-тысячным населением и собственным торговым и военным флотом. Греки вступили в борьбу за принадлежавшие доселе финикийцам морские пути и рынки Средиземноморья, борьбу, в которой мирная конкуренция перемежалась с пиратством и морскими сражениями.

Помимо финикийцев, Афины имели еще одного давнего врага – этим врагом была Спарта. Спарта осталась одним из немногих греческих государств, где у власти по-прежнему находилась аристократия гоплитов. Спартанцы ненавидели "чернь" и её вождей и стремились, во что бы то ни стало низвергнуть "тиранию". В Греции не было силы, способной противостоять спартанской фаланге, когда она, запевая победный гимн, движется на врага; в конечном счете, Спарта сокрушила все греческие "тирании". В 510 году спартанцы овладели Афинами и изгнали наследника Писистрата, Гиппия.

После падения "тирании" власть снова оказалась в руках зажиточных граждан, гоплитов – в соответствии с законами Солона только всадники и гоплиты могли занимать государственные посты. Правда, это уже не была власть старой аристократии; пострадавшим от тиранов старым аристократическим родам пришлось потесниться перед новыми людьми. Среди новых гоплитов было много зажиточных крестьян, торговцев, ремесленников – всеобщее преуспеяние позволило многим приобрести шлем и панцирь. Кроме того, судебные должности были доступны и беднякам, а важнейшие вопросы решало народное собрание. Это была ещё не вполне демократия, но уже не тирания – тирания была необходимостью во время голода, теперь же голод ушел в прошлое и вместе с ним канули в небытие "тираны". **ПОВЫШЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ ПОРОЖДАЕТ МОНАРХИЮ, ПАДЕНИЕ ДАВЛЕНИЯ ДЕЛАЕТ ЕЁ НЕНУЖНОЙ** – таковы законы истории. Торгово-промышленный переворот избавил Грецию от вечного призрака голода, понизил демографическое давление и

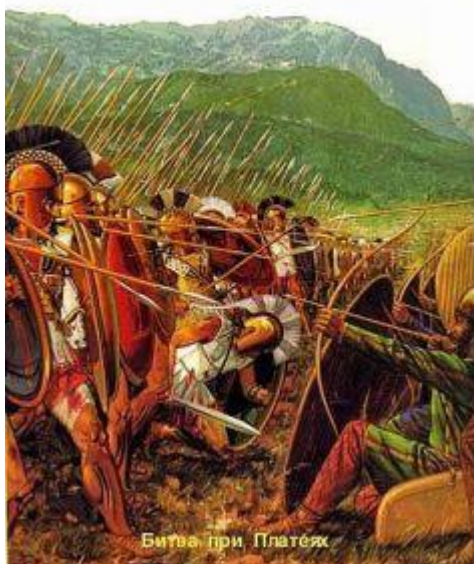
похоронил «тиранию» – наступила новая эпоха, эпоха морской торговли и преуспеяния. Однако в начале этой эпохи Греции было суждено выдержать величайшее испытание – войну с «царем царей» и «царем Вселенной», великим царем персов Ксерксом.

НАШЕСТВИЕ

*Если мы покорим афинян... то
сделаем персидскую державу
сопредельной небесному царству.*

Ксеркс.

С точки зрения «царя Вселенной» греки были маленьким народом, живущим на краю света. Те из них, которые обитали на берегах Малой Азии, ещё в середине VI века признали верховенство персов и платили царям дань. Персы оставили у власти правивших в греческих городах тиранов и почти не вмешивались в их дела. Однако любовь к свободе оказалась сильнее доводов разума – в 500 году малоазиатские греки восстали и шесть лет сражались против огромной Мировой империи. В конце концов, восстание было подавлено, и возглавлявший его большой торговый город Милет подвергся жестокому разгрому.

Расправившись с восставшими, "царь царей" Дарий решил наказать поддерживавших их балканских греков. По приказу царя были построены большие корабли для перевозки конницы, и в 490 году недалеко от Афин высадилось персидское войско. Афиняне мобилизовали всех способных носить оружие – даже рабов, которым обещали свободу, – и выступили навстречу грозному противнику. Опасаясь конницы персов, они построили свою фалангу в теснине между холмами и ждали атаки; персы, в свою очередь, пытались выманить афинян на равнину. Простояв несколько дней, персы стали грузиться на суда, чтобы высадиться в другом месте – и в этот момент были атакованы греками. После ожесточенного боя персы обратились в бегство; греки захватили семь кораблей, а остальные в панике отрубили якорные канаты и скрылись в море.

Победа при Маратоне и смуты в Персии дали Афинам десятилетнюю передышку, которую они использовали для создания мощного военного флота. Мобилизовав свои финансы, афиняне построили около двухсот триер, больших кораблей с тремя рядами весел и экипажем в 170 гребцов и 20-30 воинов. Триеры были изобретением коринфского корабельного мастера Аминокла, они намного превосходили своей скоростью прежние пятидесятивёсельные суда и стали новым оружием в битве за моря.

В 480 году новый персидский царь Ксеркс двинулся в поход на Грецию. Казалось, что в поход собралась вся Азия; греки никогда не видели таких бесчисленных разноплеменных полчищ; в войске Ксеркса были сирийцы, вавилоняне, ливийцы, арабы, скифы, индийцы и множество других неведомых грекам народов. Сами персы составляли лишь небольшую часть

армии, конницу и царский полк "бессмертных". Вдоль берега армию сопровождало больше тысячи кораблей, присланных финикийцами и покоренными малоазиатскими греками. Связав канатами 700 судов, финикийцы построили два понтонных моста через пролив между Азией и Европой, Геллеспонт. Совершив переправу, персидская армия вторглась в Грецию и в начале сентября подошла к Фермопильскому проходу. В этом месте горы почти отвесно срываются в море и вдоль берега ведет узкая дорожка; её прикрывал греческий отряд во главе со спартанским царем Леонидом. В течение нескольких дней персы пытались пробиться через теснину – но безуспешно; потом один из местных жителей указал им обходную тропинку через горы. Узнав об этом, Леонид отпустил большую часть своего отряда, но сам с 300 спартанцами остался, чтобы принять последний бой. Спартанцы погибли, но их подвиг всколыхнул Грецию: страна, объятая страхом перед лицом бесчисленных полчищ, встала на ноги; десятки тысяч гоплитов собрались на Коринфском перешейке, чтобы противостоять врагу.

Азиатские полчища прорвались через Фермопильский проход и разграбили Аттику. Афиняне эвакуировали женщин и детей на прибрежный остров Саламин, а сами взошли на борт триер, стоявших в Саламинском проливе. Ожидая врага, моряки смотрели на зарево над холмом акрополя: это горели подождённые персами Афины. 28 сентября 480 года в пролив вошел персидский флот: более 700 кораблей двигались плотным строем под оглушительный грохот барабанов; "царь царей" наблюдал за сражением с холма, восседая на золотом троне. Пролив постепенно сужался, большие персидские корабли ломали строй, сталкивались друг с другом и садились на мель, в этой неразберихе они были атакованы греческими триерами:

Сперва стояло твердо войско персов;
Когда же скучились суда в проливе,
Дать помощи друг другу не могли,
И медными носами поражали
Своих же – все тогда они погибли,
А эллины искусно поражали
Кругом их... И тонули корабли,
И под обломками судов разбитых,
Под кровью мертвых – скрылась гладь морская.

Так описывал битву греческий поэт Эсхил. Потерпев поражение и потеряв флот, царь испугался за судьбу своих понтонных мостов на Геллеспонте и поспешно отступил в Азию, оставив в Греции лишь небольшую часть армии. В следующем, 479 году, греки разгромили оставшиеся войска персов в битве при Платеях: персидская пехота не могла противостоять фаланге гоплитов, а конница оказалась бесполезной в гористой местности. Персы бежали и навсегда покинули землю Греции.

Великие битвы при Платеях и Саламине вошли в мировую историю, как символ борьбы за свободу и демократию против деспотизма и агрессии. На кораблях Нельсона и в полях Нормандии солдаты читали стихи Эсхила:

...Вперед сыны Эллады!
Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков: бой теперь – за всё!

Война между Грецией и Персией была первой большой войной, в которой столкнулись два мира: мир морских республик, торговли, предпринимательства и демократии, и мир континентальных империй, мир регулируемой экономики, божественных монархов и коленопреклоненных чиновников – в общем, мир капитализма и мир социализма. С этого времени начинается великая борьба между морскими республиками и континентальными империями; она проходит через всю историю человечества: Греция, Венеция, Голландия, Англия сражаются с Персией, Турцией, Францией, Германией. Идея об извечности этой борьбы составляет суть учения, которое называют ГЕОПОЛИТИКОЙ. В глубине континента

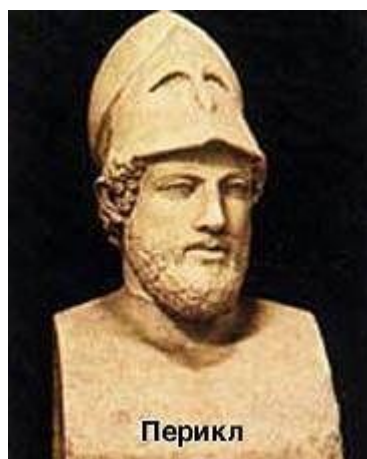
демографическое давление не имеет выхода и Сжатие приводит к революциям и рождению социалистических монархий; на побережье и островах давление снижается эмиграцией и торговой деятельностью, здесь процветает буржуазное общество. Демографическое давление толкает монархии на путь войны, а морские республики защищаются с помощью своего мощного флота. Разгромив персов при Саламине, греки заняли черноморские проливы и сделали Грецию недоступной для персидской армии. Триеры стали хозяевами морей; эскадры стремительных кораблей бороздили морские просторы, подобно стаям хищных птиц набрасываясь на вражеские суда. В едином ритме взлетали весла, и неслась над морем песня корабельных гребцов: "Вперед сыны Эллады милой!" Длинный изящный корпус распарывал волны могучим клыком-тараном; на носу стояли офицеры в шлемах с султанами и бился на ветру вымпел с совой – любимой птицей богини Афины. Начиналась новая эпоха – эпоха Афинской морской державы.

МОРСКАЯ ДЕРЖАВА

*Мы нашей отвагой заставили все моря и все земли стать для нас доступными,
мы везде соорудили вечные памятники содеянного нами добра и зла.*

После долгих походов, устав от штормов и битв, стаи триер возвращались в свое гнездо – в афинский порт Пирей. Судовые флейтисты выпускали приветственные трели, и корабли вплывали в ворота окруженной стенами военной гавани. Водная гладь гавани была со всех сторон обрамлена колоннадой, за которой под крышей прятались от непогоды военные корабли. Здесь отдыхали и ремонтировались сотни триер в ожидании часа, когда флейты просигналят новый поход. После великой победы при Саламине война с Персией продолжалась еще 30 лет; уничтожив персидский флот, греки освобождали захваченные персами острова и города на малоазиатском побережье. Афины стали главой обширного союза греческих городов-государств, полисов, и те полисы, которые не желали посылать в походы свои корабли, платили афинянам специальные взносы. Пользуясь своим морским могуществом, афиняне превратили эти взносы в настоящий налог, и союз постепенно принял облик Афинской морской державы. Чтобы закрепить за собой своих союзников, афиняне выводили на их земли военные поселения, клерухии; клерухи получали наделы, которые обрабатывали арендаторы из местного населения.

Выведение клерухий избавляло Афины от безработной бедноты – впрочем, в то время было нетрудно найти работу. Став господами моря, афиняне привлекли в Пирей всю морскую торговлю – поначалу они силой заставляли торговые суда заходить в свой порт; а потом, когда Пирей превратился в огромный рынок, купцы приплывали туда добровольно. "Все, что есть лучшего в Италии, в Сицилии, в Египте, в Понте и в других местах – всё стекается сюда, в Афины, благодаря нашему господству на море", – писал современник. Финикийская конкуренция была подавлена; на всех морях триеры охотились за финикийскими купеческими судами и, как желанную добычу, вели их в Пирей. Вслед за плененными кораблями в Афины стали прибывать перебежчики в торговой войне – финикийские купцы и ростовщики; они переносили сюда свою деятельность и незаметно превращались в греческих купцов. Прибыли от посреднической торговли сделали афинских торговцев обладателями огромных по тем временам состояний, афинские банки имели конторы во всех греческих портах. Вслед за торговым начался промышленный бум, из других городов в Афины устремился поток ремесленников; ремесленные кварталы росли, как на дрожжах. Население Афин и Пирея увеличилось за полвека после победы над персами примерно с 50 до 250 тысяч человек. Два города были соединены длинными крепостными стенами и срослись в крупнейший торгово-промышленный центр Средиземноморья; на вершине афинского холма, Акрополя, вознеслись к небу великолепные портики и храмы – символ торгового могущества Афин.

Несмотря на приток ремесленников-иммигрантов и наличие больших купеческих капиталов, афинское ремесло не могло насытить огромный рынок Средиземноморья – не хватало рабочей силы. В аналогичных ситуациях XIX века промышленники покупали заменявшие рабочих машины -афинские капиталисты покупали рабов. От рабских рынков на берегах Черного моря в Афины потянулись корабли с рабами; рабов обучали ремеслу и заставляли работать в больших ремесленных мастерских, "эргастриях". К концу V века в ремесле было занято около ста тысяч рабов, рабы составляли треть населения Аттики. Подобно обществу американских южных штатов, буржуазное общество Афин было основано на рабстве; рабы работали в рудниках, в порту, в мастерских, на стройках, прислуживали в домах. Встречались рабы-управляющие, врачи, воспитатели детей; богатые афиняне владели десятками рабов. Рабов не считали за людей, их называли "человеконогими" – и это вполне сочеталось с демократией. Афинская демократия была "демократией белых людей", властью небольшого меньшинства: гражданскими правами обладало не более десятой части населения Аттики. Это не мешало политикам восхвалять демократию и свободу:

– Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям, – говорил Перикл, один из великих людей того времени, – мы сами скорее служим образцом для подражания... Наши законы предоставляют равноправие для всех... Мы живем свободной политической жизнью...

Перикл был выдающимся государственным деятелем, который, избираясь на различные должности, около 30 лет руководил Афинами. В это время исчезли последние остатки аристократического строя, высшие должности стали доступны не только для богачей, и все существенные вопросы решало народное собрание. Перикл действовал убеждением и очаровывал собрание своими речами – он был первым политиком, который освоил искусство риторики. Перикл убедил народ, что взносы, уплачиваемые союзниками, можно использовать не на войну, а на украшение Афин. Были наняты многие тысячи рабочих, и город превратился в огромную стройку; изумленные афиняне смотрели, как на Акрополе вырастают белоснежные мраморные храмы, изящные портики и колоннады. Это мраморное чудо было видно далеко с моря, и моряки из далеких и ближних стран зачарованно стояли на палубах, не в силах оторвать взгляда от Акрополя. Это было двадцать четыре века назад – и время не пощадило храмы, но и сейчас толпы туристов зачарованно смотрят с палуб теплоходов на великое творение Эллады, на единственное свидетельство того, что минувшее не было сказкой.

СКАЗКА МИНУВШЕГО

Но что больше всего радовало афинян... это великолепные храмы, в настоящее время единственное свидетельство того, что минувшее... не было

сказкой.

Плутарх .

Б елоснежный храм, который возвышался над землей и морем, назывался Парфеноном; это был храм богини Афины, покровительницы великого города. Огромная статуя Афины стояла рядом с храмом, и её сверкающий на солнце позолоченный шлем служил маяком для подходящих к городу кораблей. От Парфенона начиналась широкая мраморная лестница, окруженная портиками и храмами; лестница спускалась в город к рыночной площади, «агоре». Днем здесь шумела толпа покупателей и продавцов, а к вечеру прилавки убирали, и народ собирался сюда обсуждать дела и узнавать новости. Раз в десять дней здесь происходило народное собрание; ораторы в длинных рубахах-хитонах с переброшенными через плечо плащами выступали с возвышения, стараясь произвести впечатление громовым голосом и риторическими приёмами. В будние дни афиняне предпочитали проводить свободное время в гимнасии – своеобразном спортивном комплексе с залами, навесами-портиками и открытыми площадками для состязаний в борьбе, беге, метании копья. Мужчины всех возрастов тренировались обнаженными, предварительно натершись оливковым маслом; после тренировки можно было искупаться в бане и послушать ораторов в комнатах для отдыха. Мальчики, помимо обязательных занятий в гимнасии, посещали частные школы, где учили игре на флейте, танцам, пению, счету и грамоте; неграмотного и физически немощного в Афинах одинаково называли «калекой».

В праздники афиняне собирались в театре: на склоне холма были вырублены уступы-скамьи, а внизу располагалась сцена. Театр был изобретением греков, это слово означало "место для зрелищ", а сцена ("скене") была шатром, на котором висели декорации и перед которым выступали актеры. История театра началась с празднеств в честь бога вина Диониса; на этих празднествах разыгрывали маленькие сценки из мифа об убийстве и воскрешении Диониса, "трагедии". Тиран Писистрат, заботясь о развлечениях народа, обустроил место для представлений и давал деньги для постановок. Сначала на сцене играл лишь один актер, которому помогал хор; потом актеров стало двое и трое. Поэты стали писать пьесы для театра; любимым народным зрелищем была трагедия Эсхила о Прометее: по легенде, титан Прометей похитил у богов огонь и отдал его людям, за что был прикован Зевсом к скале и терпел тяжкие муки. Простой народ беспрестанно требовал хлеба и зрелищ; при Перикле гражданам стали выдаваться "театральные деньги", а празднества в честь Диониса превратились в трехдневную череду театральных представлений, когда авторы соревновались друг с другом в мастерстве и победителя венчали лавровым венком.

Самые большие празднества в Греции проводились не в Афинах, а в Олимпии, городе недалеко от западного побережья. Эти празднества были посвящены Зевсу: в Олимпии располагалось общеэллинское святилище Зевса с прекрасным храмом, внутри которого возвышалась огромная статуя сидящего на троне бога. В дни "олимпиад" – так назывались эти празднества – на несколько дней прекращались все войны, и в Олимпию прибывали десятки тысяч гостей из всех городов Греции. Во время праздника проводились состязания в беге, борьбе, метании копья и диска, кулачном бое; по огромной арене под рев многотысячной толпы неслись десятки колесниц; звание победителя олимпиады было высшей почестью для грека; победителям устанавливали прижизненные памятники. Другим общегреческим праздником, столь же популярным, как олимпиады, был праздник Аполлона в Дельфах. На большой поляне у подножия горы Парнас здесь состязались певцы и музыканты: Аполлон был покровителем муз. В Дельфах находился знаменитый храм Аполлона; он был построен над пещерой, из которой исходили пьянящие испарения. Под воздействием паров жрица-"пифия" прорицала будущее, и в важных делах греки обращались за советом к дельфийскому оракулу.

Шумные праздники уступали место будням и сутолока площадей – тишине улиц и переулков. В будний день здесь было пустынно, вдоль улиц тянулись глинобитные стены домов, кое-где прорезанные калитками, – картина, напоминающая города Востока. Так же, как на Востоке, в центре усадьбы располагался внутренний дворик, откуда можно было пройти в парадные помещения. В богатых домах дворик обрамлялся колоннадой, а в парадной зале стены закрывали ковры и портьеры, пол украшался мозаикой. Во время пиршеств знать

возлежала на бронзовых ложах, но столовых приборов ещё не знали – ели по-прежнему руками. Гостей развлекали музыканты – но и сами гости нередко брали в руки лиру, декламировали стихи и упражнялись в ораторском искусстве. Всё это были чисто мужские развлечения, греческие женщины так же, как и женщины Востока, вели затворническую жизнь на женской половине дома, только в исключительных случаях показываясь на улице. Лишь в V веке в Афинах появились "гетеры", утонченные куртизанки, принимавшие участие в пиршествах, умевшие играть на флейте и поддерживать застольную беседу. Одной из первых гетер была знаменитая подруга Перикла, красавица Аспасия; она основала салон, который посещали видные политики, поэты, философы. Здесь собирался весь цвет Греции: скульптор Фидий, создавший статуи Афины и Зевса Олимпийского, поэт Еврипид, написавший трагедии, до сих пор идущие на театральных подмостках, врач Гиппократ, положивший начало анатомии. Светские беседы часто касались философии и риторики: умение говорить и убеждать было едва ли не главным для афинян – ведь почти всем приходилось выступать в народном собрании или в суде.

Сутяжничество было характерной чертой буржуазного общества; столкновения частных интересов приводили к бесконечным судебным процессам, на которых истцы и ответчики изощрялись в ораторском искусстве. Этому искусству за солидную плату учили мудрецы-"софисты", признанным главой которых был Протагор, еще один завсегдатай салона Аспасии. Протагор говорил, что человек есть "мера всех вещей" и что истина есть то, что кажется большинству; с ним спорил великий философ Сократ, в шутку называвший Аспасию своей "несравненной учительницей" и утверждавший, "что я знаю только то, что ничего не знаю". Сократ ставил под сомнение привычные истины и верования, а его частый собеседник Анаксагор прямо утверждал, что никаких богов не существует.

В этих беседах и спорах рождалась философия – первая наука, "любовь к мудрости". Философы пытались по-своему, не ссылаясь на богов, объяснить мир. Анаксагор говорил, что тела состоят из мельчайших частичек; его последователь Демокрит назвал эти частички атомами и с помощью бесконечно малых величин вычислил объем конуса. Философы путешествовали по Востоку, стараясь приобщиться к вавилонской и египетской мудрости, проникнуть в тайны храмов. Первым, кто описал обычаи и историю известного грекам мира, был "отец греческой истории" Геродот. В Египте долго жил Пифагор, привезший в Грецию магию чисел и основы математических знаний. Пифагор основал тайное общество философов, его последователи верили в переселение душ и утверждали, что земля – это шар; они говорили, что во время лунных затмений на Луне видна округлая тень Земли. Эта идея долгое время вызвала насмешки авторов комедий, но в IV столетии астроном Евдокс Книдский привел убедительные аргументы в пользу этой гипотезы. С этого времени стали определять местоположение путем нахождения широты и долготы; впрочем, такие измерения долгое время оставались неточными.

Попытки философов отрицать могущество богов вызывали негодование у приверженного к вере простонародья. Первых усомнившихся постигла печальная судьба: Протагор и Анаксагор были изгнаны из Афин, а Сократ по приговору суда был принужден испить чашу с ядом. Это произошло уже после смерти Перикла и поражения афинян в большой войне, во время охвативших город смут. Преуспевание Афин оказалось невечным и прошло, как проходит весна и лето, – затем наступает осень, время тяжелых раздумий о том, что было и что стало.

"Все течет, все меняется, – говорил философ Гераклит. – В одну и ту же реку нельзя войти дважды".

ОСЕНЬ ДЕМОКРАТИИ

Мы должны далее разобрать, вследствие каких причин происходят государственные перевороты...
Аристотель. «Политика».

II преуспевание Афин было основано на морской торговле, а морская торговля – на мощи

афинского флота, готового силой устранять конкурентов. Помимо давних врагов, финикийцев, конкурентами Афин были греческие торговые города Коринф, Сиракузы и Мегары – дорийские общины, соединенные узами родства со Спартой. В 432 году Афины установили торговую блокаду Мегар, и это привело к большой войне; спартанская фаланга вторглась в Аттику, сжигая деревни. Афиняне не могли противостоять спартам на суше, население Аттики укрылось за соединявшими Пирей и Афины длинными стенами. В переполненном беженцами городе вскоре началась чума, храмы были заполнены трупами, умиравшие лежали возле колодцев, умоляя дать им воды. Чума унесла четверть населения, погибло много воинов и моряков, погиб и Перикл, знаменитый вождь афинян. Война продолжалась 27 лет, до 404 года. Афиняне долго и безуспешно осаждали Сиракузы, потом противники Афин объединились и на персидские деньги создали мощный флот. Настало время ожесточенных морских сражений, когда сотни триер проламывали друг другу борта и берега на много миль покрывались обломками кораблей и телами погибших моряков. В конце концов, афиняне потерпели поражение и лишились преобладания на торговых путях.

Это было началом заката Афин, конкуренты стали повсюду теснить афинских купцов и промышленников. Рост города остановился; большинство населения теперь составляли бедняки, которые требовали пособий для неимущих. Была введена плата за посещение народного собрания – несколько монет, которых едва хватало на хлеб, но постоянно пустовавшая казна не могла выделить больше. В середине IV века экономическое положение стало катастрофическим, город был переполнен безработными, жившими на пособия и с ненавистью взиравшими на дворцы буржуазии. Преобладавшая в народном собрании беднота обложила богачей непомерными налогами; появилась целая каста доносчиков, "сикофантов", которые, пользуясь настроениями народа, предъявляли богачам обвинения в святотатстве или измене. Многолюдный афинский суд присяжных состоял из тех же бедняков, которые знали, что, если они не осудят обвиняемого и не конфискуют его имущества, то казна останется пустой и они не получат пособий. "Никто из граждан в Афинах не живет в полном спокойствии, но весь город преисполнен отчаяния, – писал философ Исократ. – Одни переносят все невзгоды и лишения нищеты, другие жалуются на обилие всяких повинностей и на постоянный страх перед угрожающим им судом". После двухвекового преуспевания в Грецию вернулись бедность и голод – признаки нового Сжатия; столкновения между бедными и богатыми предвещали новую тиранию. В 370-х годах в некоторых городах вспыхнули кровавые революции, в Аргосе толпа перебила дубинами 1200 богатых граждан, в Коринфе "трупы лежали огромными кучами".

В то время как Грецию сотрясали восстания, среди нищеты, бедствий и всеобщего озлобления философы и политики пытались понять причины происходящего. Ученик Сократа Платон объехал полмира, изучая государственное устройство разных стран, и, обобщив увиденное, предложил свой знаменитый проект идеального государства. Этим государством должны были управлять философы, а население делилось на два сословия – воинов и простолюдинов, причем воины воспитывались по-спартански, обедали за общим столом и имели общих жен, а простолюдины получали одинаковые земельные наделы. В одном из своих трактатов Платон разместил свое государство на краю света, в Атлантиде, заставив ученых будущего спорить о местонахождении этой загадочной страны. Отличительной чертой философов Платон считал знание геометрии и именно геометрию (наряду с другими науками) он преподавал своим ученикам в маленькой школе, расположенной в роще Академа, – позднее её стали называть "Академией". В этой "Академии" около 20 лет учился и работал Аристотель, великий философ, продолжавший исследования Платона и оставивший после себя знаменитый трактат "Политика".

Два великих философа нередко спорили между собой, и Аристотель любил говорить, что "Платон мне друг, но истина дороже". Сравнивая жизнь и устройство разных государств, Платон и Аристотель открыли **ОСНОВНОЙ ЗАКОН ИСТОРИИ** : они открыли, что главной причиной обрушившихся на Грецию бед является **ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ** :

– Прежде всего, сохраняйте установленную численность населения, – обращался Платон к гражданам своего идеального государства, – затем сохраняйте размеры и величину имущественного надела.

– Нужно определить норму для числа детей, – говорил Аристотель, – ведь если число детей будет велико, то закон о равенстве наделов неминуемо утратит силу... Это неизбежно приведет к обеднению граждан, а бедность – источник гражданской войны.

ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ ПРИВОДИТ К ГОЛОДУ, РЕВОЛЮЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЮ ТИРАНИИ, говорили великие философы. **ЦЕЛЮ ТИРАНИИ ЯВЛЯЕТСЯ ПЕРЕДЕЛ ЗЕМЛИ, ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ГОЛОДА И УСТАНОВЛЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ.**

– Это-то уж ясно, что когда появляется тиран, он вырастает из этого корня, то есть как ставленник народа, – говорил Платон. – Карая изгнанием и приговаривая (знать) к страшной казни, он, между тем, будет сулить отмену задолженности и передел земли...

– Тиран становится из среды народа против знатных, – добавляет Аристотель, – чтобы народ не терпел от них никакой несправедливости...

Платон и Аристотель принадлежали к знати и называли диктатуру народа тиранией – так, как это делают современные аристократы. Действительно, тираны подвергали знать массовым репрессиям – так же, как и знать, в свою очередь, в случае победы истребляла всех непокорных. Бедные и богатые видят мир с разных сторон и добро для одних есть зло для других. Для одних Писистрат был кровавым диктатором, для других – отцом народа; мы же будем называть его просто монархом – и пусть каждый вкладывает в это слово свой смысл. Платон и Аристотель открыли великий закон истории, закон, который гласит:

"ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ ПРИВОДИТ К ГОЛОДУ, РЕВОЛЮЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЮ МОНАРХИИ; ЦЕЛЮ МОНАРХИИ ЯВЛЯЕТСЯ ПЕРЕДЕЛ ЗЕМЛИ, ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ГОЛОДА И УСТАНОВЛЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ".

ПРИШЕСТВИЕ ЦАРЕЙ

*О государь, и прирожденный ум
В несчастьях устоять подчас не может.
Софокл.*

После смерти своего великого учителя, Платона, Аристотель уехал из Афин и долго жил на берегу моря, в задумчивости наблюдая за приливами и отливами – за вечной жизнью природы. Он занимался биологией и философией, а потом был приглашен в Македонию, чтобы учить грамоте 14-летнего Александра, сына македонского царя Филиппа II.

Македония была страной гор и лесов в центре Балкан, вдалеке от больших городов, цивилизации и культуры. Когда-то давно эти земли были завоеваны вторгшимся из Великой Степи народом всадников; кочевники подчинили местное население и превратились в племенную знать, "гетайров". Позднее македонское побережье было занято греками, выведшими сюда свои колонии. В 359 году македонский царь Филипп II задумал преобразовать свое войско по греческому образцу; он сформировал из крестьян тяжелую пехоту, но, в отличие от греков, вооружил ее более длинными копьями, "саррисами". Результат превзошел все ожидания: на свет явилось чудовище, монстр, пожиривший народы и государства – македонская фаланга. Огромный ёж с выставленными вперед шестью рядами копий таранил строй любого противника и обращал его в паническое бегство. "Нет силы, которая могла бы сопротивляться ей с фронта или устоять против ее натиска", – писал о фаланге знаменитый историк Полибий.

Македонская фаланга была Фундаментальным Открытием, изменившим ход мировой истории. До тех пор мало кому известный народ по мановению ока превратился в страшную силу, с лёгкостью сокрушавшую соседние племена. В 345 году фаланга впервые прошла через Фермопильский проход в Среднюю Грецию. В Афинах вспыхнула паника, знаменитый оратор Демосфен призывал греков встать плечом к плечу и остановить новое нашествие варваров. Но была и другая точка зрения: изнывавшая под бременем демократии буржуазия открыто призывала македонян. Известный ритор Исократ приглашал Филиппа II возглавить Грецию и двинуться на Восток: "Нуждающееся в земле крестьянство... получит обширные пространства земли; бродяги, вместо того чтобы терзать Элладу, найдут применение своей деятельности в Азии... Победа даст процветание тем, кто останется дома (то есть буржуазии)".

Это был старый способ понижения демографического давления с помощью эмиграции и

завоевания новых земель – тот самый способ, который предотвратил победу "тирании" в VI веке. В 338 году фаланга снова ворвалась в Грецию и разгромила объединенные силы греков при Херонее. Афины приготовились к осаде – но македоняне не стали штурмовать город: Филипп II принял предложение Исократ. Греческие государства образовали союз под главенством Филиппа II и объединились для войны с Персией; в угоду призвавшей его буржуазии царь запретил революции, тиранию, передел земель и отмену долгов. Царь уже начал переправу союзных войск в Азию – но неожиданно был сражён кинжалами заговорщиков.

Наследником Филиппа стал Александр Македонский, 20-летний воспитанник Аристотеля, смелый воин, мечтавший о всемирной славе. В 334 году Александр повел непобедимую фалангу на завоевание Азии и уже никогда не вернулся в Грецию. Аристотель возвратился в Афины, основал новую школу, "Лицей", и читал лекции своим ученикам, прогуливаясь по аллеям прекрасного парка. Время от времени из Азии приходили известия об удивительных победах, о завоевании половины мира, о походе в Индию – и, наконец, прибыли послы с требованием признать Александра богом. Спартанцы ответили, что, "если Александр желает быть богом, то пусть станет им", а афиняне согласились воздавать царю божеские почести. Однако, как только пришли известия о смерти царя, Афины вместе со всей Грецией восстали против власти македонян. На склоне лет Аристотелю пришлось бежать из Афин, оставив в Лицее все свои книги; вскоре он умер изгнанником в деревенской глуши. Греческое восстание потерпело поражение; последний глашатай свободы и демократии, Демосфен, покончил с собой, приняв яд; в Пирее обосновался македонский гарнизон. Оккупанты вручили власть буржуазии, которая лишила половину афинян гражданских прав: гражданами теперь считались лишь обладатели 2000 драхм. Город стал игрушкой в междоусобных войнах македонских полководцев, наследников Александра; один из них, Деметрий, провозгласил "свободу", но потребовал божеских почестей и поселился со своими гетерами в Парфеноне. Осады, штурмы, восстания чередовались друг с другом; в конце концов, в 262 году над Афинами утвердил свою власть македонский царь Антигон Гонат. Так же, как когда-то Вавилон, Афины стали добычей царей; буржуазия предпочла чужих царей своим тиранам – но чужой сапог оказался не лучше сшитого дома.

Войны и смуты разорили великий город; некогда многолюдные улицы опустели, тысячи афинян покинули родину, спасаясь от смут или поверив обещаниям безбедной жизни в покоренной Азии. Лишь философы ещё поддерживали славу Афин; здесь жил знаменитый циник Диоген, нашедший путь к счастью в отказе от потребностей и желаний. Одно время Диоген обитал в старой бочке и, когда Александр Македонский спросил, не нуждается ли он в чем-либо, философ ответил: "Отойди, не загораживай мне солнце". Другой знаменитый философ, Эпикур, говорил, что нужно довольствоваться малым и радоваться глотку воды и куску хлеба, а стоик Зенон учил владеть собой и подавлять страсти. Всё это были учения, навеянные аскетизмом последователей Будды: после восточного похода Александра философия Запада соприкоснулась с философией Востока. Сотни учеников со всего греческого мира приезжали послушать знаменитых философов и удивлялись запустению некогда великого города. Торговля почти прекратилась; корабли проплывали мимо полуразрушенных пристаней Пирея, направляясь в бурлящие жизнью новые порты, в Александрию или на остров Родос. Моряки стояли на палубе и смотрели на подобные призракам белые храмы Акрополя – и минувшее казалось им непохожей на правду сказкой.

ИСТОРИЯ СПАРТЫ

Начало недуга и порчи в Спарте восходит

*к тем временам, когда спартанцы,
победив афинян, наводнили
свой город золотом и серебром.*

Плутарх.

В то время, когда в Греции вырастали и приходили в упадок торговые города, а философы размышляли о природе вещей, Спарта жила своей обычной жизнью. Так же, как в легендарные времена Ликурга, илоты усердно возделывали поля, а спартанцы упражнялись в гимназиях, готовясь к грядущей войне. Призрак войны постоянно витал над Спартой – хотя спартанцы не помышляли о новых завоеваниях и, оперевшись на копьё, мечтали о мире. Все силы Спарты уходили на то, чтобы охранять завоёванное, благодатную долину Эвроты и тучные равнины Мессении – и охранять не от соседей, а от собственных рабов, постоянно готовых к восстанию. На девять тысяч спартанцев приходилось больше 200 тысяч рабов-илотов, головы которых склонялись к земле, но в глазах которых светилась ненависть. Когда в 464 году Спарту разрушило землетрясение, илоты бросились в город – но не за тем, чтобы спасти из-под развалин своих господ, а чтобы добить их. Царь Архидам успел построить уцелевших воинов в фалангу, и илоты отступили, но потребовалось десять лет кровавой войны, чтобы снова привести их к покорности.

Когда илоты были подчинены, родственные дорийские общины, Коринф и Мегары, вовлекли Спарту в большую войну с Афинами. Победа в этой войне принесла Спарте громкую славу и пустые хлопоты: победители привели к власти в греческих городах аристократию гоплитов и были вынуждены затем защищать эту власть от народа. Спартанцы по-прежнему презирали "чернь" и считали настоящими людьми лишь подобных себе, гоплитов; они не понимали, что большие торговые города – это совсем другой мир, не похожий на сельскую Спарту. Уже вскоре после войны демократия вернулась к власти в Афинах, а затем народ победил и в Фивах, другом большом городе в Средней Греции. В 371 году фиванцы разгромили доселе непобедимую спартанскую фалангу в битве при Левкрах; в этом сражении фиванский полководец Эпаминонд впервые использовал "косой строй": при средней глубине построения в 6 шеренг он поставил на левом фланге ударную колонну глубиной в 50 шеренг. Колонна прорвала спартанскую фалангу, царь Клеомброт погиб, спартанцы впервые поддались панике и бежали с поля боя. Одержав победу, Эпаминонд двинулся на Спарту и освободил мессенских илотов; спартанцам едва удалось отстоять свой город и долину Эвроты.

С этого времени Спарта старалась не вмешиваться в дела Греции: у нее хватало своих забот. После утраты благодатной Мессении многие воины лишились своих наделов; среди "равных" спартанцев появились "меньшие" – и их становилось все больше. Гражданами Спарты считались лишь обладатели панцирей и шлемов, гоплиты; оказавшиеся в тисках нужды воины продавали оружие и исключались из числа спартанцев. Вдобавок ко всему, земельные наделы стали втайне продаваться и покупаться. Мужчины старались оставаться солдатами, но знатные спартанские женщины занялись ростовщичеством и скупали за долги земли воинов. В Спарте появилось золото, к которому раньше было запрещено прикасаться; вместе с ним пришла любовь к роскоши и изнеженность, гимназии опустели, о воспитании молодежи никто не заботился. Через столетие после катастрофы при Левктрах оказалось, что вся земля сосредоточилась в руках ста семей, а город переполнен бедняками, ненавидевшими новых богачей точно так же, как и илоты. В конце концов, военные вожди Спарты осознали, что город некому защищать, и попытались вернуться к порядкам былых времен. Царь Агис отменил долги, а Клеомен переделал землю, пополнил число воинов самыми сильными пэриеками и илотами и восстановил древние обычаи. Снова, как в старые времена, воины в красных плащах собирались на совместные трапезы, и царь стоял в первой линии фаланги, подбадривая молодых бойцов. Однако буржуазия греческих городов, испугавшись передела земель и распространявшейся из Спарты революции, снова призвала македонян; в 221 году спартанцы были разбиты македонской фалангой в кровавой битве при Селассии.

Реформы Клеомена были отменены, но Спарта успокоилась ненадолго. Демографическое давление продолжало оставаться высоким, бедняки требовали земли, а илоты – свободы. В 207 году разразилась новая революция, к власти пришел "тиран" Набис, под рёв огромной толпы

объявивший об отмене долгов, освобождении илотов и разделе земли поровну. Затем началась новая война – но теперь в роли защитников аристократии выступили не македонская фаланга, а римские легионы. В 200 году до нашей эры могущественный Рим объявил войну Македонии, легионы впервые вступили на землю Греции и три года спустя разгромили непобедимую до тех пор македонскую фалангу в битве при Кеноскефалах. Чтобы привлечь к себе греков, римский командующий Тит Фламиний объявил о "свободе" греческих городов; при этом он провозгласил себя охранителем "закона" и повсюду поддерживал аристократию. "Тирания" Набиса была признана "незаконной", и непокорной Спарте была объявлена война. Спарта вступила в неравный бой; бедняки и рабы надели красные плащи, взяли в руки копья и встали в ряды воинов. В 192 году Набис погиб, еще через три года Спарта пала, тысячи пленных были казнены и проданы в рабство. Все получившие гражданство от "тирана" были изгнаны, колонны изгнанников под конвоем потянулись на север. Долина Эвроты опустела; как в начале истории, повсюду простиралась не потревоженная земледельцем луга, и одинокий пастух играл на свирели песнь о былых героях. Богатые римляне приезжали послушать пастуха и посмотреть на то, что осталось от знаменитой Спарты. Примерив красные плащи и повосхищавшись прошлым, они ехали в Афины – посмотреть на то, что осталось от Афин.

ЭПИЛОГ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

*При раздорах и великие
государства рушатся.
Саллюстий .*

Трагизм истории заключался в том, что римляне воевали с греками руками греков. Спарта была сокрушена войсками ахейского союза городов, возглавляемого Коринфом; с этого времени Ахейский союз остался последним оплотом греков. С позволения Рима в Ахайе правила буржуазная аристократия, но, как и в Спарте, простонародье постоянно волновалось и требовало передела земли. Перенаселение охватило всю Грецию, и, как предвидел Аристотель, оно должно было привести к революции и тирании. Эта последняя революция – эпилог греческой истории – началась в 147 году одновременно с восстанием против Рима. Вождь восставших Диэй объявил об отмене долгов и освобождении многих тысяч рабов – но это было восстание обреченных. В 146 году Коринф был взят римскими легионами, население истреблено или продано в рабство. Историк Полибий писал, что отдыхая от резни, римские солдаты играли в кости на картинах знаменитых греческих художников. Город был разрушен и место, где он стоял, было посвящено богам; была разрушена половина городов Греции, и судьбой уцелевших ахейцев стал рабский труд на итальянских плантациях. Опустевшая Греция превратилась в римскую провинцию, и ее история слилась с историей Рима; на месте Коринфа впоследствии была основана римская колония и снова вырос большой торговый город – но это был город римлян, а не греков.

Так, в пламени революций и войн, закончилась история Древней Греции. Она началась ахейским завоеванием, прошла долгий путь перенимания восточной культуры и сложения новой цивилизации. Потом, с повышением демографического давления, началась колонизация Средиземноморья и возникли первые тирании. Морская торговля отсрочила Сжатие и вызвала расцвет буржуазного общества, рост городов, процветание искусств и рождение науки. Однако этот расцвет оказался невечен – в конце концов, снова наступило перенаселение и снова настало время революций. Эта новая волна революций закончилась катастрофой: буржуазная аристократия призвала в страну сначала македонян, а потом римлян; римские варвары огнем и мечом прошли по Греции, оставив после себя пустыню. Потом, столетием позже, они унаследовали греческую культуру и создали новую цивилизацию – так же, как некогда греки позаимствовали культуру Востока. Так было всегда: варвары покоряли древнюю цивилизацию и одновременно приобщались к цивилизации, расширяя область древней культуры. Старинные культурные государства не отличались воинственностью; их население было приучено заниматься мирным земледельческим трудом и не могло сопротивляться привыкшим к войне варварам – к тому же, воюя друг с другом, варвары постоянно изобретали новое оружие. Персы

завоевали Ближний Восток, освоив искусство конных лучников, их сменили македоняне, создавшие знаменитую фалангу, а потом – римляне с их легионами. Завоевав страны древней культуры, персы, македоняне и римляне приобщились к цивилизации, но вместе с тем принесли на Восток свои обычаи и создали новые государства – новый мир, в котором слились традиции разных народов, корни прошлого и ростки будущего. Греки, пришедшие на Восток вместе с Александром Македонским, преобразили мир древних империй; рядом с пирамидами и зиккуратами выросли колонны греческих храмов, рядом с одряхлевшим Вавилоном родилась новая столица Востока, Селевкия. Далек в Средней Азии, на границе обетованного мира, появились греческие города, где дети занимались в гимнасиях и изучали Гомера. Это был новый мир и этому новому, эллинистическому миру посвящена следующая глава нашей истории.

Глава V. Эллинистический мир

ПОХОД АЛЕКСАНДРА

*Я думаю, что в то время не было ни народа,
ни города, ни человека, до которого
не дошло бы имя Александра.*

Арриан. Поход Александра.

В истории народов есть великие мгновения, переворачивающие жизнь людей и кладущие грань между эпохами – звездные часы человечества. Такой великий момент наступил весной 334 года – это был час переправы македонского царя Александра через пролив между Европой и Азией. Под приветственные крики тысяч столпившихся на палубах македонян и греков Александр подошёл на корабле к азиатскому берегу и метнул копьё, вонзившееся в мокрый песок. Перекрывая шум прибоя, Александр выкрикнул свою великую клятву: он клялся, что с помощью богов завоюет всю Азию, весь обетованный мир. Александр был полон молодого задора, и его окружали такие же молодые друзья, «гетайры» или «друзья царя»; это был отборный полк панцирной конницы, состоявший из македонской знати. Состязаясь в удали со своими друзьями, Александр рубился в битвах, словно простой солдат; он много раз был ранен и находился на краю гибели – его спасало лишь чудо и рука друга.

Александр не был убит и дошел до Инда потому, что следом за ним шла фаланга, "страшный зверь, оцетинившийся тысячью копий", – так писал о фаланге историк Полибий.

Подобно тому, как конница даровала персам господство над Азией, фаланга обещала подарить Александру весь Ближний Восток. В мае 334 года конница и фаланга сошлись лицом к лицу в битве на реке Граник. У Александра было 35 тысяч воинов, у персов – немногим больше, но их всадники оказались беспомощными перед щетиной копий. Одержав первую победу, Александр приступил к освобождению находившихся под властью персов греческих городов Малой Азии; эти города защищали греческие наемники, служившие персидскому царю. При штурме Милета наемники оказали яростное сопротивление, но, в конце концов, были вынуждены сложить оружие. Подчинив прибрежные города, Александр двинулся в глубь полуострова и остановился на зиму во Фригии, здесь ему показали колесницу, принадлежавшую легендарному фригийскому царю Гордию. По преданию, тому, кто развяжет запутанные построения колесницы, было суждено владеть Азией. Александр, не долго думая, разрубил "гордиев узел" мечом и следующим летом двинулся через горы Тавра в Сирию. У городка Исс, на узком пляже между горами и морем, македоняне встретились с огромным войском персидского царя Дария. Александр во главе своих железных гетайров прорвался к позолоченной колеснице Дария; персидский царь пересел на коня и обратился в бегство – это решило исход боя. Победителям достались богатые трофеи, шатер Дария, его жены и наложницы. Непритязательные македоняне впервые увидели, что такое роскошь Востока; войдя в шатер персидского царя, Александр был изумлен убранством лож и столов, прекрасной золотой посудой и ароматом благовоний; он посмотрел на своих друзей и сказал: "Вот, что значит царствовать!" Охваченные восторгом победы молодые воины омылись в купальне Дария и устроили весёлый пир среди удивительных восточных богатств.

После битвы при Иссе армия Александра двинулась по побережью на юг и восемь месяцев осаждала Тир – богатейший город Финикии. Тир был давним торговым соперником греческих городов; в августе 332 года он был взят штурмом, все мужчины были казнены, а женщины проданы в рабство. Поздней осенью 332 года македоняне и греки пришли в Египет, где были встречены как освободители от персидского ига. Египетское жречество провозгласило Александра новым фараоном, после коронации и многодневных празднеств царь со своей свитой отправился к оракулу Амона в оазис Сива. Дорога к оазису вела через раскаленную пустыню; македоняне вскоре сбились с пути и едва не погибли – по легенде, им указали дорогу вороны, святые птицы Амона. Когда Александр, наконец, вошел в знаменитый храм, он услышал голос Амона: "Привет тебе, сын мой!". Александр был потрясен: жрецы объявили ему, что он не человек, а бог, сын владыки мира Амона. Египтяне всегда считали фараонов богами, но для македонского царя слова жрецов оказались ошеломляющей неожиданностью. Побеседовав с жрецами и покинув храм, Александр уклонился от расспросов ожидавших у входа друзей; лишь много позже, одержав новые великие победы, он потребовал у греков божественных почестей.

Весной 331 армия македонян и греков форсированным маршем двинулась в Месопотамию, здесь близ деревни Гавгамелы её ожидало войско персов. Ночью 30 сентября взору Александра предстал огромный персидский лагерь; вся равнина до горизонта светилась бесчисленными огнями, и оттуда доносился неясный гул, похожий на рокот прибоя. Полководец Парменион советовал царю атаковать сейчас же, ночью, но Александр ответил: "Я не краду победы". На следующее утро сражение началось с яростной атаки персидских колесниц: персы оснастили колесницы выступавшими по бокам серпами и направили их на фалангу македонян. Фалангистам удалось напугать лошадей, и часть колесниц повернула назад, но те, что врезались в ряды воинов, нанесли много смертельных ран. Следом за колесницами атаковала персидская конница, она обошла фалангу и напала на нее сзади, – так что македоняне были почти окружены и сражались на два фронта. Однако вскоре фаланга оправилась от замешательства, сомкнула ряды и неудержимо двинулась на врага. Персов охватила паника; Александр со своими гетайрами прорвался к колеснице Дария, и персидский царь едва спасся бегством. Как и при Иссе, бегство царя решило исход сражения. Александр без боя вступил в Вавилон, а затем, сбив персидские заслоны в горах, занял священную столицу персов, Персеполь. Под восторженные возгласы македонян и греков Александр вошел в персепольский дворец и воссел на трон "царя царей". Огромный тронный дворец, "ападана", был одним из чудес света, сосредоточием роскоши и величия Персидской Империи. Во время одного из

пиров красавица-гетера Таис Афинская подстрекнула Александра сжечь этот дворец – якобы для того, чтобы отомстить за Афины, некогда сожжённые Ксерксом. Обратив в пепел символ персидского государства, царь двинулся в Мидию, где Дарий собирал новые силы. Персидский царь не отважился дать сражение, бежал и вскоре был свергнут своими вельможами, не простившими ему малодушия. Отпустив на родину союзных греков, македоняне пошли через пустыню вслед за персами и, в конце концов, догнали их. Однако Дарий был уже мертв; он был убит своими соратниками, решившими продолжать войну до конца.

После смерти Дария Александр стал его наследником, царем огромного государства персов. Он надел диадему персидских царей, персидскую одежду, завел гарем и стал требовать от своих друзей, чтобы они склонялись перед ним ниц – так, как это делали персидские сановники, оставленные царем на своих постах. Это было проявлением СОЦИАЛЬНОГО СИНТЕЗА, процесса, когда завоеватели перенимают порядки покоренной Империи – точно так же цари персов перенимали порядки Ассирии, а ещё раньше это делали другие варварские вожди. В прежние времена македонские цари были лишь военными предводителями, немногим выделявшимися из среды аристократов-гетайров. Филипп попытался править самовластно и был убит гетайрами; теперь эта участь угрожала и Александру – но он сумел подавить заговоры знати.

Между тем, погоня за властью над миром привела Александра на край света, в места, неведомые сопровождавшим его греческим философам, ботаникам и географам. Аристотель послал вместе с Александром своего племянника Каллисфена, учёные греки описывали природу новооткрытых стран и отсылали в далекие Афины собранные ими гербарии. Двенадцать дней продолжался переход через горы, которые многомудрые философы считали Кавказом, потом армия спустилась на обширную равнину и, двигаясь на север, достигла реки, которую приняли за Дон – в действительности это была Сыр-Дарья. Македоняне вышли на окраину Великой Степи и столкнулись с воинственными кочевыми племенами, которых они называли "скифами". Изнурительная война со "скифами" и персами продолжалась два года; подчинив области на границе степи, Александр двинулся в Индию. Теперь перед завоевателями открылась страна тропических лесов и многоводных рек, долина Инда. После переправы через Инд македоняне были атакованы сотнями боевых слонов – войском царя этой страны Пора. Фаланга понесла большие потери, но сумела выиграть и эту последнюю битву. Александр думал, что поход близится к концу, что долина Инда – это и есть Индия, а дальше лежит Мировой Океан. Но пленные индийцы рассказали, что на восток, за пустыней, лежит долина другой великой реки, Ганга, что до конца света ещё далеко. Александр решил продолжать путь, но солдаты отказались подчиняться царю: они воевали уже 8 лет и прошли 18 тысяч километров; они не могли идти дальше.

Пришло время возвращения – но Александр сумел превратить обратный путь в новый поход. Было построено 200 кораблей и флот, сопровождаемый идущей по берегу армией, стал спускаться вниз по Инду. В июле 325 года глазам Александра открылся простор океана – это был тот самый Мировой Океан, к которому так давно стремились его мечты. На флагманском корабле царь поплыл в открытое море и, когда земля скрылась из виду, принес жертвы владыке Океана Посейдону. Потом, в конце августа, армия двинулась по побережью на запад; следом за ней отплыл флот. Долгий путь через безводную каменистую пустыню показался солдатам тяжелее всех сражений, лишь в конце 325 года македоняне снова пришли в Персиду. Окончание похода было отпраздновано грандиозной свадьбой царя и 10 тысяч его воинов на персиянках; Александр, уже женатый на красавице Роксане, ввел в свой гарем сразу двух персидских принцесс, Статиру и Парисатиду. Это многодневное празднество должно было символизировать слияние македонян и греков, победителей и побежденных. Одновременно произошло слияние двух армий: 30 тысяч молодых персов были обучены воевать в фаланге, а персидская знать пополнила полк "друзей царя", гетайров. Александр не изменил порядков Персидской Империи, персидские чиновники собирали прежние налоги, и крестьяне – как сто или тысячу лет назад – терпеливо несли свою ношу. Александр сменил Дария на троне "царя царей" – и как сто лет назад перед тронном горел священный огонь персов, а сановники склонялись ниц перед лицом властелина. Воссев на трон в Вавилоне, Александр потребовал божеских почестей; в начале 323 года греческие послы увенчали царя золотым венком, таким

же, как у олимпийских богов. Однако великому завоевателю так и не удалось стать бессмертным богом – удивив мир своими неожиданными подвигами, он столь же неожиданно ушел из него. 13 июня 323 года Александр, "царь четырех стран света", скончался в своем дворце в Вавилоне.

НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРА

Вы будете совершать мое погребение в крови.

Александр.

С смертью Александра повергла в растерянность народы и государства, многие не могли поверить в нее. В Афинах один из ораторов утверждал, что, если бы Александр действительно умер, то запах тления заполнил бы всю Вселенную. Говорили, что Александр был отравлен гетайрами за то, что заставил их склоняться перед собой, а яд приготовил Аристотель: его племянник Каллисфен был один из тех, кто отказался пасть ниц и погиб в тюрьме.

Гетайры, да и многие простые воины, действительно ненавидели Александра за то, что он приравнял победителей к побежденным. После смерти эта неприязнь вырвалась наружу; персы были изгнаны из дворца и македоняне вернулись к своим порядкам – это была **НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ** на излишне поспешное перенимание Александром имперских традиций. Двести лет назад, когда мидяне и персы завоевали Восток, они точно так же восстали против перенимания ассирийских традиций царем Астиагом; националистическая реакция всегда сопровождает процесс социального синтеза. Александр не оставил наследника и власть, как в давние времена македонской истории, оказалась в руках народа-войска. Войско само выбирало своих вождей-полководцев, причем конница гетайров вступала в схватки с крестьянами-фалангистами прямо у гроба Александра. Распри вождей привели к многолетней междоусобной войне; завоевавшая половину Азии македонская фаланга распалась на части, столкнувшиеся между собой в кровавых битвах. Ошестинившиеся копьями ряды шли навстречу друг другу под звон щитов и крики умирающих. В 301 году, после решающей битвы при Ипсе, завоевания Александра были поделены между его полководцами, провозгласившими себя новыми царями. Македония досталась Антигону Гонату, Египет – Птолемею, а Двуречье, Сирия и Иран – Селевку.

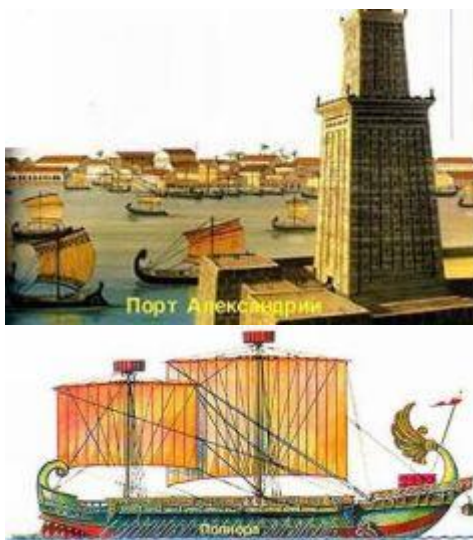
Огромное государство Селевка охватывало основные области погибшей державы персов – но это было государство македонян и греков, в котором туземцам была отведена роль приниженного крестьянского сословия. Крестьяне, "царские люди", так же, как в прежние времена, обрабатывали наделы государственной земли, уплачивая десятину урожая. Они жили общинами, были связаны круговой порукой и не могли продать свой надел или оставить деревню. Греки и македоняне стали военным сословием новой Империи; они жили в военных поселениях так же, как раньше жили персы. Воины проводили время в походах, а их наделы обрабатывали арендаторы и рабы. Многие поселения разрослись в города-полисы, Селевкиды приглашали в свою страну греческих эмигрантов и руками подневольных крестьян строили для них города с беломраморными храмами и гимназиями. Рядом с опустевшим Вавилоном вырос огромный греческий город, Селевкия на Тигре; сюда сходились караванные дороги из всех областей Империи. В тени этих новых эллинских городов влачили существование древние храмовые города Двуречья; в них по-прежнему правила буржуазия, торговавшая жреческими должностями оптом и в розницу. Многие богачи перебирались в греческие полисы, принимали греческие имена и потихоньку превращались в греков.

Над греками и туземцами, городами и деревнями, одинаково самовластно правили басилевсы-цари. Подобно Александру, они называли себя богами, но не надевали персидских одежд; у них были "друзья"-гетайры, которым они даровали поместья и вместе с которыми сражались в битвах. Вся жизнь наследников Александра проходила в походах, а смерть приходила к ним обычно на поле боя; во главе своей фаланги они вдоль и поперек прошли половину Азии, сражаясь с внешними врагами и постоянно отпадавшими наместниками дальних провинций. Царь Антиох III в 212-205 годах повторил поход Александра, достиг Индии и стал именоваться Антиохом Великим. В 192 году греки призвали Антиоха на помощь

в борьбе с римлянами, и два года спустя армия великого царя выступила навстречу легионам. Это была могучая армия наследников Александра: массивная фаланга с шестиметровыми копьями-сариссами, панцирная конница на тяжелых "нисейских" конях и индийские слоны с башенками на спинах. Но фаланга уже не была непобедимой – этот титул перешел к римским легионам, научившимся маневрировать на поле боя, нападать и притворно отступать, дожидаясь, когда фаланга нарушит свой строй. Битва при Магнесии закончилась разгромом великой армии Антиоха, и вслед за этим началось время упадка империи Селевкидов; с запада их теснили римляне, с востока – новые пришельцы из Великой Степи, парфяне. В конце концов, государство Александра было разделено между новыми завоевателями, обладавшими новым оружием – такова была во все времена судьба побежденных. Сломанные сариссы и изрубленные шлемы покрыли поля новых сражений, и никто уже больше не вспоминал о славе прежних побед, о походе Александра, о великой битве при Гавгамелах. Лишь тысячелетие спустя великий персидский поэт Фирдоуси напомнил персам об их истории – и он начал эту историю не с Кира, а с Александра, "Искандера Двурогого". Всё остальное было уже забыто, и лишь Александр удержался в памяти поколений:

Что сказывает нам поэт-сказитель
О том, кто первый молвил: «Я – властитель»,
О том, кто первый на свое чело
Надел венец? Все было и прошло...

АЛЕКСАНДРИЯ

Всё, что может существовать на земле, есть в Александрии.

Поэзия Востока воздвигла памятник Александру: по традиции со времен Фирдоуси каждый поэт, чтобы добиться признания, должен был сочинить поэму в честь Искандера. Но после Александра остался и другой памятник – большой город, заложенный им во время пребывания в Египте. Этот город назывался Александрией и был расположен на берегу моря напротив острова, образующего удобную бухту. Говорили, что Александрия находится не в Египте, а «при Египте» – как будто в другом мире, имеющем мало общего со страной пирамид. Египет почти не изменился со времен фараонов, всё также стояли храмы на берегах великой реки, и крестьяне трудились на своих наделах, получая у писцов содержание, семена и быков, а потом сдавая весь урожай на царские склады. Караваны барок с зерном, льном, кожами

спускались вниз по Нилу к Александрии, все силы Египта уходили на то, чтобы обеспечить благоденствие обитателей этого огромного города.

Александрия казалась приезжим раем. "Всё, что может существовать на земле, есть в Александрии: богатство, спорт, власть, голубое небо, слава, зрелища, философы, золото, храмы богов, добрый царь, Мусей, вино, всё хорошее, что можно пожелать", – говорится в греческой пьесе. Четвертую часть города занимал царский дворец, целые кварталы изящных мраморных зданий среди прекрасных парков. В этом мире удовольствий обитали божественные цари-фараоны, наследники Птолемея Лага, македонского полководца, получившего Египет при разделе наследия Александра. Подобно древним фараонам, цари женились на своих сестрах, и царицы правили вместе со своими братьями – так же как некогда Нефертити правила вместе со своим мужем и братом Эхнатом. Божественную чету окружали тысячи чиновников и придворных – это были греки, научившиеся у египтян склоняться перед царями-богами. Александрия была греческим городом, здесь жили завоеватели, новые господа Египта. Здесь было много воинов, имевших в провинциях наделы, которые обрабатывали полуголодные арендаторы-египтяне; сюда перебрались афинские купцы и моряки, наполнившие сутолокой пристани и базары. Конечно, в Александрии было много египтян, ремесленников, слуг и рабов и довольно много евреев: когда не хватало греческих воинов, египетские цари нанимали евреев.

Так же как в любом греческом городе, общественным центром служил большой гимнасий с великолепной мраморной колоннадой – но настоящим сердцем Александрии был её огромный торговый порт. Александрия заменила Афины в морской торговле; сюда собирались корабли со всего Средиземноморья, и порт удивлял путешественников столпотворением мачт и разноцветьем парусов. Над портом и огромным городом возвышалась 130-метровая башня маяка – одно из чудес света, построенное Состратом Книдским по приказу Птолемея II. "Царь Птолемей посвящает богам-спасителям на благо мореплавателей", – гласила надпись на гипсовой плите у подножия маяка – но со временем гипс отвалился и из-под него показалась другая надпись, вырезанная на мраморе: "Сострат из Книда посвящает богам-спасителям на благо мореплавателям". Огромные зеркала отбрасывали свет маяка далеко в море, указывая путь кораблям; в Александрию шли суда с металлом и лесом; обратно – с зерном, папирусом, льняными тканями, но главное – с индийскими пряностями, благовониями, шелком. Из Александрии по реке и прорытому в VI веке каналу суда попадали в Красное море и вдоль берегов держали путь в Индию. Во II веке до нашей эры отважный мореплаватель Евдокс из Кизика научил греков пользоваться муссонами и плавать напрямую через Аравийское море. "Большие красивые корабли яванов" (так называли греков индийцы) появились у покрытых тропическим лесом берегов Южной Индии; они плавали даже к устью Ганга.

Так же как афиняне, александрийцы добились торгового преобладания в жестоких морских войнах. Эпоха триер ушла в прошлое; даровавшим александрийцам победу новым оружием были огромные многоярусные корабли, полиеры; на них были сотни, а иногда и тысячи гребцов. Оружием этих кораблей были не тараны, а мощные баллисты, бросавшие во вражеские суда многопудовые каменные глыбы; один такой гигантский корабль мог решить исход боя.

Изобретение баллисты ознаменовало великое событие в истории человечества – рождение первой инженерной науки, механики. Первым великим механиком был знаменитый строитель военных машин Архимед из Сиракуз, проживший большую часть жизни в Александрии. Архимед на языке математики описал использование клина, блока, лебедки, винта и рычага: "Дайте мне точку опоры – и я переверну Землю", – говорил Архимед. Великий ученый проводил свои исследования в знаменитом александрийском "храме муз", Мусее – университете, основанном царем Птолемеем по образцу афинского Лицея. Здания Мусея располагались среди прекрасного парка, там были аудитории для студентов, дома преподавателей, обсерватория и замечательная библиотека рукописных книг – в ней насчитывалось 700 тысяч томов! Главой университета, "библиотекарем", долгое время был друг Архимеда географ Эратосфен, сумевший, измеряя широту в разных пунктах, вычислить длину меридиана. В Мусее преподавал Аристарх Самосский, утверждавший, что Земля и планеты вращаются вокруг Солнца, – правда, его гипотеза не получила признания, и позднее александрийские ученые стали придерживаться теории Клавдия Птолемея, считавшего, что

Земля расположена в центре Вселенной. В Мусее творили изобретатель паровой турбины Герон и знаменитый математик Евклид, осмелившийся сказать Птолемею, что "для царей нет особых путей в математике". В библиотеке Мусея работали переводчики, египетские и вавилонские жрецы, открывавшие для ученых тайны древних цивилизаций. Египетский жрец Манефон был автором трактата "Египетские древности", а вавилонский жрец Берозс написал "Вавилонские древности"; 72 еврейских мудреца перевели на греческий язык свякую Библию. В Мусее жили и творили замечательные поэты; любимец муз Феокрит в своих прекрасных стихах создал мир "пастушеского романа": зеленая равнина, ласковое солнце, щебечущие птицы, и у ручья под сенью деревьев юноша объясняется в любви прекрасной пастушке. Однако основной задачей поэтов было воспевание царей и цариц, и они достигли в этом удивительного изящества: когда однажды с алтаря пропала посвященная богу прядь волос царицы Береники, поэт Каллимах обнаружил её на небе – это созвездие до сих пор называется "Волосы Береники".

Поэты и жрецы воспевали царей-богов, ученые творили в "храме муз", Александрия наслаждалась изобилием, а египетские крестьяне поливали потом свои поля – таков был Египет при Птолемеях, царях из династии Птолемея Лага. Так продолжалось два с половиной столетия, пока в страну не пришли римские легионы; это произошло в середине I века до нашей эры, в правление царицы Клеопатры. В те времена не было силы, способной противостоять вождям легионов, но божественная царица противопоставила им чары любви. Сначала Цезарь, а затем Антоний были пленены ее красотой; когда Антоний потребовал у царицы явиться к нему, она приплыла на позолоченном корабле с пурпурными парусами; весла двигались под напев кифары; на палубе стояли полуобнаженные феи, а Клеопатра возлежала на роскошном ложе в уборе богини любви Афродиты. Марк Антоний женился на Клеопатре, стал фараоном – и был объявлен в Риме изменником. Потерпев поражение в борьбе за власть над Римом, он бросился на меч, а вслед за ним покончила с собой последняя царица Египта. Она ушла из жизни, подставив руку под укусы змеи, и выглядела заснувшей – так же, как её древняя страна. В своем тысячелетнем сне Египет не заметил смерти последней царицы; по-прежнему, согнув спины, трудились на полях крестьяне и жрецы по-прежнему воспевали божественных фараонов – но фараоны теперь носили не греческие, а латинские имена.

СИРАКУЗЫ

Платон, ты не прав...

Аристотель .

Александрия была столицей греческого Востока, столицей мира, созданного великими победами Александра. Но, кроме Востока, был ещё греческий Запад – мир заселённых греками островов и побережий западного Средиземноморья. Столицей этого западного мира были Сиракузы – по общему признанию, красивейший из греческих городов.

Сиракузы располагались на берегу Сицилии, на краю тихой бухты, к которой спускались склоны огнедышащего вулкана Этна. В VIII веке, когда перенаселённая Греция стала извергать толпы переселенцев, на берегу бухты высадились дорийцы-коринфяне, основавшие колонию, похожую на дорийскую Спарту. Завоеватели-"всадники" поделили между собой лучшие земли и превратили местное население в илотов; тем, кто прибыл позже, уже не досталось земли, и они становились ремесленниками или арендаторами, наподобие спартанских пэриек. Как и в континентальной Греции, перенаселение, в конце концов, привело к восстаниям обездоленного люда; после восстания 491 года пэриек и илоты получили гражданские права, но земля и власть остались у "всадников". Затем наступила эпоха торгового процветания, на время примирившая богатых и бедных; торговая конкуренция привела к войнам за господство на море – сначала с Афинами, а затем с Карфагеном. Карфаген, основанный в IX веке финикийцами, к этому времени превратился в могущественный город, обладавший мощным флотом. В 406 году огромная карфагенская армия, высадившись на острове, стала подчинять греческие города; возглавляемое "всадниками" сиракузское ополчение было разбито. В Сиракузах вспыхнула паника; народное собрание отстранило "всадников" и вручило диктаторскую власть молодому офицеру Дионисию, сыну погонщика ослов. Когда Дионисий с войском выступил навстречу

врагу, "всадники" подняли мятеж и, поскакав назад, в Сиракузы, овладели городом, разграбили дом Дионисия и надругались над его женой. Но мятеж был подавлен, уцелевшие мятежники бежали, а их земли, дома – "и даже дочери!" – были поделены между бедняками; рабы получили свободу. Военное Сжатие и социальная революция привели к власти "тиранию".

Дионисий Сиракузский был самым знаменитым греческим тираном; он создал мощную наемную армию, отразил нашествие карфагенян и овладел большей частью Сицилии. Он первым из греков надел царское пурпурное одеяние и возложил на себя золотой венок. Тиран правил железной рукой; мятежи знати были подавлены, а каменоломни превратились в концлагерь для аристократов; повсюду шныряли осведомители, и даже гетеры были обязаны доносить о неблагонадежных. На острове посреди Сиракузской бухты Дионисий воздвиг огромный замок, где он жил под охраной своей гвардии; там был расположен арсенал с сотнями катапульти и баллист – новым оружием, созданным оружейниками тирана. Дионисий первым стал строить огромные корабли с башнями, на которые устанавливались баллисты; эти корабли обеспечили Сиракузам господство на море и торговое процветание. Город украсили великолепные храмы и колоннады, он превзошёл по размерам Афины и считался крупнейшим городом Греции.

Одним из приближенных Дионисия был ученик Платона Дион, молодой аристократ, мечтавший создать на Сицилии платоновское "идеальное государство". В 386 году он пригласил Платона в Сиракузы, но великий философ позволил себе резко отозваться о тирании – в ответ Дионисий отослал Платона назад, наказав сопровождавшим продать его в рабство. После смерти тирана Диону удалось обратить в свою веру его наследника Дионисия Младшего. На этот раз Платону была подготовлена торжественная встреча; сиракузские только и говорили, что о философии и геометрии; молодой тиран пригласил десятки учителей, которые прямо на улицах рисовали на песке чертежи и объясняли жителям мудрёные теоремы. Великому философу удалось было уговорить Дионисия Младшего распустить наёмную армию и флот – однако тут вмешались сановники тирана, Дион был изгнан, а Платон уехал ни с чем. В 356 году Дион вместе со своими товарищами по Академии с благословения учителя собрал маленький отряд наёмников и отправился в Сицилию, чтобы свергнуть тиранию и построить на её развалинах идеальное государство. Карфагеняне были давно отброшены, и граждане Сиракуз не понимали, почему они должны терпеть тиранию в условиях мира. Возвращение Диона вызвало восстание против Дионисия, осведомителей убивали прямо на улицах, после кровавой борьбы тиран был свергнут.

Власть оказалась в руках платонова ученика – однако построить идеальное государство оказалось труднее, чем разрушить существующее. С падением тирании и провозглашением "свободы" воскресла старая вражда между аристократами и народом. Народ требовал нового передела земли "ибо, – как говорили его вожди, – начало свободы – это равенство, а бедность для неимущих – начало рабства". Все сражались со всеми, Дион был изгнан и с вершины холма смотрел, как пылает его родной город. Он ещё раз сумел овладеть Сиракузами, но вскоре был убит. Благие намерения ввергли страну в ад; когда в 344 году коринфянин Тимолеонт высадился на остров, чтобы отразить карфагенян, Сиракузы лежали в развалинах, на рыночной площади росла трава по колено. Тимолеонту пришлось приглашать колонистов из Греции и снова заселять город.

Затем история стала повторяться, в 317 году в обстановке войн и смут сиракузские вручили диктаторскую власть бывшему горшечнику Агафоклу. Агафокл казнил богатейших граждан, переделал землю, освободил многих рабов и провозгласил себя "царем Сицилии". Отныне тираны превратились в благородных монархов, правивший в середине III века царь Гиерон окружил себя поэтами и покровительствовал ученым, знаменитый механик Архимед был другом царя. Со времен Дионисия Сиракузы славились своими кораблями и катапультами; Архимед и корабельный мастер Архий создали одно из чудес света, огромный корабль-дворец с великолепными залами, бассейнами и башнями. Корабль приводили в движение две тысячи гребцов, а на башнях стояли баллисты, бросавшие в противника трехпудовые камни. Тысячи рабочих впряглись в канаты, чтобы спустить корабль на воду – но не смогли сдвинуть его с места; тогда Архимед сделал лебедку, с помощью которой царь сдвинул корабль в одиночку. "С этой минуты я требую, чтобы Архимеду верили во всем, что он не скажет!" – воскликнул

восхищенный царь.

Архимед создал для Гиерона множество военных машин, которыегодились сиракузянам, когда после смерти царя, в 214 году, к городу подступили римские легионы. Римляне двинулись на штурм с суши и моря, установив на кораблях осадные башни, – но не смогли подойти к стенам; их поражали из бойниц многочисленные катапульты, а на подплывавшие ближе корабли спускалась огромная механическая лапа, поднимающая их вверх и опрокидывавшая в море. Возвышающиеся над стенами машины напоминали сторукого великана Бриарея, и римский командующий говорил, что ему приходится сражаться с "математиком Бриареем". Однако после двух лет осады измена помогла римлянам ворваться в город; Архимед, как всегда, был погружен в размышления над чертежами и не обратил внимания на вошедшего солдата, он сказал только: "Не трогай моих чертежей!" – и был убит воинами, грабившими и убивавшими всех подряд. Уцелевшие жители Сиракуз были проданы в рабство, а город был обращён в развалины – как многие другие города, осмелившиеся сопротивляться римлянам.

Волна римского нашествия двигалась по эллинистическому миру, оставляя после себя руины и пепел; участь Сиракуз постигла почти все города Сицилии. Остров обезлюдел, поля заросли кустарником, и в развалинах деревень поселились волки. Полтора века спустя Сицилию посетил знаменитый римский оратор Цицерон; на заброшенном кладбище среди чертополоха он нашел поваленную надгробную плиту с изображением цилиндра и шара – могилу Архимеда. Цилиндр и шар были символом идеальной науки, символами чистоты помыслов ученого-идеалиста – и, может быть, символом идеального государства: ведь Платон тоже был геометром и рисовал чертежи у ног окруженного придворными правителя. Все эти великие проекты, мечты ученых, стремления тысяч людей, их борьба и страсть, свелись к чертежу на треснувшей надгробной плите, к цилиндру и шару – маленькому прообразу земного шара среди терниев и развалин.

КАРФАГЕН

*Pecunia oboediunt omnia .
Деньгам подчиняются все.*

С иракузы были западным форпостом эллинского мира, столицей греческой Сицилии. Дальше на запад начинался другой мир, таинственные, запретные для греков моря и возвышающиеся на утесах могучие крепости. Это был мир финикийян-пунийцев, завоевавших его в те давние времена, когда тирские моряки нашли дорогу в сказочный Таршиш. Серебро и олово Таршиша были главным сокровищем этого мира, ревностно оберегаемым от завистливых греков – стоило греческому кораблю появиться в запретных водах у Геракловых Столпов, как на него со всех сторон набрасывались финикийские триеры. Триеры выходили из Гадеса, военно-торговой базы, некогда основанной тирянами за Геракловыми Столпами на берегу океана. Где-то там, за Столпами, находился и загадочный Таршиш – но финикийцы сумели навсегда наложить на дорогу к нему покров тайны.

Далекий путь от Тира в Гадес вдоль берега Африки продолжался 76 дней. На берегу тут и там были разбросаны укрепленные финикийские колонии – финикийцы были первым народом, выведшим переселенческие колонии на пустынные берега западного Средиземноморья. В IX веке близ теперешнего Туниса тирские эмигранты основали "Новый Город", Карфаген – будущую столицу финикийского Запада. Карфаген стал промежуточной гаванью, где отдыхали от бурь идущие в Таршиш корабли. В начале VI века "таршишский путь" стал подвергаться атакам греческих триер, время от времени греки прерывали дорогу в Тир, и финикийский Запад оказался предоставленным сам себе. Но финикийские колонии сумели объединиться и в 536 году остановили греков в морской битве при Алалии. С этого времени Карфаген стал центром федерации финикийских городов Запада, ему удалось подчинить Гадес и овладеть сказочными

богатствами Таршиша. Серебро во все времена означало силу и власть; оно позволило создать наёмную армию и завоевать окружающие Карфаген долины – вплоть до кромки Великой Пустыни. Часть местного населения, ливийцев, была обращена в рабов; остальные были вынуждены платить тяжелую дань. Договорившись с дикими племенами пустыни, карфагеняне наладили путь через Сахару, в таинственный мир Тропической Африки. Большие караваны доставляли с юга черных невольников, золото, слоновую кость, шкуры неведомых зверей и яркие перья тропических птиц. На юг везли вино и железные мечи – символ цивилизации древнего мира.

К IV веку разбогатевший на торговле Карфаген превратился в огромный город с 600-тысячным населением – крупнейший город Средиземноморья. Сотни кораблей толпились в обширной гавани; толпы торговцев сутились на узких, поднимавшихся к крепости улочках. Примыкавший к порту Старый Город, Бирса, был застроен шестиэтажными домами – здесь в неимоверной тесноте жили бедняки, моряки и ремесленники. За крепостным холмом располагалась Мегара – город богатых, роскошные виллы среди садов и каналов, тенистые парки и великолепные храмы. Богатые и знатные, плантаторы и купцы, правили Карфагеном, входили в совет старейшин и занимали должности правителей-"судей"; народное собрание созывалось лишь в случае, если старейшины не могли договориться между собой. За стенами города располагались поместья аристократии – огромные плантации с виноградниками, рощами финиковых пальм и множеством рабов. Загородные дворцы карфагенской знати удивляли приезжих греков своими настенными росписями, бассейнами, аллеями роз. Весь этот мир богатства обслуживали многие тысячи рабов; рабы работали на плантациях, в ремесленных мастерских, служили гребцами на триерах. Иногда они восставали, объединялись с угнетенными ливийцами и подступали к стенам города; вторжение любого врага, римлян или греков, вызывало восстания угнетенных, с яростью громивших роскошные виллы карфагенян.

Восстания рабов чередовались с волнениями карфагенской бедноты, безработных моряков и ремесленников. Буржуазная аристократия избавлялась от бедноты, переселяя её в колонии – самым большим переселением такого рода была экспедиция Ганнона из 60 кораблей с 30 тысячами эмигрантов. Ганнон основал несколько городов на побережье Африки за Геракловыми Столпами, а затем поплыл на юг; он достиг берегов, покрытых джунглями, где водились гориллы и огромные вулканы извергали в море потоки лавы. "Мы увидели ночью землю, наполненную огнем, в середине которой горел костер, достигавший звезд", – говорит "Перипл Ганнона". Рассказ Ганнона породил легенду, что южные моря наполнены огнём – и вплоть до конца средневековья моряки не осмеливались плавать по этому пути. Путешествие Гамильтона к Британии тоже породило легенды – о зарослях, в которых застревали корабли и об огромных морских чудовищах – эти рассказы придумывались финикийцами, чтобы отбить у греков охоту к плаванию на запад. Вероятно, финикийские корабли достигали и Америки; в Америке находили карфагенские монеты, и в Карфагене знали об огромных островах на западе – но, конечно, это были случайные плавания, из которых мало кто возвращался.

Могущество Карфагена опиралось на его военный флот, сотни быстроходных триер, стоявших в эллингах военной гавани. Военный порт Карфагена вызывал восхищение греческих историков: это был обширный круглый бассейн, окружённый огромным кольцеобразным зданием, колонны которого поднимались из воды. Триеры проплывали между колонн внутрь арсенала и по наклонной плоскости поднимались в сухие доки. Посреди бассейна возвышалось круглое здание с доками и адмиральской наблюдательной башней; доки были рассчитаны на 220 кораблей – карфагенский флот был достойным соперником сиракузских эскадр.

Война между Карфагеном и Сиракузами продолжалась почти непрерывно в течение V и IV веков; морские сражения чередовались с боями на Сицилии: финикийцам принадлежала западная часть острова, грекам – восточная, и ни одна сторона не могла одолеть другую. Армия карфагенян состояла из разноплеменных наемников – деньги купцов и испанское серебро позволяли покупать жизни солдат. В этом мире наживы все решали деньги: за деньги можно было купить военную силу, власть, могущество; имея деньги, можно было попытаться завоевать мир – как это сделал знаменитый Ганнибал. Власть над Карфагеном принадлежала тому, кто больше заплатит, все продавалось и покупалось, и бедняк не считался за человека. Отряды хищных наёмников охраняли роскошные виллы буржуазии и умирляли толпы

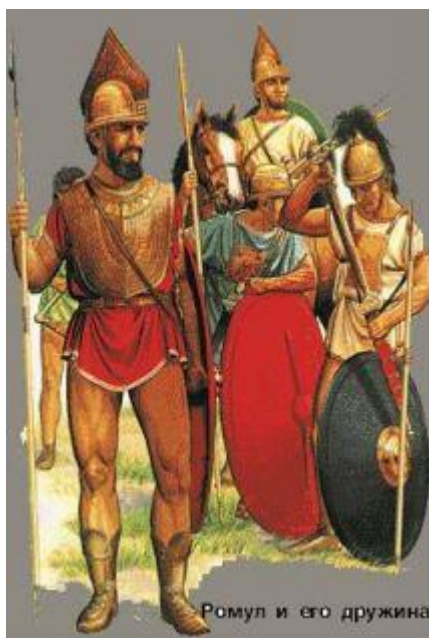
полуголодных рабов, а когда народное собрание пыталось предъявить свои права, навстречу ему тоже выходили шеренги наёмных варваров с обнаженными мечами. Таков был Карфаген, город золотого тельца, пытавшийся господствовать над половиной Ойкумены. Золото правило этим миром до тех пор, пока не пришла другая сила, более могущественная, чем золото, – сила римских легионов. Настало время, и на другом берегу моря в зале римского сената поднялся суровый старик и в воцарившейся тишине произнес роковые слова:

- Я считаю, что Карфаген надо разрушить...
- Да, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен.

Глава VI. История Древнего Рима

ГОРОД РОМУЛА

*Не гладок путь от
земли к звездам.*
Сенека

В великий Рим был городом, где решались судьбы государств и народов, городом, откуда вышли железные легионы, разрушившие Карфаген, Сиракузы и Коринф. Римлянам было

суждено властвовать и повелевать миром полтысячелетия – но, как всегда, эпохе расцвета предшествовали детство и юность – время, когда Рим был маленьким городком на вершине зеленого Палатинского холма.

Внизу, под холмом, в болотистой долине протекал Тибр, а по соседству возвышался ещё один холм, Квиринал, где тоже жили римляне – там было несколько десятков лачуг за деревянным частоколом. В долине Тибра было много таких городков; они принадлежали племенам латинов, некогда завоевавшим эту страну вместе с другими италийскими племенами. Это произошло в те далекие времена, когда на Средиземноморье обрушилось нашествие "морских народов", когда племена ариев, вырвавшись из Великой Степи, увлекли за собой прибрежные народы и, пересев с колесниц на корабли, достигли Италии и границ Египта. По легенде, в этот вихрь племен попали последние герои гомеровской Трои во главе с Энеем, считавшимся предком латинян; этот вихрь занёс в Италию и этрусков, обитавших где-то неподалеку от Трои и основавших по соседству с латинянами несколько воинственных общин. По преданию, дочь одного из латинских вождей была жрицей в храме богини Весты – давшей обет безбрачия "весталкой". По воле бога у нее родились близнецы, которых сочли за детей греха и приказали утопить. Раб отнес корыто с младенцами к реке и пустил вниз по течению; корыто пристало к берегу, и малышей вскормила своим молоком волчица; потом их подобрал пастух, назвавший мальчиков Ромулом и Ремом. Когда близнецы выросли, они отомстили едва не погубившему их вождю, а затем с группой удалцов решили основать новую общину. Ромул выбрал место на пустынной вершине Палатинского холма – но это место не понравилось Рему; в ссоре братья схватились за мечи, и Рем был убит.

21 апреля 753 года Ромул провел борозду на месте будущего частокола и основал поселок, которому дал свое имя – Рома. Потом Ромул и его друзья пригласили на пир местных жителей, сабинян, и захватили их дочерей – легенда донесла до нас рассказ об обычных событиях тех времен, когда дружины завоевателей вторгались на чужую землю, и, засеяв на холме, совершали набеги на местное население, захватывали женщин и порабощали пленников. По легенде, сабиняне пытались вернуть своих дочерей и напали на Рим, но дочери, ставшие женами, пришли со своими маленькими детьми на поле боя и примирили отцов и братьев со своими мужьями. В конечном счете, пришедшие с Ромулом дружинники стали основателями патрицианских родов, закабаленные пленники – их "клиентами", а покорившиеся и сохранившие свободу туземцы стали называться плебеями. "Арийские государства", основанные завоевателями в разных странах, были похожи друг на друга, везде – в Риме, в Спарте, в Хаттусе – везде были благородные господа, везде были рабы и сохранившие свободу туземцы-плебеи. Ополчение "благородных" везде возглавляли вожди-цари, правившие вместе с советом родовых старейшин – этот совет назывался в Риме сенатом; народное собрание лишь отвечало "да" или "нет" на вопросы старейшин.

Дружина Ромула не обладала такой силой, как древние хетты или спартанцы, поэтому рабов-клиентов было немного и отношение к ним было мягким, "отеческим" – они были включены в состав рода-"фамилии" как младшие родственники. Патрициям, не имевшим рабов, приходилось самим пахать землю, и образ идущего за плугом благородного патриция стал символом старого Рима – времен, когда "вечный город" был маленьким поселком на вершине холма. Под холмом располагался "форум", рыночная площадь с лавками и крытой соломой белёной глинобитной хижинкой, храмом богини Весты, хранильницы домашнего очага. Жрицы-весталки постоянно поддерживали огонь в очаге, и любой поселянин мог взять здесь головню для своей потухшей печи. Дома благородных патрициев были такими же крытыми соломой хижинами, в которых огонь горел на земляном полу и дым выходил в двери – в VI веке, когда на берегах Италии процветали греческие колонии и греки жили в роскошных виллах с бассейнами и садами, – в это время Рим ещё оставался бедным варварским городком.

Римляне старались перенимать культуру греков и этрусков, они заимствовали у них письменность, цифры, календарь, меры веса, одежду, тайны гадания по полету птиц. Римских богов стали отождествлять с греческими, царя богов Юпитера – с Зевсом, бога войны Марса – с Аресом, богиню любви Венеру – с Афродитой. В VI веке Рим обнесли каменной стеной, а на одном из холмов – Капитолии – построили акрополь с большим храмом Юпитера. Это было время, когда в греческих городах правили тираны, – и римские цари подражали греческим

тиранам, они покровительствовали плебейам и казнили многих недовольных патрициев. С падением греческой тирании патриции изгнали царей и передали власть двум консулам, избираемым ежегодно из числа знати. Этот государственный строй назывался "res publica" – "народное дело", однако в действительности "республика" была делом богатых и знатных. Со времен завоевания патриции присвоили себе большую часть земель, которую они называли "народным полем"; плебеи ютились на оставленных им жалких наделах, бедствовали и постоянно находились в долгу у патрициев. По закону, неисправного должника могли убить или обратить в рабство – патрицию было достаточно поклясться, что плебей ему задолжал. Плебеи были обязаны сопровождать патрициев на войну – но они не желали сражаться за "республику" и иногда в разгар войны уходили из Рима на Священную гору. Патрициям приходилось идти на уступки; они согласились, чтобы у плебеев были свои защитники, "народные трибуны", способные наложить "вето" на несправедливое решение сената и консулов. Двери в доме трибуна не запирались ни днем, ни ночью, и гонимые в любое время могли найти в нем защиту. Чтобы прекратить судебный произвол, был создан кодекс законов – законы были записаны на 12 медных таблицах и вывешены на обозрение народа.

В 390 году на Рим обрушилось нашествие галлов. Галлы (или кельты) пришли в Европу с Третьей Волной степных народов и покорили весь материк, лежавший за Альпами и Балканами. Они были многочисленны и сражались с неукротимой яростью, в V веке они захватили Северную Италию и в 390 году подступили к Риму. Римское войско было разбито в кровавой битве на реке Аллии, галлы ворвались в Рим, разграбили город, а затем осадили крепость на Капитолии. Осада продолжалась семь месяцев, и во время одного из ночных нападений римлян спасли лишь гуси, посвящённые богине Юноне: их гогот разбудил заснувших на стене воинов. Чтобы освободиться от осады, римлянам пришлось заплатить выкуп – когда они отмеряли золото, вождь галлов Бренн бросил на чашу с гириями свой меч. "Горе побежденным!" – сказал Бренн, и римляне покорно уравнили меч золотыми монетами.

Галлы пять раз подступали к Риму, и римлянам пришлось оставить распри; в 376 году патриции смирились и предоставили плебейам гражданские права, затем было отменено долговое рабство. Отныне плебеи сравнялись в правах с патрициями, и на смену власти знати пришла власть богатства. Богатые плебеи были включены в сенат, который стал собранием богатейших людей Рима; сенат по-прежнему управлял всеми делами, а бедняки по-прежнему страдали от безземелья и мечтали о революции, которая дала бы им землю. В 321 году Рим снова потерпел поражение – на этот раз от самнитских племен в Средней Италии; большая римская армия была окружена и сдалась в плен в Кавдинском ущелье. Самниты отпустили пленных, но принудили их пройти под позорным "иглом" – под копьём победителя, положенным на два других, воткнутых в землю копья. Римские полководцы были вынуждены приступить к реформе своих военных сил – к той самой великой реформе, которая даровала римлянам господство над миром.

Побуждаемые обстоятельствами войны, римляне изобрели новый способ маневрировать войсками на поле боя, их легионы строились не так, как фаланга – сплошной массой – а с промежутками, подобно клеткам на шахматной доске. Легион, насчитывавший 5 тысяч воинов, строился в три линии по манипулам в 120 человек; в ходе боя манипулы задних линий входили в промежутки передней линии, чтобы сменить потрепанные части или усилить удар. Это тактическое изобретение – возможность сменять части на поле боя – даровало римлянам господство над миром; новые легионы с легкостью разгромили самнитов и галлов.

До Великой Реформы Рим был одним из многих итальянских городов-государств – его владения не распространялись далее городских окрестностей. После реформы положение изменилось: римляне подчиняли всё новые и новые племена, присоединяя их в качестве "союзников". "Союзники" стали новыми плебеями: римляне отнимали у них половину земли, заставляли платить дань и сопровождать их на войне. На новые земли выводились римские колонии, безземельные бедняки были обеспечены фермами, и никто более не помышлял о революции: военная победа разрешила все социальные конфликты. К 272 году римляне овладели Средней и Южной Италией; в своем безудержном порыве легионы переправились в Сицилию и столкнулись с новым могущественным противником – Карфагеном.

Началась полувековая эпоха Великих Войн.

ГАННИБАЛ У ВОРОТ!

*Предоставьте мечу
решать судьбу мира.
Лукиан .*

В великая война Рима с Карфагеном была столкновением двух разных миров, удивительным образом оказавшихся на одной планете. Мир римлян – это был мир крестьян, идущих за плугом, но ещё не разучившихся воевать и хранящих в своих глинобитных хижинах воинские доспехи. Мир карфагенян был миром торговли, миром далёких морей, натянутых ветром парусов – и миром золота, которое двигало эту торговлю. Карфаген был городом, где поклонялись золотому тельцу, городом роскошных вилл с бассейнами и чернокожими наложницами, городом банков, где бородатые финикийцы перебирали холеными пальцами блестящие золотые кружочки. Золото означало власть, и, хотя финикийцы давно разучились сражаться, золото позволяло нанимать воинственных и жестоких варваров, галлов или нумидийцев, которым было всё равно, кого убивать.

В 264 году римляне по приглашению враждовавших между собой сицилийцев впервые высадились на этом благодатном острове – в ответ карфагенский флот начал опустошать берега Италии. У римлян не было флота, но они мобилизовали граждан, разобрали на части случайно попавшую к ним карфагенскую полиеру и по ее образцу за несколько месяцев построили 120 судов. В передней части своих кораблей римляне соорудили перекидные мостики, цеплявшиеся за борта судов противника – это новшество позволило им выиграть несколько морских сражений. Однако Карфаген был сильным противником, и война за Сицилию продолжалась 23 года; римляне высадились в Африке и подступили к самому Карфагену – но навстречу им вышли сотни боевых слонов, буквально раздавившие маленькую римскую армию. Римские моряки были неопытны и несколько раз попадали в шторм; морская пучина поглотила сотни кораблей и десятки тысяч римлян; побережье на многие мили было покрыто обломками судов. В конце концов, карфагеняне потерпели поражение, отдали Риму свои крепости на Сицилии и выплатили большую контрибуцию – но они не оставили мысли о реванше.

Карфагенскими наемниками в Сицилии командовал знаменитый полководец Гамилькар по прозвищу Барка – "Молния". Гамилькар ненавидел римлян и заставил своего 9-летнего сына Ганнибала поклясться отомстить Риму – если это не удастся сделать ему самому. Готовясь к новой войне, Гамилькар принялся расширять испанские владения Карфагена; он одержал много побед, подчинил местные иберийские племена, но, в конце концов, погиб в бою с воинственными варварами. Преемником Гамилькара на посту командующего армией стал его зять Гасдрубал, а затем подросший сын Ганнибал. Ганнибал был воспитан в военном лагере и с детства познал искусство войны, искусство маневров и военных хитростей. Военная добыча позволяла ему содержать армию и вести войну на свой страх и риск, в 218 году он неожиданно двинулся со своим 60-тысячным войском из Испании в Италию.

На пути Ганнибала лежали покрытые снегом Альпы, и римляне считали карфагенского полководца безумцем. Армия двигалась по единственной обледенелой тропинке, воины тысячами срывались в пропасти и замерзали в снегах, засевшие на вершинах горцы сбрасывали сверху огромные валуны. Больше половины солдат нашло могилу во льдах, но для Ганнибала это были всего лишь наёмники-варвары; спустившись с гор, он мог навербовать новых. За горами, в долине реки По, Ганнибала ждали давние враги Рима, галлы – они пополнили поредевшее войско и вдохнули в него новые силы. Ганнибал вёл войну с помощью военных хитростей и засад – римлянам ещё не приходилось сталкиваться с таким противником. Сначала одна римская армия была окружена и разбита на реке Требии, затем, весной 217 года, на берегу Тразименского озера попала в засаду другая армия – это было страшное побоище, когда погибло 25 тысяч римлян. В Риме вспыхнула паника, и сенат вручил власть диктатору Фабию Максиму, опытному полководцу, который старался изнурять противника, не вступая в крупные сражения.

Летом 216 года пришедшие в себя римляне решили дать решающий бой; под знаменами

прославленных легионов собралось 80 тысяч воинов. Римские легионеры были одеты в кирасы из железных пластин, в то время как галльские наёмники Ганнибала имели лишь щиты и мечи; обладая полуторным численным превосходством, римский консул Варрон не сомневался в успехе – но Ганнибал сумел найти слабое место римлян. Римская конница была слабее карфагенской, на вербованной среди кельтов и африканских кочевников-нумидийцев. В разыгравшейся близ города Канна знаменитой битве кельты и нумидийцы сумели опрокинуть стоявшую на флангах римскую конницу и, развернувшись, ударили в тыл легионам. Римляне были окружены, началась резня, в которой погибла почти вся римская армия.

Битва при Каннах вошла в историю военного искусства как символ окружения и разгрома – повторить Канна было мечтой всех европейских полководцев Нового времени. Однако победа при Каннах не принесла победы в войне; Рим сохранил свое могущество – ведь это был не только город, но и государство, включавшее тысячи деревень, населённых крестьянами, в домах которых хранились воинские доспехи. Результаты победы Ганнибала ограничились переходом на его сторону нескольких издавна враждебных Риму италийских племен; несколько племен и тридцать тысяч ненадёжных наемников – это было всё, что мог противопоставить Риму победитель при Каннах. Рим ответил на Канна всеобщей мобилизацией – он выставил на поле боя четыре новые армии и 230 тысяч воинов. Началась долгая война на истощение; избегая больших сражений, римляне шаг за шагом оттесняли Ганнибала на юг полуострова. Карфагеняне были разбиты в Испании; наконец, в 204 году римский полководец Сципион высадился в Африке. Ганнибал погрузил свою армию на суда, перебил солдат, не желавших уходить из Италии, и поспешил на защиту Карфагена; весной 202 года близ города Замы произошла решающая битва. Превосходство в кавалерии было теперь у римлян и Сципион сумел окружить войска Ганнибала – точно так же, как это сделал Ганнибал при Каннах.

Карфаген был вынужден просить мира; карфагенские сенаторы, старцы в длинных белых одеждах, пришли к Сципиону, чтобы умолять о милости. Они отказались от владений в Испании, согласились выплатить огромную контрибуцию, перебить боевых слонов и отдать Риму свой военный флот. Сотни великолепных кораблей – краса и гордость Карфагена – были преданы огню, и карфагеняне плакали, глядя с городских стен на огромное зарево. Чтобы заплатить контрибуцию, карфагенская олигархия взвалила на народ непосильные налоги; это вызвало вспышку негодования: в Карфагене уже давно не было мира между бедными и богатыми, и народ не раз поднимался против буржуазии. В 196 году народное собрание вручило диктаторскую власть своему кумиру Ганнибалу, и он сумел заплатить Риму, отняв часть имущества у аристократии. Обобранные олигархи обратились к римлянам и обвинили Ганнибала в подготовке новой войны, на старости лет великому полководцу пришлось бежать из родного города и искать убежища у сирийского царя Антиоха III. Но римляне продолжали преследовать своего кровного врага и, разгромив Антиоха, потребовали выдачи Ганнибала. Окруженный в своем доме врагами, Ганнибал принял яд. "Избавим римлян от давней заботы, раз уж им невтерпёж дожидаться смерти старика", – сказал он, держа в руке чашу с отравой.

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН

*Будет некогда день и погибнет
священная Троя...*

Гомер.

и&_